

**СТРАСТИ-
МОРДАСТИ**

МАИРА ЦИБУЛИНА

Прям страсти-мордасти, какая любовь! То ни одного парня, а тут на тебе — два сразу.

Первый парень вынес меня на руках из трамвая, когда я потеряла сознание. А потом — поцеловал. И я влюбилась в него, не зная даже его имени. Что еще надо для счастья девушки? Оказывается — еще один парень. Второго я увидела танцующим полуголым на сцене стриптиз клуба. Он так зажигал, что я потеряла сразу от него голову. Ну, и как тут не влюбиться?!

И вот теперь у меня дилемма — кого выбрать из двоих?

А еще надо распутать убийство своего бывшего однокурсника, с которым мы учились вместе в военной академии!

1

Да! Неудачно я начала самостоятельную жизнь! Надо было все хорошенько обдумать, а уж потом бежать из дома. Моя мамочка все-таки была права. Женщины, они, на то и созданы женщинами, чтобы сидеть дома: гладить, варить, глядеть за детьми и время от времени смотреть в окно — может, уже милый муженек прикатил домой на своем запорожце. Мне, наверно, все-таки нужно было остаться дома, сыграть роль послушной дочурки и с улыбкой на раскрашенной мордочке встретить своего будущего муженька. Сейчас я сидела бы в прохладном доме на одном диване со своим женихом, и мы пили бы прохладный бренди. Но я, дура-дурой, захотела независимой жизни и вот я теперь стою в трамвае, битком забитым людьми. Ноги у меня опухли и гудели от ласковых ног пассажиров. А еще говорят, что нигде не бывает так жарко, как в пустыне Сахаре! Я бы посмотрела на этих грамотеев, которые это твердят, очутись они в полдень, в самый разгар лета в трамвае, который уже пять минут, как застрял в пробке. И в котором нет, чем дышать, потому что эта железная банка с-под консервы была туго набитая пассажирами. И в придачу ко всему этому на горизонте появилась здоровенная баба, которая орала во все горло:

— Показываем билетки, дорогие пассажиры! Билетки!

Когда бабище протиснулась ко мне и потребовала билетик, только, тогда ко мне дошло, что я сбежала от родителей без единой копейки.

— Эй, гражданочка, — затрубила баба, — ты, что оглохла? Билетик показывай!

Я смотрела на нее своими большими глазами, даже слова не вымолвив.

— Что я говорю на иностранном языке, что ли?

Я продолжала усердно молчать и смотреть на нее, как невинный ягненок на серого волка.

— Эй, гражданка, вы — нормальная? — спросила она меня.

— Угу, — пробубнила я сквозь зубы, качая головой.

В ту же секунду голова закружилась, помутнело в глазах, ноги подкосились и если бы не пассажиры, подпирающие меня со всех сторон, то я шлепнулась бы прямо здесь.

— Да нет! Ты — ненормальная все-таки! — повысила голос бабище. Ей надоело со мной нянчиться и вот она начала мне грубить. — Что ты на меня уставилась? Что я на португальском языке разговариваю, что ли? Или ты приехала с такой глуши, где на русском ни ти-ти?

Голова у меня так разболелась, что не было силы ей хорошенько ответить, да и в ушах начало что-то постреливать.

— Женщина, что вы прицепились к бедной девушки? — послышался позади моей спины чей-то мужской голос. — Не видите, что ей плохо. Жара-то какая! Так и в больницу от перегрева можно попасть.

— А ты что ее защищаешь? Любовник, что ли? — прогудела нахалка моему защитнику.

— Да как вы с людьми разговариваете, гражданочка? — вмешалась другая женщина. — Не видите, что девушке плохо? Ей нужен свежий воздух. Откройте двери и пусть она выйдет.

— Э, нет! — прошипела злющая баба. — Сперва, пусть уплатит, а тогда может и катится себе ко всем чертям!

— Женщина, да как вам не стыдно? Девушке плохо, а она еще на нее орет, — вмешалась в разговор старушка. — А ну-ка, открывай двери! Пусть девушка выйдет.

— Водитель, откройте, пожалуйста, двери! — послышалось со всех сторон.

— Федя, не открывай! — пыталась перекричать всех пассажиров бабище.

Но не тут то было! Весь трамвай зашелся защищать бедную девушку, которой стало дурно от невероятной жары. И кто бы мог подумать, что этой девушкой была я! За меня еще никто так не заступался. От такой оглушительной славы моя голова поехала окончательно! Наконец-то двери открылись и какой-то парень, взяв меня на руки, вынес меня из трамвая. У меня перед глазами все плыло, потому я и не видела отчетливо его лица, а потом и вовсе все исчезло и в глазах потемнело.

Очнулась я, полулежа на лавке в компании очаровательного парня, если не сказать обворожительного, прелестного, красивого донельзя, ну просто-просто душики! Я даже и в мыслях подсознательности не могла себе представить, что когда-нибудь такой... такой милашка взглянет на меня, а тут он меня защищал и еще вынес на руках из трамвая, да еще с моими тяжелыми чемоданами! Ах! Это, наверное, мне снится! Вот, закрою сейчас глаза, а через минуту открою, и его не будет рядом. Но открывши глаза, он все еще сидел рядом со мной.

— Девушка, что с вами? — спросил он, нервничая. — Вам плохо от жары или у вас что-то серьезно? Тогда я вас в больницу отвезу.

— Нет-нет, — быстро отчеканила я, протирая глаза. — Это все от жары.

— Так вам уже лучше?

— Да, — ответила я. — Еще никогда не ездила в трамвае, да еще в такую жару. Вот вам и результат!

— А вы откуда приехали? — спросил вежливо парень. — Вижу, чемоданы у вас тяжелые.

— Что? — притворилась я, что не расслышала, а сама уже изо всех сил крутила, что ему соврать.

— Из какой, говорю, глубинки вы приехали? — повторил он.

— Вы хотели сказать: из какой деревни я приехала, что не видела еще до сих пор трамвая? — ошеломила я его своим вопросом.

2

— Нет, я этого не говорил, — сконфуженно ответил он.

— Но хотели, — настаивала я на своем.

— Девушка, я к вам со всей душой, а вы такое говорите! — обиделся парень. — Да если бы не я, то вы бы все еще жарились в том трамвае, выслушивая хамские оскорбления той женщины! Если ее можно так назвать. Она только с виду женщина, а характер у нее мужской, хамский.

— Вы что хотите сказать, что все мужчины — хамы? — спросила я его.

Он ошарашено глядел на меня, переваривая информацию, которую только что получил.

— Наконец-то, один из мужиков все-таки осознал это, и ему хватило смелости это признать.

— Что вам сделали мужчины, что вы их хамами обозвали? — внезапно для меня спросил он.

— Ничего.

— Тогда зачем вы их хамами обозвали?

— А я их не обзывала хамами. Это вы их так обозвали, кстати, и себя тоже.

— Да не обзывал я мужиков хамами, — оправдывался он. — Это я эту женщину хамкой обозвал.

— А! Вот я, глупая, подумала, что вы о мужиках так говорите, когда сказали, что у нее характер мужской, хамский.

— Да нет же! — сказал он и вдруг рассмеялся.

Как он красиво смеялся! Еще никогда не слышала такой красивый хохот. А глаза! Какие у него были глаза! Голубые, с зеленым оттенком вокруг краев. Волосы у него были русого цвета, коротко стриженные. Одежда у него была чистая, опрятная. Хотя была невыносимая жара, но потом от него не несло, как у некоторых пассажиров. Мой нос уловил запах дорогих духов, которыми часто душились сливки общества, как моя мамочка их называла. Но какие именно я не могла назвать, потому что я не интересовалась этим. Вот когда я впервые в жизни пожалела, что не была такой, как Муся. Она бы сразу распознала, какие это были духи.

Налетавшись в облаках, я вдруг очнулась и ощутила его пылкий взгляд, от которого у меня мурашки по коже поползли.

— Я — Боря, — сказал он. — А тебя как зовут? То есть вас, — поспешил он переправить. — Или все-таки лучше давай сразу на «ты».

— Э... — поторопилась я, но прикусив язык и подумав, что скажи я свое настоящее имя, он перепугается и сразу убежит, как это делали все парни, с которыми мне когда-либо приходилось знакомиться, поэтому я соврала, назвавшись Евой.

— Ева! — промолвил Боря. — Как красиво! У меня еще не было знакомых с таким именем.

Он нагло впился в меня своими глазами, и на минуту мне показалось, что он восхищался мной. Но этого не могло быть так, как я была не красивой. Я даже подумала, что он смотрит на кого-то сзади меня, поэтому оглянулась назад, но там сидела всего лишь старенькая бабушка, ожидавшая на трамвай. Я повернула голову назад и наткнулась снова на его пылкий взгляд. Мне стало так душно, что я молвила:

— Мне надо домой.

— А ты где живешь? Я тебя провожу.

— Нет-нет. — Встала я, взявшись руками за чемоданы. — Не надо. Я сама.

— Нет, надо, — настаивал он. — Ты себя еще плохо чувствуешь, и я себе не прощу, если ты еще где-нибудь грохнешься об асфальт.

Он вцепился руками за чемоданы, пытаясь их у меня отнять. Вдруг его ладони нежно накрыли мои, и от этого мне стало дурно, то есть так хорошо, что я остановилась взглядом на нем. Наши глаза встретились, и на секунду мне показалось, что этого человека я искала всю жизнь. Вдруг я увидела что-то в его глазах такое, что подсказало мне, будто он хочет

меня поцеловать. Мне стало дурно, страшно, холодно и жарко одновременно. И что вы бы думали! Он прижался губами к моим губам так страстно и жадно, что мне не было, чем дышать. Он целовал меня так пылко, как будто делал это в последний раз. И я наслаждалась своим первым поцелуем, сорванным с моих губ так внезапно, что я не могла это предотвратить. Хотя если признаться честно, — не то, что не могла, просто не хотела. Я сама себе удивилась. Как я могла себя позволить поцеловать, да еще человеку, которого вижу в первый раз? Видела бы сейчас меня моя мама! Она прыгала бы от счастья. Наконец-то ее дочурка заинтересовалась мужчинами! «Скорее, — мелькнуло в моей голове, — наконец-то мной заинтересовался хоть какой-то мужчина!» Как долго моя мамочка этого ждала! Ведь я всех своих ухажеров, которых она откапывала из сливок общества, прогоняла направо и налево.

— Так, где ты живешь? — спросил Борис.

— Я?

— Да.

— Нигде, — ответила я, как полоумная.

— Как нигде? — удивился он. — Где-то ты же должна жить!

— Дома, — промырнула я неуверенно.

— Где же твой дом? — настаивал он.

— Нигде, — продолжала я.

— Понимаю. Ты не хочешь, что бы я знал твой адрес.

— Да! — буркнула я быстро и так же быстро ответила: — То есть, нет.

— Как так?

— Ну, я приехала из деревни к своей подружке Муси.

— Так давай я тебя отведу к твоей подруге, — предложил он.

— Нет, не надо.

— Надо, — настаивал он.

— Да что ты ко мне прицепился? — сказала я грубо. — Думаешь, поцеловал, то я тебе так сразу и дала свой адрес?

— Ева, ты что думаешь, я всех девушек на улице целую, что ли? Отдай чемоданы! — приказал он так властно, что я тут же отпустила их. — И если я тебя поцеловал, то значит у меня к тебе серьезные намерения. Может, я в тебя влюбился, а?

— Нет, этого не может быть, — ответила я растерянно.

— А ты откуда знаешь? — спросил он и двинулся вперед с моими чемоданами.

3

Я остолбенела, но за две секунды пришла в себя и быстро побежала за ним.

— Отдай мои чемоданы, — приказала я ему.

— Какой адрес? — спросил он спокойно.

— Отдай мои чемоданы, — настаивала я.

— Адрес! — не сдавался он.

— Не скажу, — надулась я.

— Тогда я их отнесу к себе, — сказал Борис. — Если ты нигде не живешь, будешь жить у меня.

— Как у тебя? — удивилась я, остановившись.

Он тоже остановился.

— Ева, пойми ты, наконец, что если я тебя поцеловал, то я теперь не отпущу тебя. Тем

более не позволю исчезнуть, не сказав, где ты живешь.

Я была в шоке от его слов.

— Первомайская 5, квартира 48, - ответила я ему. — А теперь давай чемоданы и пока.

— Нетушки! — сказал он. — Я тебя отведу. Может, ты мне наврала и завтра я приеду к тебе на свидание с цветами, а ты там не живешь, и о такой там и в помине не слышали. Так что — цветы в мусор выбрасывать, что ли?

— Какие цветы? — не могла я сообразить.

— Первомайская 5? — переспросил он.

— Да.

— Я знаю, где это. Пошли, — сказал он.

Долго ходить нам не пришлось, потому что дом Муси находился за поворотом. Мы зашли в дом, нашли нужную квартиру и Борис нажал на звонок. Дверь открылась и оттуда выглянула Муся.

— Мусичка, привет, — обрадовалась я.

— Привет, — сказала она.

— Знакомься, это Борис. Борис, это моя подруга Мария, Муся.

— Так значит, ты ее подруга? — переспросил Борис без малейшего доверия.

— Да, я подруга Е... — начала Муся, но я ее перебила, чтобы она меня не выказала.

— Евы. Теперь ты знаешь, где меня можно найти. Все, приходи завтра. До свиданья.

Я забрала у него свои чемоданы и закрыла перед ним двери. Развернувшись лицом до Муси, я увидела, что она плачет.

— Что с тобой, Муся?

— Бедненький... — только и сказала она.

— Кто бедненький? Этот бедненький? — указывая рукой на двери, за которыми остался Боря.

— Бедненький, — рыдала Муся.

— Муся, что случилось? Кто бедненький?

— Он покончил с собой... — непрерывно рыдая, невнятно бубнила она. — Он покончил с собой из-за меня. Выпрыгнул с крыши своего дома.

Муся рассказала мне жуткую историю. Бывший наш однокурсник выпрыгнул с крыши своего дома. Завтра будут похороны. И нам надо туда идти. На мой вопрос, кто он, Муся мне не ответила и разрыдалась с такой силой, что я никак не могла ее успокоить. Дав ей снотворное и уложив в постель, я села около нее в кресле. Муся пыталась мне что-то сказать, зевая и при этом рыдая. Из всего этого она выбрала, наконец, самое лучшее решение — поспать. Закрыв глаза, она сразу стала похрапывать. Никогда не подумала бы, что Муся могла так храпеть. Такая красивая девушка и такое устрашающее похрапывание, хотя скорее похрюкивание. Теперь мне стало ясно, почему Муся никогда не оставалась на ночь у своих любовников. Услышав ее сексуальное “хрю-хрю”, все ее парни мигом бы испарились.

Кресло, на котором я сидела, было таким твердым и жестким, что я уселась около постели подруги. Хорошо, что на полу был мягкий коврик. Наверное, слушая такое эротичное “хрю-хрю”, я не заметила, как уснула. И под влиянием этого сексуального похрюкивания мне приснился кошмар. Будто я лежу в постели, а рядом со мной, что говорить рядом, если совсем как раз и не рядом, а прямо-таки на мне — лежит мой нынешний знакомый Борис. Какая же я все-таки оказалась шалавой! По-другому назвать себя я не могла. Как можно было так быстро сдаться и лечь с ним в постель? Уму

непостижимо! Он эротично мяукал и, как не странно, облизывал мое ухо, а потом и вовсе принялся сосать мочку моего уха, как будто он был младенец, а ухо — материнская грудь. От этого я быстро открыла глаза и облегченно вздохнула, увидев, что я лежу на полу, а вовсе не в постели в объятиях Бориса. Но на моей груди что-то шевелилось, что-то пушистое и мягкое. Да еще в придачу мяукало и жадно сосало мое ухо. Я на минуту потеряла самообладание и хладнокровие, которым мог позавидовать сам Джеймс Бонд и которые меня еще никогда в моей недолгой жизни не покидали. Я так громко вскрикнула, что от этого крика и мертвец бы в гробу опрокинулся. То странное волосатое чудище, которое еще минуту назад наслаждалось облизыванием моего уха, пропало так быстро, что я не успела даже этого заметить. На своих четвереньках я поползла к двери. Встав на ноги, я нашла выключатель и быстро нажала на него. В одно мгновение появился свет, и я взглянула в ту сторону, откуда доносилось тихое «мяу-мяу». Увидев вместо лохматого чудища пушистого котенка, я рассмеялась. Бедное животное испугано мяукало и тарасило на меня свои зеленые глазки. Возле него дрыхли еще трое клубочков, которым не помешал ни мой визг, ни свет, ни даже то, что по ним лазил их братик, пытаюсь их разбудить.

4

— Ах, ты мой бедненький! — просюсюкала я, шагая к котенку. — Так это ты мое ухо ссал?

Я взяла котенка себе на руки.

— Ах, ты мой маленький! — гладила я котенка по его головке. — Что все спят и тебе не с кем поиграть? — спросила я у малыша. — Какой же ты, однако, красавец! Весь во фраке и с белой бабочкой. Ах, ты мой котеночек! — просюсюкала я, прижимая его к своей груди.

Котенок времени даром не терял и быстро полез снова к моему уху. И еще секунду он бы вцепился в мое ухо своими клыками. Но я ему помешала.

— Ах, вот ты какой быстрый! — погрозила я ему своим пальчиком. — Интересно, ты так же нахально будешь вести себя с кошками, когда вырастешь? Ах, ты стервец такой!

Котеночек смотрел на меня своими невинными глазками, как будто не понимал, что плохого он сделал. Тогда я догадалась, что малыш хочет кушать и направилась с ним искать его мамочку. Должна же она его накормить. Это ее долг. Ведь она его мама. По каким это причинам я должна исполнять ее материнские обязанности?

— Кис, кис, — искали мы с котенком его маму.

Но ее нигде не было. «Еще осталось одна комната», — подумала я про себя. Открыв двери, я увидела постель и спящего на ней Сергея Петровича, отца Муси, который работал полковником в милиции и поэтому возвращался часто домой поздно. Кошки здесь не было, и я закрыла двери.

— Да! — вздохнула я глубоко, смотря на котенка. — Где же это твоя мамочка затерялась? Неужели, с твоим папой делают тебе еще братиков и сестричек? — поделилась я мыслью с Чернышом.

Он был таким черным, что я подумала и назвала его этим именем. Мы с котенком пошлепали на кухню. На часах было три ночи.

— Что же тебе в три часа не спиться? — спросила я у котенка, роясь в холодильнике. — Еще маленький, чтобы ночью шляться. Молоко будешь пить? Будешь! Куда ты денешься?

Я налила в тарелочку молока, предварительно подогрев его, и положила ее на пол. Малыш прекратил мяукать и принялся хлебать язычком молочко. Вдруг в комнату ввалились остальные трое котенков, оттесняя Черныша.

— Что унюхали запах пареного молока? — спросила я у них. — Ах, какие обжоры!

Неожиданно зазвонил телефон. Кто мог так поздно звонить? Но если уж звонили, значит что-то серьезное. Оставив малышей пить молоко, я направилась на поиски телефона. Хотя где он был, я не знала, потому что была впервые в этой квартире. Но на слух я пришла в зал. Включив свет, я увидела аппарат и быстро взяла трубку.

— Алло, — произнесла я.

Но ответа не последовало. Вместо этого я услышала глубокое дыхание.

— Алло, — повторила я еще раз. — Я вас слушаю. Говорите, пожалуйста.

— Считай, что ты покойница! — услышала я грубый, то ли женский, то ли мужской голос. — Тебе не жить! Слышишь?

«Еще бы не слышать! Зачем так громко орать?» — подумала я, решив, что это каким-то шутникам ночью не спиться. Вот они и решили, если у них сна нету, пусть у кого-то еще он пропадет.

— Слышу, слышу! — ответила я резко. — Как же не слышать! Вы же орете во все горло. Пожалуйста, тише, а то мой муж проснется и вам тогда не поздоровится, что вы его в три часа ночи с постели вытащили. Он у меня, жуть, какой горячий!

— Это из-за тебя мой мальчик покончил с собой, — продолжал вещать грубый голос, несмотря на мои слова. — Поэтому я покончу с тобой. Я скоро приду за тобой. Жди.

Послышались гудки. Я положила трубку. Да уж! Ну и шутнички! Если трубку Мусю взяла бы, то она точно от страха описалась бы! Но трубку взяла я, а это значит — не на тех попали! Я выключила свет и пошла на кухню. Котенки уже покончили с молоком и радостно играли друг с другом.

— Идем спать, — сказала я им и потушила свет.

Я пошла в комнату к Муси и легла возле нее. Еще минуты не прошло, как в комнату ввалились котеночки, и попытались взобраться на постель. Но кровать слишком была высока для них, поэтому я вытащила всех котят на постель сама. Они еще немного поиграли, а затем затихли в моих ногах и в ногах Муси, которая так же спокойно и сладко похрюкивала несмотря ни на что.

5

Утром меня разбудил солнечный свет. Казалось, что солнце пыталось проникнуть к нам в комнату. Это было прекрасно просыпаться в объятьях солнца. Но открыв глаза, я увидела, что нахожусь в объятьях не только солнышка, но и Муси, и четырех котенков. Рука Муси придавила мою шею так, что я только удивилась, как она меня не удушила ночью. Черныш времени не терял и уже с самого утра ласкал мое ухо. В свою компанию он пригласил троих собратьев. Двое из них мучили мое левое ухо, а один помогал Чернышу теревить мое правое ухо. В эту минуту проснулась Муся и, подняв голову, и увидев меня в оковах зверушек, расхохоталась до колик в животе.

— Ой, не могу! — хохотала подруга, держась одной рукой за живот, а другой рукой хлопая ладошкой по подушке. — Сейчас тресну от смеха. Евдоша, ты, что ли сегодня им их мамочку заменяешь?

— Да, Муся, — серьезным голосом молвила я. — А что разве не заметно?

— Заметно, — согласилась она и принялась меня освобождать от этих разбойников. — Ах, вы такие маленькие разбойники! — сюсюкала она к ним. — Что же вы тетю Дошу мучите, этакие сорванцы?

— Но почему они именно мои уши выбрали? — недоумевала я, застилая постель.

— Скажи спасибо маме и папе, — ответила мне Муся. — Это они тебя одарили такими большущими локаторами.

— Ты еще издеваешься надо мной, да? Ну, спасибо. Хороша подруга! — обиделась я.

— Евдоша, прекрати дуться. Ты же знаешь меня.

— Да, знаю, какая ты лахудра, — ответила я ей.

— Лахудра? — у подруги брови на лоб полезли.

— Да, лахудра! — подтвердила я. — Я из дома сбежала, а ты надо мною издеваешься.

Своих Чернышей мне на уши вешаешь и ...

— Ты что от своих предков сбежала? — стала удивляться и радоваться одновременно она. — Да! Вот это круто! Молодец, Доша! Давно пора было это сделать. Теперь у меня будешь жить.

Она открыла тумбочку и вытащила что-то оттуда.

— Вот это тебе, — сказала она мне, запихивая в мой кулак серьги.

— Ах, какие сережки! — обрадовалась я. — И какие большие! В жизни ничего подобного раньше не видела. А зачем мне они? Не думаешь же ты, что я такие надену? Да еще на похороны?

— Будешь ложиться спать в следующий раз — надень, — произнесла Муся спокойно.

— Зачем? — недоумевала я.

— О Боже! — разозлилась Муся. — Ну, Евдоша, пораскинь своими мозгами! И не надс меня злить.

— Ты что хочешь сказать что ...? — указывая рукой на котят.

— Да-да-да! — обрадовалась подруга, что я так быстро догадалась. — Это тебе супермощное оружие против этих маленьких террористов.

— И ты думаешь, серьги им не помешают это делать?

— Ну, меня же они не беспокоили этой ночью! — торжествовала Муся, указывая на свои серьги.

Мы пошли на кухню, а за нами — стая голодных тигров. Накормив котят, мы сами позавтракали жареными яйцами с кофе.

— А твой папа завтракать не будет? — спросила я.

— Да он уже давным-давно на работе, — ответила Муся.

— Интересно, где ты их мамочку подевала? — спросила я, показывая на зверушек.

Муся застыла на месте, словно мертвая и ничего мне не ответив, побежала куда-то. Я услышала, как входная дверь открылась и затем встревоженный Мусин голос:

— Кис-кис-кис! Кошечка! Ау! Ты где, моя кисочка?

Потом голос ее прервался и дверь закрылась.

— Ой, Евдоша, беда! — простонала Муся, входя на кухню.

— Что случилось? — встревожилась я. — Ты совсем не своя.

— Тигрица пропала, — ответила она тревожно.

— Кошка? Их мать?

— Да.

— Фу, — вздохнула я. — Ну, ты, Муся, меня и перепугала. Я думала, что-то страшное случилось. А ты так из-за кошки.

— Я вчера ее выпустила гулять и забыла обратно впустить.

— Ничего с твоей кошкой не случится. Погуляет деньков два, три и вернется. Надоело бедной кошке дома сидеть и за малышами присматривать. Вот она и загуляла.

— Ты хочешь сказать, что через пять месяцев у нас будет пополнение?

От этой новости ей стало еще хуже. Как-то мне удалось ее успокоить, я сама не знаю как, но через полчаса мы уже были готовы ехать на похороны нашего бывшего однокурсника. Кого именно я не знала. Муся не хотела об этом говорить.

— Сама все увидишь, — только и сказала она мне, не желая выдавать тайну до последнего. Зачем была такая секретность? Я не могла никак понять.

6

Оделись мы, как подобало тому — во все черное. Мой прикид был простенький — черные брюки и черная кофточка. Хотя если следить не только за модой, а и за погодой, то мне следовало надеть черную майку и шорты. Ведь жара сегодня должна была быть еще сильнее, чем вчера. А вот Муся выглядела сногшибательно! Черное платье от Кристиан Диор, которое подарила ей моя мама, туфли на «иголках». Так я называла туфли на высоких каблучищах. И в придачу черная шляпка с вуалью. Я как увидела ее, то так и села на стул, разинув рот так широко, что туда могла не только муха залететь, но и целый воробей. Никогда не угадаете, что она мне ответила на мой вопросительный взгляд.

— Ты что думаешь, я пойду на похороны в таком лохмотье, как ты?! — молвила Муся, всматриваясь в большое зеркало. — Нетушки! Я хочу, чтобы он в последний раз запомнил меня такой, как я есть.

— Ты что, Муся? Совсем рехнулась? — спросила я. — Да ему точно будет не до твоего сногшибательного прикида! Ведь он же умер давно. Или ты считаешь, что он будет на тебя смотреть из облачка и оттуда тобой любоваться?

Но Мусю еще никому не удавалось переспорить. Так что она осталась при своем мнении, что когда покойник ее увидит, то перевернется в гробу от ее изумительной внешности. Правда, как он это сделает, будучи мертвым?! Для меня сей факт — так и остался загадкой.

Это было еще не самое худшее, что мне стоило ожидать. Моя подруга попросила мою маму, чтобы ее шофер на мерседесе черного цвета отвез нас на похороны. А моя мамочка ей никогда не могла ни в чем отказать. Вы можете себе представить, как были шокированы люди на кладбище, когда увидели такую дамочку на такой шикарной машине? Да еще шофер открыл нам дверцу! Для меня это был позор. Я стала красная, как свекла. Но Муся, — я поразила ее выдержке, — она, как ни в чем не бывало, как будто не ведая, какой фурор произвела на присутствующих, подошла прямо к какой-то женщине, которая была во всем черном. Даже лицо было закрыто черной вуалью. Она ей что-то сказала и в ту же секунду та женщина взбесилась. Она накинулась на Мусю, сорвала с нее шляпку и, если бы не люди, которые схватили беснующуюся женщину, то она бы придушила мою бедную подругу своими ручищами. Я забрала Мусю быстренько оттуда, усадив ту в машину. Шофер нас быстренько увез с кладбища.

В машине я узнала страшную новость. Человек в гробу был Коля Булдыгин. А та женщина в черном одеянии — Лариса Ивановна, его мать. Это сообщение повергло мое тело в оцепенение. В голове промчались все годы нашей дружбы. Как Муся могла со мной такое учудить?! Как она могла мне не сообщить, что мы едем на похороны Коли, которого больше нету в этом мире?! Я ей такое точно не прощу. Вот когда я пожалела, что “не тусуюсь в интернете”. То есть, у меня нету страницы ни в инстаграме, ни в твитере, ни на фейсбуке. Там об этом все точно уже знают, кроме меня. Я почувствовала себя страшно отсталой.

Но как я не узнала маму Коли, когда увидела женщину, которая пыталась вырвать все

волосы на голове Муси?

«Поделом ей! — решила я. — Она мне такое не сообщила. Заслужила это!»

Наверное, я не узнала Ларису Ивановну из-за того, что просто не ожидала ее здесь увидеть. Ну, разве я могла себе представить, одеваясь утром на эти похороны, что покойником, с которым мы собрались проститься — будет Коля?! Да если бы мне этим утром кто-то такое предрек, то я бы точно в такое не поверила.

Я никак не могла поверить в это, но оказывается, это было правдой, все то, о чем мне твердила Муся. Лариса Ивановна почему-то считала, что ее сын покончил с собой из-за девушки, то есть из-за Муси. А было это так.

Мы учились с Мусей в военной академии. Там же учился и Коля. Он влюбился в Мусю еще на первом курсе, но девушка ему взаимностью не отвечала. Не знаю, как у него вышло, весь наш курс удивлялся. Может, к ведьме сходил за приворотным зельем?! Но на третьем курсе Муся влюбилась в него по уши. И у них начался жгучий роман, который длился два года. Потом начались летние каникулы, и мы с Мусей поехали на море загорать. Там она встретила мужчину своей мечты, как она сказала мне, старше от нее на десять лет, если не больше. У них закрутился бешеный роман. Муся все ночи проводила с ним, поэтому я дрыхла в постели в полнейшем одиночестве, и даже в день я скучала, загорая на пляже одна. От этого, приехав домой, я стала похожа на мулатку, меня даже собственные родители не узнали. Однако выглядели мы с Мусей, как кофе с молоком. Мой отец даже по этому поводу пошутил:

— Дошенька, почему ты Мусе все солнце загораживала? — смеялся он. — Посмотри на нее. Из-за тебя она словно в Тайге загорала, а не на Мальте.

Эту разницу увидел и Коля, конечно. У него появились подозрения и наконец-то через месяц в октябре они расстались. Коля не ел, не пил и все время за Мусей ходил. Но она его разлюбила, и это было окончательно. Бедный парень сам на себя не был похож. Весь истощал, в мятой одежде ходил, не причесывался и не брился. Даже как-то в присутствии Ларисы Ивановны пригрозил Мусе, что он выпрыгнет с балкона, если она не вернется к нему. Муся только посмеялась над этим и забыла. Через месяц после этого Коля вдруг изменился. Стал опять веселым, опрятным, в общем, сиял, как звездочка в небе. Было видно, что он успокоился и забыл Мусю. Потом мы окончили академию и все разошлись, разъехались кто куда. И вот теперь еще месяц не прошел, а Коля выпрыгнул с крыши своего дома, как он и обещал Мусе. Вот поэтому Муся была в не себе от горя. Она винила во всем себя.

7

— Боже мой! Боже мой! — тряслась Муся в истерике, сидя на мягком сиденье мерседеса. — Я его убила. Я убила человека. Колинька! Бедненький!

— Муся, успокойся, — успокаивала я ее, хотя самой было не легче. — Ты никого не убивала. Он сам прыгнул с крыши. Ты в этом не виновата.

— Это он сделал из-за меня, — продолжала подруга, рыдая. — Он говорил мне, если я его брошу, то он выпрыгнет с балкона. Но я ему не верила. Думала, он шутит.

Муся продолжала биться в истерике. Мои слова ее не успокаивали. Ну и пусть себе ревет, если ей так хочется чувствовать себя виноватой.

Вдруг я вспомнила о ночном звонке. И теперь мне стало ясно, что тогда звонила Лариса Ивановна. Она тоже считает Мусю виновной в смерти ее сына. О Господи! Эта женщина угрожала моей подруге! Надо обратиться к Сергею Петровичу. Он обязательно разберется.

Муся поехала к Людмиле Леонидовне, а меня они высадили у метро. Моя мамочка и Муся были подругами, несмотря на большую разницу в возрасте. Сейчас она, наверное, утешает Мусеньку, а та горько плачет на ее плече. А потом они поедут по бутикам и магазинам. Там они скупают все новинки, которые появились за последнюю неделю. Несмотря на то, что шкафы у них еще месяц назад не запирались. Ничего в этом страшного, конечно, нет. Они купят еще несколько шкафов, чтобы впихнуть туда свои новые наряды.

Наконец-то, я добралась до места работы Сергея Петровича. Он был на месте. Мне сказали, что он занят, поэтому принять меня не может. Но я сказала дежурному, пусть позвонит ему и назовет мое имя. И это сработало. Парень даже удивился и стал более вежливым со мной. Он пристально на меня посмотрел. Казалось, он думал: «Что это за птица такая, которую полковник немедленно принял, несмотря на строгий приказ: никого к нему не пускать?» И в этом не было ничего странного, потому что он даже свою Мусичку не принимал в рабочее время. А меня он всегда был рад видеть!

— Дошенька, плоходи! — услышала я голос отца Муси. — Лад видеть лазумное лицо. А то все эти лентяи и лежебоки меня уже достали!

— Спасибо, дядя Сережа, — наконец-то я вставила слово.

— Когда же ты, Дошенька, к нам лаботать плидешь?

— Я рада бы хоть и сейчас, дядя Сережа. Вы же знаете. Но моя мамочка угрожает мне, что если вы меня возьмете к себе, то она добьется, чтобы вас выгнали ко всем чертям. Хотя работать с вами — моя мечта, вы это знаете, но я также знаю, что это отделение — ваша жизнь. Поэтому я буду к вам иногда так на часик, другой забегать, чтобы вы так сильно не грустили по этой причине.

— Ах, Дошенька! У меня плям нету слов. Как же неслыханно повезло Людмиле Леонидовне с доченькой! Вот мне бы такую дочку!

— Дядя Сережа, вы же знаете, что вы мне как второй папа. И я не зову вас папой только, чтобы Мусю не обижать. Она же ревнует вас ко мне.

— Неплава! — не верил он.

— Она ведь только поступила вместе со мной в академию, чтобы вы ею гордились. Хотя вы знаете, что она хотела стать моделью.

— Не защищай ее Доша, — серьезно сказал полковник. — Она только опозолила меня, поступив в академию. И ей плеподователи ставили тлойки только потому, что потом они плиходили ко мне, и я сплачивал ее долги.

— Ладно, дядя Сережа, — успокоилась я. — Пусть будет по-вашему. Я пришла к вам не для того, чтобы с вами спорить.

Я села на стул, на котором Сергей Петрович неоднократно допрашивал преступников.

— Вашей дочери грозит опасность, — выпалила я с серьезным видом.

— Мусе? — удивился полковник, но даже бровью не повел. — С чего ты это взяла?

— Вчера я ночевала у вас и в три часа ночи звонила Лариса Ивановна, мать Коли Булдыгина, нашего однокурсника, и она угрожала вашей дочери.

Если бы это не был Сергей Петрович, который мне верил во всем, то я бы сейчас увязла в куче вопросов. «А почему вы так думаете? — спрашивал бы меня какой-то кретин в погонах. — И почему вы ответили на звонок в чужой квартире, если было так поздно? И почему вы не спали в три часа ночи, а шатались по квартире? И почему вы решили, что именно Марии Катошкиной угрожали?»

— Ты в этом увелена? — только и спросил отец Муси. — Ведь Николай Булдыгин

плоходит у нас, как не самоубийца, а как убитый, сброшенный с клыши кем-то пледнамеленно.

— Так вы об этом знаете? — обрадовалась я. — Так Коля не покончил с собой из-за Муси? Его что убили?

— Да. Поэтому Лалиса Ивановна не могла тогда звонить. Она знает, что ее сына убили.

— Но на похоронах она накинулась на Мусю, — недоумевала я. — Она ее винила в смерти сына.

— Ах да! Забыл тебе сказать, что ей этот факт сообщили только после похолона. Не хотели ее беспокоить.

— Так значит, это все-таки она звонила Мусе.

— Дошенька, успокойся. Ну, звонила она в стане аффекта. Но сейчас она-то знает, что Муся ни в чем не виновна. Вот увидишь, больше звонить она не станет. Мусе ничего не угложает.

С этим я вышла прочь от Сергея Петровича. Что-то в этом неясно мне. Нужно у самой Ларисы Ивановны об этом спросить. Неужто, Колю убили? Какой ужас! Бедный Коля!

8

Я вышла на улицу. Жарко было словно в духовке. Люди от этого разделись едва ли не до трусов: короткие шорты, юбки и майки, кое-кто из мужчин вовсе и без маек был. Одна только я, как черная ворона, жарилась в черном костюме. Люди на меня пялились, словно на прокаженную и мне даже казалось, что они меня проходили стороной, кабы не заразиться моей инфекционной болячкой. Потому что мир после «кови-19» изменился навсегда и кардинально. Теперь, не дай Бог, тебе чихнуть или почесать даже носа в людном месте — вокруг тебя за считанные секунды станет пусто, народ разбежится в разные стороны. А если это случится, скажем, в автобусе, то тебя высадят из этого передвижного транспорта прямо на ходу, не останавливая маршрутки.

Хорошо, что я решила выбрать метро. Думаю, из вагона меня никто выбрасывать не станет на полной скорости. Люди еще не настолько одурели! Я надеюсь.

Наконец-то я причалила к метро. Под землей было прохладно. После моего прошлого знакомства с трамваем я больше в нем не рискую ездить. С меня хватило и того раза.

Я села в нужный мне поезд и начала обдумывать, что я скажу маме покойного Коли. Вдруг ко мне долетели чьи-то слова.

— Ей, девушка, ты, что с Тундры приехала? — спросил меня парень, сидящий напротив меня.

С ним сидели еще два парня, которые ржали с каждого его слова.

— Там сейчас, наверное, зима. Холодно. Снег, небось, идет.

Его дружки валились со смеху, держась за животы.

— А где ты свои валенки и варежки оставила? — продолжал зловтешаться парень. — Небось, в сугробах потеряла?

Я сидела молча, хлопая только глазами. Вечно я во всякие такие передряги попадаю. Я прикинулась глухонемой, помня, что мне мамочка говаривала: «Доченька, будь осторожна. В простолюдинский транспорт никогда не садись, особенно в метро. Там всякие жулики промышляют. Убьют среди дня белого человека, и никто не увидит». Поэтому я продолжала молчать. Пусть меня бьют, режут, грабят, я даже слова не пикну. Жизнь дороже кошелек.

— Молодые люди, как вам не стыдно?! — вмешалась хорошенькая бабушка. — У девушки, наверное, горе случилось, а они еще издеваются! Ай-яй-яй! — закивала бабушка

головой. — Какая молодежь пошла! Куда мир катиться?

Поезд остановился. Это была моя станция. Я, не сказав ни слова благодарности бабуле, вылетела, словно ошпаренная. Да, все-таки бабушка была права в том, что молодежь нынче невоспитанная! Но ведь у меня на то были серьезные причины.

Вот я наконец-то досталась дома Булдыгиных. Еще год назад я сюда часто заглядывала. Мы с Колей были очень дружны, пока он не начал прогуливать пары. Это всех очень удивило, потому что Коля был наилучшим студентом. У него были все шансы выбиться очень и очень высоко. Колин отец когда-то работал в МВД. Там он занимал большие посты. Но однажды им позвонили и сообщили, что Николай Андреевич погиб от пули преступника. В академии были очень строгие правила. Поэтому все ожидали, что Коля скоро вылетит оттуда из-за неуспеваемости. Но этого не случилось, и парень закончил академию вместе с нами. Поговаривали, что ректор академии был хорошим другом покойного Николая Андреевича и поэтому он закрывал глаза на плохое поведение и вечные прогулы Коли.

А вот и знакомые двери. Кажется, что я еще первокурсница и пришла к Коле за помощью. Сейчас дверь откроется и на пороге явится Лариса Ивановна. Она улыбнется мне ласково и впустит в дом. Потом она меня угостит своим яблочным пирогом...

Двери открылись, и передо мной предстала какая-то старушка. Волосы у нее были взъерошены, седые, хотя кончики были каштановые. Наверное, когда-то хозяйка сих волос за ними ухаживала и даже красила. Лицо женщины было какое-то темное и все в морщинах. Глаза ее были бесцветные, красные и тусклые. А одета она была в мятый халат.

— Лариса Ивановна... Это вы? — еле-еле вымолвила я, запинаясь.

— Что не узнала меня, деточка? — сказала женщина. — А я тебя сразу узнала. Проходи, душенька.

Еще бы не узнала! Так эта женщина ровесница моей мамы. А выглядит, как ходячая мумия!

У меня от воспоминаний нахлынули слезы. Лариса Ивановна всегда меня называла душенькой, а не Дошенькой. Мне это безумно нравилось.

В квартире царил полный беспорядок. Хотя это и не удивительно. У хозяйки этих апартаментов умер единственный и любимый сын. Она в нем души не чаяла. И всегда жутко над ним тряслась. А когда умер ее муж, то стала над ним трястись еще больше. Прямо каждую пылинку с него сдувала. Бедный Коля любил очень маму и понимал, что та боялась и его потерять. Поэтому он всегда приходил вовремя домой, никогда не опаздывал и по ночам не гулял.

Помню, однажды мы с Колей после учебы зашли в цветочный магазин. У Ларисы Ивановны был день рождения. Вот я и помогала Коли выбирать цветы. Мы купили алые розы, духи и пачку конфет, на которые Коля потратил всю свою месячную стипендию. Но подарки действительно этого стоили. Радостные, мы приблизились ко двору. Около подъезда стоял милицейский бобик, но это нас почему-то тогда даже не встревожило. Мы по ступенькам достались нужного этажа. Коля взялся за дверную ручку и дверь молниеносно открылась. Оттуда доносился женский плач и голоса мужчин. Коля сразу же побелел. Неужели это грабители? В коридоре появился мужчина в милицейской форме, который спросил:

— Вы кто? Что вам надо?

— Я здесь живу, — ответил Коля.

— Вы — Николай Булдыгин? — спросил снова мент.

— Да.

— Идите за мной.

Оказалось, что когда Коля вовремя не вернулся домой из академии, Лариса Ивановна запаниковала. Она позвонила сразу ректору академии и другу ее покойного мужа и попросила того лично проверить окончились ли занятия у Коленьки. Он подтвердил, что уже около часа занятия его группы окончились. Вот тогда у Ларисы Ивановны начался припадок истерики. Она визжала в трубку, что ее сына украли или убили, словно она собственными глазами это видела. Потом приехал ректор и «бобик», полный ментов. Но Ларису Ивановну уверения полицейских, что ее сын где-то задержался, не успокаивали. Она все время твердила, что ее сынуля в опасности или вовсе уже не живой. После этого она заходила еще громче рыдать и все рвалась на улицу искать сына. Даже не хочу вспоминать тот эпизод, когда в комнату вошли мы: полицейский, Коля и я.

— С днем рождения, дорогая мамочка! — только и сказал Коля, протягивая ей букетик алых роз.

После этого вся академия гудела о душевнобольной матери Коли Булдыгина. Откуда они об этом узнали? Наверное, любопытные соседи всем разнесли.

Только сейчас, разглядывая квартиру несчастной, горем убитой, женщины, ко мне дошло, что Коля, мой друг, действительно умер, и его больше нет на этом свете. На стуле висела любимая куртка Коли, которую я хорошо запомнила. Он носил ее везде и всегда. От мысли, что Коля больше никогда не оденет, мне стало плохо. Голова закружилась, ноги стали ватными.

— Садись, милая, — сказала Лариса Ивановна, оказавшись мы на кухне. Я села на стул напротив женщины. — Вот, как бывает на свете, — продолжила она. — Всех кого любила — потеряла. Но Коля — мой единственный ... родной ...

У нее было такое выражение лица, как будто оно сейчас потонет в слезах, однако лицо женщины оставалось по-прежнему сухим.

— Вот сейчас я бы зарыдала, но даже слез уже нету. Так меня кололи всякими ... успокаивающими, чтобы боли не чувствовала. Но боль не утихает, только слез нету. Разве могу я себя сейчас счастливой чувствовать? — спросила она.

— Нет, конечно.

— Вот! — обрадовалась она, взяв со стола коробочку. — Видишь, а на этой упаковке написано: «Две капсулы сделают вас веселыми и счастливыми». Но я уже целую упаковку доедаю, а счастье все не идет и не идет ... А мне оно так необходимо.

Пока Лариса Ивановна молчала, всматриваясь в стол, мне кинулся в глаза беспорядок, царивший на кухне: горы не вымытой посуды, всякие упаковки от еды ... Вдруг Лариса Ивановна с грохотом упала на пол. Это меня так напугало, что сердце в пятки убежало.

— Лариса Ивановна! Миленькая! — визжала я, пытаюсь привести ее в чувство. Но у меня ничего не получалось, и при виде, как белая пена выходила изо рта, я быстро побежала искать телефон. Быстренько нажав нужный номер, я вызвала «скорую». Машину долго не пришлось ждать, и я им открыла двери. Три человека в белых халатах и с носилками ввалились на кухню. Но сама я туда не пошла, сев на полу в коридоре. Пришла я в себя, когда мимо меня пронесли Ларису Ивановну на носилках. Один мужчина присел около меня.

— С вами все в порядке? — спросил он. Я покачала головой. — Хорошо, что вы так быстро нас вызвали. Вы ее внучка?

— Нет, — ответила я.

— С ней все будет в порядке. Сообщите ее родным. — С этими словами он вышел.

Я хотела в вдогонку ему крикнуть, что у нее никого не осталось, но открыв рот, оттуда вылетали одни хриплые, неразборчивые звуки. Не знаю, сколько я так сидела, но очнулась я, когда услышала над моим ухом шуршанье.

— Дочка, что с вами? — услышала я мягкий женский голос.

9

Я открыла глаза и увидела пожилую женщину, лет шестидесяти.

— Вы кто? — выпалила я. — Что вы здесь делаете?

— Я соседка Ларисы, — ответила женщина в ярко розовом халате, который сильно стал разить мои глаза. Странно, было видеть бабульку в таком гламурном одеянии. Я бы в свои-то годы даже не позволила себе такое носить. А она на старости лет решила на такое! Вот, старики пошли! Ну, понятно — прежних радостей жизни они лишены, вот и пытаются таким образом хоть как-то скрасить свои серые будни!

— Послышала голоса и заглянула в глазок, — продолжила женщина. — А там — врачи ее на носилках несут. Я хотела спросить, что случилось, но когда открыла все замки, то на коридоре никого уже не было. Вижу, двери ее квартиры открыты. Я заглянула туда. А там — вы!

Я встала, закрыла двери, и мы присели в зале на диване. Выложив все, что случилось, я замолчала.

— Пойдите-ка, Лариса Ивановна говорила, что целую упаковку каких-то таблеток проглотила.

Я пошла на кухню. Упаковка лежала на столе. Взяв ее, я пошла обратно в зал. Садясь, я осмотрела упаковку.

— Но здесь ничего не написано! — удивилась я.

Соседка заинтересовалась.

— Дайте-ка сюда, — попросила она, элегантно поправляя рукою свои уложенные волосы. «Наверное, бабулька полутра делала укладку своих волос, чтобы они выглядели, словно, из парикмахерской».

— А что здесь должно было быть написано? — спросила женщина, разглядывая упаковку.

— Лариса Ивановна говорила, что если съесть две капсулы, то человек станет веселым и счастливым. Но они ей не помогли. Она говорила, что ее всю скололи. Вы об этом что-то знаете?

— Да, конечно, — ответила соседка покойного Коли. — Это же я ее колола. Она, бедняжка, все рыдала и рыдала, не хотела никого слушать ...

— Да-да. Я понимаю, — перебила я ее. — И таблетки эти вы ей тоже дали?

— Нет. Я это ей не давала. Это, наверное, медсестра.

— Медсестра? — удивилась я. — Какая медсестра?

— Сразу после похорон я пошла к себе. Лариса хотела побыть одна. Потом слышу: двери у нее открылись. Думаю, куда это она в таком состоянии идет. Глянула в глазок, а там — молоденькая девушка в халатике медсестры. Такая стройная! Фигурка — высший класс! Я еще подумала: «Ведь я тоже когда-то такой была». — Женщина тяжело вздохнула. — Хорошо быть молодой! Только тогда мы этого не ценим. А когда волосы седеют, кожа обвисает и трескается, поздно об этом жалеть.

— То вы думаете, эта медсестра ей их дала? — спросила я, перебив бабулечку, пока она

не ударились еще больше в воспоминания минувших лет молодости.

— Да, наверное. Больше некому.

— Может, вы подозреваете, кто мог убить Колю?

— Даже не знаю, — ответила соседка. — Коля был очень хорошим сыном. Свою мать любил так же сильно, как и она его. Во всем ей помогал. Ночами не шлялся, девок домой не водил. Не курил, не пил. Утром бегом занимался. Идеальный сын! О таком каждая мать мечтает. Вот у меня два оболтуса выросли. Растила их, кормила, выучила, а потом они — фырк!

— И что?

— И уехали. Один в Киев, а другой в Питер. Там женились, детей завели ...

— И что в этом плохого? — удивилась я. — Все дети уходят из дома. Такова жизнь!

— Да, вы, конечно, правы, — согласилась с грустью соседка. — Молодым жить, а старым ожидать, когда смерть за ними придет. Такова жизнь!

— Скажите, а вы знали, что последний год учебы Коля прогуливал занятия и его должны были выгнать из академии?

По выражению лица соседки я поняла, что она об этом слышит в первый раз.

— А Лариса Ивановна? Нет? Я так и думала.

Мы еще немного поговорили с женщиной о детях, и я ушла, оставив квартиру на нее. Интересно, как это Коли удалось скрыть от матери его прогулы? И кто его убил? И почему?

10

Настроение мое было на нуле. С мобильного я позвонила в больницу. Там узнала, что Лариса Ивановна Буддыгина чувствует себя хорошо. На вопрос: можно ее увидеть, был ответ — нет, она сейчас спит. До утра к ней не пустят. Я спрятала мобильник в сумочку и направилась до метро. Мне жутко захотелось пить. Я увидела будку, напоминающую мне ту, которую я видела еще в черно-белых фильмах времен Советского Союза. Герой в щель всовывал монетку, ставил вымытый стаканчик внутрь агрегата и из верхней щели вытекал оплаченный напиток. Мама рассказывала мне, что во времена ее юности ассортимент этих ларьков был очень скуп, всего-то советский человек мог себе позволить минералку или сладкую водичку. На этом их разновидность заканчивалась. Больше такая огромная страна не могла ничего предложить своим гражданам. Но те не жаловались, а наоборот страшно радовались напитку, полученному из этой странной машины, когда их черед испробовать этот божественный нектар наконец-то доходил до них. Ведь очереди до этой чудо техники были длинными, словно в мавзолей. Я приблизилась к этому аппарату. Считая, что этот ларек на самом деле оборудован по всем канонам современного прогресса, и оттуда должна выкатываться обыкновенная железная баночка с водичкой, я проигнорировала инструкцию по эксплуатации, которая была сбоку этой машины. Решив, что я еще не совсем идиотка и без инструкции справлюсь, быстро отвела глаза в другую сторону. Я нашла щель, сунула туда нужную монету и стала с огромной улыбкой ожидать на появление баночки с минеральной водой. Но вместо баночки появился пластмассовый стаканчик. Я жутко разозлилась и вышвырнула его в коробку, стоящую рядом с аппаратом. В ней было полно таких же стаканчиков, испачканных разной смесью. Не успела я докумекать, что к чему, как из аппарата полилась моя минералка.

— Вот и утолила жажду! — буркнула я себе под нос разъяренно. — Нужно было-таки сначала прочитать ту инструкцию. Но я, умная, решила и так справиться. Идиотка! Кретинка! — обзывала я саму себя. — Ну, разве, я не дура?! — спросила я у себя.

— Дура, — послышалось заде моей спины, — окончательная.

Я развернулась и увидела мужчину, лет тридцати, столь красивого, что я в своей жизни прежде таких не видывала. Он был одет из иголки, надушенный дорогими, мужскими духами. Я даже удивилась, неужели этот джентльмен меня обозвал дурой. Поэтому посмотрела по сторонам в поисках кого-то другого, кто мог меня так нагло обозвать, но рядом никого больше не было.

— Это я тебе, тебе! — открыл свой ротик очаровашка, и сразу его мужские чары прекратили свое действие на меня.

Я секунду подумала, а потом раздраженно ответила этому крестину:

— Ты что себе позволяешь? Что ты мне хамишь? Думаешь, как у тебя ботинки за тысячу долларов, штаны — от Армани, то ты уже всем хамить можешь?

— Я тебе не хамил, — ответил серьезно мужчина. — Я просто ответил на твой вопрос.

Наступила тишина. Я размышляла над сказанным.

— Я с самого метро за тобой слежу, — продолжил тот. — У тебя походка красивая. Такую еще надо поискать! Вот! А ... потом вижу, ты уже около будки. Пить захотела. Ты откуда приехала? — спросил он неожиданно.

— Недавно тут трое придурков сказали, что я из Тундры приехала и там же в сугробах свои валенки потеряла.

Он сначала хлопал своими большими ресницами, недоумевая, а потом рассмеялся. Я не удержалась и рассмеялась вместе с ним.

— Ты что серьезно? — не верил мужик. — Из Тундры?

— Да нет же, — сказала я. — Они пошутили так из-за моего костюма. На улице же больше тридцати градусов. Люди еще немного и голые ходить будут, а я словно с Тундры, в костюме гуляю, да еще в черном. Понимаешь?

— Ага! Доперло, наконец, до меня! — обрадовался он.

— Мне сегодня на идиотов везет, — молвила я. — Сначала те парни обозвали, сейчас ты дурой обозвал. Ну и денек! — вздохнула я тяжело.

— Да я... — хотел было оправдаться мужчина, но передумал. — Я ... совсем ... Тьфу на все это! Я же чо к тебе подошел!

— Не знаю. Тебе лучше знать.

— У меня к тебе дело, — сказал он серьезно, вытащив что-то с кармана и дав мне. — Вот это моя визитка. Я — Карл Себастьянович Плоткин. Мои предки — из Швейцарии.

— А фамилия чо наша? — спросила я.

— Да мой швейцарский папа потрахался немного с моей мамой, да и укатил в свою Швейцарию обратно без мамы. Правда, он ее оставил не одну, а со мной. Вот мама и записала меня на свою фамилию.

— А почему Карлом назвала?

— А она хотела, чтобы все видели, что у нее сын иностранец.

— Иностранец с русской фамилией? — стала я издеваться над мужчиной.

— Не надо. Не сыпь мне соль на рану.

— Нетушки! Теперь моя очередь над тобою потешаться.

— Ладно, ладно! — сдался Карл. — Только потом. А сейчас у меня к тебе предложение. Хорошее. Если согласишься — в шампанском будешь купаться!

— Неужели? Не вериться что-то мне.

— Я работаю менеджером в магазине “Super Star”. Элитный и очень дорогой магазин

одежды от Кристиан Диор. Когда приходят постоянные наши клиентки, мы показываем им новую одежду на девушках-моделях.

— А при чем тут я? — недоумевала я.

— Подожди. Дай договорить. Ну, невтерпеж ей! Ух, люблю таких назойливых! Им палец в рот не клади — откусят!

— Карл, ты точно сезонутый! Господи, где я только таких слов набралась? — удивилась я

— Я тоже об этом подумал.

— Это у меня нервы не выносят. Сначала моего друга убили, потом хоронили, потом его маме плохо стало, в больницу увезли. И еще хаят мне сегодня все, кому не лень! Вот, я и разошлась.

— Разошлась, так разошлась, дальше уж некуда! — поддержал меня Карл.

— Ты, Карл, не подумай, я такая впервые, — попыталась я оправдаться. — Я из хорошей и из богатой семьи.

— Ага, а сама на метро ездешь! — не поверил Карл.

— Просто я вчера от родителей сбежала. Они меня женить хотели. Вот я ... В общем, я вся на нервах.

— Да вижу я!

— В общем, я хотела сказать тебе, что ты ни хрена не разбираешься в моде.

— Спасибо тебе за комплимент.

— Какая из меня модель? Ну, ты посмотри на меня! — попросила я его. — Ни кожи, ни рожи! Волосы — хуже швабры! Ни зада, ни переда!

Карл был шокирован моими словами.

— Недаром меня обзывали Евдошка-дошка, — продолжала я. — Да это еще цветочки! Самое страшное у меня — имя.

— Неужели? — заинтересовался он. — Ну-ну! И какое же?

— Евдокия, — ответила я, но на его лице ни какой реакции не последовало. — Ты что не слышал? Евдокия! Ужас, а не имя! Как я с ним намучилась, особенно в школе. Как меня только не дразнили! Евдошка-дошка. Евдошка-картошка. А в академии еще и Евдоша-святоша.

— Из-за чего святоша? — удивился Карл.

— Потому что я никуда не ходила, с парнями не водилась, не пила, не курила, дома вечно сидела или в спортзале, — выпалила я на одном дыхании.

— Ага, я понял.

— Вот и хорошо, — вздохнула я тяжело. — И еще я некрасивая. Модели с меня не выйдут.

— Ты не красивая? — удивился мужчина. — Ты что на самом деле так думаешь? Ты-то в зеркало

на себя хорошо смотрела?

— Хорошо-хорошо, — ответила я грустно. — Теперь стараюсь вообще не смотреть. Только в очень редких случаях, когда моюсь. На что там смотреть? На зеленые глаза, как у кошки? На курносый нос, как у Пяточка? И на веснушки на нем? Нет, Карл, — набрала я больше воздуха, — некрасива я, некрасива.

Карл долго и внимательно на меня смотрел, а потом сказал:

— Ты что думаешь, я свои очки дома оставил и без них не разберу, кто уродка, а кто

красавица? Хм! Или ты на мою профнепригодность намекаешь? Ты, в общем, как себе хочешь. Это, конечно, твое дело. Хочешь — приходи, не хочешь — не надо. Хотя жаль терять такую экзотичную мордашку. Но что поделаешь? В общем, я не могу тебя заставить. Это твоя жизнь, твое решение. Делай, как хочешь. Моя визитная карточка у тебя есть. Если что — звони!

После этого он ушел, а я осталась стоять в недоумении. Я — модель? С ума сойти!

11

Как-то я добралась домой, то есть к Катошкиным. Муся открыла двери.

— Смотри, какой мы халат приобрели с Милой для меня, — протараторила Муся, едва я успела войти. — Правда, фантастика?

— Фантастика, — согласилась я, — хотя как на меня, то слишком яркий.

Я пошла на кухню. Очень кушать хотелось. А то за целый день я только утром и завтракала, и еще час назад пробовала воды напиться, но так и не вышло. А кушать я любила больше всего на свете, при этом не толстея. Муся мне по этому поводу очень завидовала и всегда говорила, когда набирала лишний килограмм:

— Ну, как же это несправедливо! За что тебя природа наградила таким сокровищем? Ведь оно тебе даже не нужно. Ну, как же у тебя выходит столько всего слопать и ни на грамм не растолстеть?!

Иногда у нее даже случались припадки истерики. Она тогда ревела, сидя перед зеркалом, пообпихивана со всех сторон разными деликатесами, которых не пробовала четыре, пять месяцев. На следующий день она, конечно, снова садилась на диету и еще с большим энтузиазмом бегала на аэробику, фитнес и шейпинг, но только до очередного припадка обжорства.

И только сейчас до меня дошло, роясь в холодильнике в поисках чего-нибудь съедобного, почему он был доверху набит одними фруктами да овощами. Зачем же человеку, который вечно на диете, иметь у себя в холодильнике лишние и такие вредные калории. Я так расстроилась, так расстроилась, что мне сейчас придется одну морковку с огурцами лопать, что мои нервы этого не выдержали, и я взбесилась при виде входящей Муси.

— Муся, ты в курсе, что у тебя нечего пожрать?! — взвилась я на нее.

— Евдоша, ты что ослепла? Во — сколько еды, — показывая на кроличью пищу.

— Муся, я тебе не кролик, чтобы одной морковкой питаться! — продолжала я злиться. — Я целый день голодная мотаюсь по городу и вот наконец-то я дома, стою у холодильника, в котором только одна капуста.

— Ты че капусту не любишь? — спросила весело Муся.

— Ну, почему я ничего не взяла с собой из магазина? — злилась я на саму себя. — И ведь знаю, что ты вечно на диете ... но я даже представить себе не могла, что ты питаешься, как эти мохнатые зверьки.

— Доша, не реви, — пробубнила подруга.

— А я не реву.

— Там в морозильнике мой папа держит свои продукты.

— Какие?

— Ты открой и посмотри.

Я открыла морозильник, и у меня отняло речь от восторга. Чего там только не было! Пельмени, котлеты, рыбное филе, даже курочка!

— Вот спасибо дяде Сереже, — радостно сказала я, цепляясь рукой за пельмени, — а то

думала, что уже с голоду помру тут у вас.

Я быстренько нашла кастрюльку, налила туда воды и поставила на газ, и стала ждать, когда вода закипит.

— Хорошо твой отец делает, что держит такой запас на черный день, — булькала я, — а то с такой дочкой, как ты, недолго и в гроб сыграть.

— Евдошка, откуда ты набралась таких слов? — удивилась Муся.

— Это я начала самостоятельную, независимую жизнь, — ответила я гордо, бросая пельмешки в воду.

12

Сварив пельмени, я поудобнее уселась на диване, включив телевизор. Пельмени были восхитительные.

— Муся, съешь пельмешку, — предложила я подруге, которая усердно грызла морковку.

Она на меня так посмотрела, как будто я ей предлагала выпить яда.

— Ну, не мучь ты себя этой диетой. Посмотри на себя, да ты же настоящий скелет! На тебе не осталось ни одного мягкого места. Одни кости да мости!

— Евдошка, отстань, — обозлилась Муся. — Мне и так тяжело принуждать себя есть эту морковку. А видя, как ты лопаешь эти пельмени, да еще с таким восторгом, мне вообще хочется тебя придушить!

— Мусинька, как мне тебя жаль.

Муся надула свои алые губки и, прикладывая все свои усилия, грызла эту противную морковь. В этот момент мне так захотелось вышвырнуть этот овощ за окно, что я еле-еле удержалась. Бедная моя подруга! Так над собой издевается! У меня просто слов нету.

— А где твои маленькие грызуны?

— Наверное, где-то спят. Что я им мать, чтобы за ними смотреть?!

— Я вижу, ты не очень их любишь.

— Ты угадала.

— Почему? Зачем ты тогда кошку заводила?

— А это не я. Это мне ее друг подарил. Бывший.

— Почему бывший? Ты что уже с ним не дружишь?

— Не дружу, когда узнала, какой он козел, — злилась Муся.

— Козел? Почему?

— А ему надоела его кошка, вот он мне ее подарил, да еще с потомством. Я-то, дура, не разбираюсь — беременна кошка или нет — вот и через две недели смотрю: какие-то клубки у меня в постели валяются. Подхожу поближе, а то — котята, такие голые, слепые.

— Неужели ты не заметила, что кошка толстая была?

— Заметила. Живот большой был. Но мне Славик сказал, что она очень толстая, много ест. Вот и отрастила себе животик.

Я рассмеялась.

— Ну, ты, Муся, даешь! Как тебя легко обмануть можно.

— А вот и террористы явились! — то ли обрадовалась, то ли она так радостно сердилась. — Все четверо! В полной боевой готовности.

Котята играли с мячиком, качая его лапками. Черныш же унюхав мои пельмени, выдрапался ко мне на диван.

— Хочешь пельменьку? — спросила я у котенка. — Конечно! Зачем тебе молоко! Сама его пей. Муся, а им можно уже мясо есть?

— Да я не знаю, — ответила та. — Они всегда у меня пьют молоко и не жалуются. Пельменей у меня не выпрашивают.

— Да ты же их и никогда не ешь. Смотри, как Черныш слопал пельмень и не подавился. Муся, да ты и бедных зверушек на диете держишь!

Увидав, что Чернышу перепало что-то вкусное, котята начали мяукать и голодными глазами смотреть на меня. Они никак не могли вылезти на диван, поэтому я поставила миску с оставшимися пельменями на пол. Все мигом принялись лопать.

— Ах, вы какие обжоры! — гудела я.

Оказывается, что Муся даже не назвала этих милых зверушек никак. Поэтому я заставила ее принять участие в выборе имен. Чернышу мы не меняли имя. Так оставили. Самого мохнатого белого котенка мы назвали Пушистик. Самую маленькую кошечку, всю белую с черными пятнышками повсюду мы назвали Горошек. Вот с последним котенком нам пришлось попотеть. Он был серым. Все имена ему почему-то не подходили.

— Серый! — воскликнула радостно Муся.

— Точно. Как мы раньше не догадались?

Мы так и назвали его.

Легли мы спать с Мусей рано. Очень устали за день. Сергея Петровича мы так и не дождались. Мамочки котенков все еще не было, поэтому мы взяли крошек с собой в постель.

— Как бы мы их не задавили ночью нечаянно, — сказала Муся. — Хотя вчера они с нами спали и ничего с ними не случилось. Доша, не забудь серьги на уши нацепить, а то ...

Дальше я не слышала, поскольку искала серьги.

Но что вы думаете! Утром, как и вчера, я проснулась в объятиях маленьких террористов. Даже сережки не помешали им делать их мерзкое дело.

— Муся, ты говорила, что сережки помогут, — рассердилась я. — Посмотри, у тебя нету сережек, а они к твоим ушам даже не притронулись. Все четверо толкались около моих. Ты свои уши перцем намазала, что ли? — злилась я.

— Нет, — ответила Муся и вылезла с постели. — Смирись Доша. Такова твоя карма!

— Карма? Смириться? — бушевала я. — Я тебе сейчас покажу карму! — Взяв подушку и швырнув ее в сторону подруги. Но та быстро скрылась за дверью, оставшись целехонькой.

13

Я помылась, оделась, позавтракала котлетами с кофе и позвонила в больницу спросить о самочувствии Ларисы Ивановны. Я чуть на пол не грохнула от услышанного, поэтому положив трубку, я села на диван.

Как раз вошла Муся.

— Что случилось, Доша? — спросила она. — На тебе лица нету.

— Лариса Ивановна, мать Коли, сегодня утром скончалась, — ответила я ей не своим голосом.

— Как? — удивилась подруга. — Я же вчера ее видела на похоронах. Она еще меня чуть без волос не оставила!

Я направилась быстро в больницу. Заплатив деньгами Муси в метро, я села у окна и начала размышлять. Мне очень не нравилось брать деньги у подруги. Вот поэтому я ломала себе голову, где их можно раздобыть. К родителям я не обращусь ни за что. Но и у Муси мне как-то больше неудобно брать. Что же делать?

Около меня сидели две молоденькие девушки и листали журналчик. Я одним глазом взглянула на их увлечение. Увидав знакомое имя Кристиан Диор, я начала думать, где я его

слышала. Но мне никак не удавалось припомнить, поэтому я обратилась к девушкам за помощью.

— Извините, пожалуйста, — вмешалась я в их милое чириканье. — Кто такой этот Диор?

Девушки обалдели от моего вопроса и с большим интересом посмотрели на меня.

— Ты что не знаешь? — удивилась первая. — Гениальный кутюрье.

— Год назад и в нашем городе открылся его магазин, — добавила другая девица. — Представляешь себе! Там такие цены, что нас туда даже не пустят.

— Почему? — удивилась я.

— Туда можно попасть только будучи с туго набитым кошельком, — ответила первая.

— А это что за журнал? — продолжала я.

— Это “Super Star”. Их фирменный журнал. Там, видишь, их шмотки раскручивают.

— Понятно. А что это за девушки?

— Модели.

— В этом магазине подруга моей сеструхи работает, — сказала другая. — С самого открытия магазина. Отлично устроилась. Бабки лопатой гребет. Уже месяц как на “BMW” ездит. Квартиру в фешенебельном районе купила. В общем, не жизнь, а — рай!

Я вышла из вагона и направилась к выходу. Мои глаза увидели будку с напитками, и я сразу же вспомнила мое вчерашнее знакомство с этим аппаратом и с Карлом. Он же работает в этом магазине. Вот откуда я слышала Кристиан Диор. Карл предлагал мне стать моделью. У меня даже его визитка есть. Может все-таки попробовать себя в роли модели. Мне же нужно где-то работать. Решено — после больницы я ему позвоню. Правда, я очень сомневалась, что у меня хватит продержаться на этой работе хотя бы день. Но сейчас выбор у меня был не велик, поэтому таково было решение.

В больнице я нашла врача, который мне сказал, что Лариса Ивановна умерла от какого-то успокаивающего средства, то есть от передозировки.

— Передозировка! — твердил мне врач.

Уж слишком он был молодым, чтобы работать на такой должности.

— Но я же вчера звонила и мне сказали, что с ней все будет в порядке. А сегодня звоню, а мне говорят, что она скончалась. Я не понимаю, как это может так быть.

— Девушка, не морочьте мне голову, — начал он разговаривать на высоких тонах. — Я вам русским языком объясняю, что она умерла от передозировки. Медсестра просто не хотела вас расстраивать вчера, пока была хоть какая-то надежда. Что вам тут не ясного?! Извините, но у меня срочная операция. Должен идти.

Он ушел, а я осталась в коридоре так и стоять. Мне показалось это странным. Что-то тут не вязалось. Но что? Этот докторишка врет. Но что именно? И зачем?

Я прошла за угол туда, куда врач пошел. Там была лавка. Я присела. Коридор был пуст. Посетителей или больных не было видно. Голова моя распухла от разных вопросов. Что, как, зачем — крутились у меня перед глазами. Вдруг я услышала голос из-за немного приоткрытых дверей. Это был голос врача. Он разговаривал по телефону, поскольку его собеседника не было слышно. Вот какая у него срочная операция! Врун! Поскольку у меня слух был, как у совы, то я все услышала.

— Не беспокойтесь, — отвечал врач собеседнику. — Никто ни о чем не узнает. Я все сделал, как вы просили. Даже милиция ни к чему не придретесь. Даю вам все гарантии. Булдыгина умерла от передозировки. Спасти ее не удалось.

Услышав фамилию Булдыгина, я чуть со скамейки не упала.

— Хорошо, — продолжил врач. — Номер моего счета вы знаете. Теперь только вы меня не подведите. А то я могу и проболтаться. Даю вам три дня, чтобы найти всю сумму.

Я тихонько сбежала оттуда, когда услышала, что врач положил трубку. Оказывается, я была права. Ларису Ивановну все-таки убили. И если это не раскрыть, то все будут считать, что мать Коли покончила с собой из-за сына. Слишком уж она его любила.

14

Я позвонила Карлу и сообщила ему, что не против попробовать поработать моделью в “Super Star”. Карл сразу же согласился со мной встретиться и за мною заехать. Или в их магазине идут так плохо дела, что они даже готовы меня принять, или я всю свою жизнь ошибалась, считая себя уродиной. Вот такие мысли терзали меня, пока я его ждала.

У Карла был новенький синий Пежо. Мы приехали в магазин. Он был изумительный как снаружи, так и внутри. Все в нем было на высшем уровне: витрины, полы, стены, стулья, диванчики ... Чтобы клиент купил все, что ему предлагают, нужно быть как можно приветливей и хвалить клиента со всех сторон.

— С виду магазин кажется таким маленьким, — сказала я, — что я бы даже не подумала, что здесь столько коридоров.

— Да, у нас еще и второй этаж есть. Вот мы и пришли.

Мы остановились перед дверью, на которой висела табличка с надписью “директор”. Карл постучал и открыл дверь.

— Заходи, Карл, — послышался оттуда мужской властный голос.

Мы вошли.

— Что там у тебя? — спросил директор, даже не удостоив нас своим взглядом. — Выкладывай быстрее. У меня масса неотложных дел.

За столом сидел мужчина сорока пяти лет, лысоват, толстоват, в костюме от Воронина, ботинках того же бренда, которые стоят уйму денег.

Однажды я купила такую же обувь в элитном магазине того же Воронина. И отдала за них кругленькую сумму тогда, между прочем. Прихватив сверток, я пошла к Катошкиным, улыбаясь от мысли, как обрадуется Сергей Петрович такому подарку. Отец Муси действительно обрадовался, при этом добавив:

— Да они стоят не меньше моих десяти залплат! Я угадал, Дошенька?

— Сергей Петрович, это некрасиво спрашивать о стоимости подарка, — ответила я.

— Да, папа, Доша права, — вмешалась Муся. — И к тому же это очень своевременный подарок. Твои ботинки уже истоптались до дыр. Над тобой уже все твои коллеги посмеиваются за твоей спиной.

— Да, Мусинька, ты плава, — согласился полковник с дочерью. — Пледствую, как удивляться мои коллеги, увидев полковника Катошкина в ботинках за тлиста доллалов, не меньше, если не больше.

— Папочка, не надо язвить! Я знаю, к чему ты клонишь. Боишься, что тебя начнут подозревать во взятках.

— Да, — ответил полковник.

— Не боись, па. Все же знают, что полковник Катошкин не взял в своей жизни ни единой копейки, не считая зарплаты, конечно. А то, что у тебя зарплата копеечная — так это чистейшая правда.

— Муся права, Сергей Петрович, — добавила я. — Вы кристально-чистый

милицейский.

— Вздол! Блед! — рассердился он. — Что вы пытаетесь мне доказать? Не бывает честного милицейского в ботинках, как десять его залплат!

На этом наш разговор был окончен. На следующий день мне пришлось вернуть ботинки в магазин, соврав, что я не успела их подарить из-за внезапной кончины именинника. Но консультантка в магазине ловко добавила:

— Что же вы за глупость сморозили, девушка? Они как раз бы идеально вписались в ситуацию.

— Это как? — изумилась я.

— Наши ботинки красиво смотрятся на ногах у покойников.

— Да? — еще больше поразила я. — Никогда не подумала б.

— И идеально подходят по цвету с гробом, — мило чирикала девица, пытаясь впихнуть мне эти ботинки обратно.

Я на секунду представила себе лица родных, которые получили бы столь своевременный подарок к похоронам. Да они такого дарильщика впихнули бы в гроб вместо покойника! Только, наверно, покойный бы радовался, сидя где-то на тучке и наблюдая за собственными похоронами. Еще бы не радоваться! Он бы мне еще спасибо сказал за такой подарок. “При жизни не носил таких ботинок, — сказал бы он, утирая слезу с лица, — так хоть полежу в таких в гробе!”

Я страшно разозлилась на эту консультантку, но виду не подала. На что только еще способна была эта женщина лишь бы сбыть товар?! Она была мастером своего дела! Этого у нее не отнимешь.

— Понимаете, мне жалко тратить такую сумму денег на ботинки, которые скоро отправятся в землю кормить червей, — съязвила быстро я. — И к тому же как-то некрасиво, чтобы ботинки на ногах у покойника были дороже самого гроба.

Мой последний довод ее уговорил, и я получила обратно свои четыреста долларов. Того же дня я принесла полковнику вместо ботинок от Воронина самые обычные туфли с рынка.

15

Я перевела взгляд с ботинок директора на его руки, которые были безупречно чисты, а ногти аккуратно подстрижены. На правой руке виднелось обручальное кольцо, указывающее, что, мол, владелец этой руки уже занят, поищите себе другой мешок с деньгами.

— Ничего, Илюша, дела подождут, — начал Карл ласковую беседу с начальством. — У меня к тебе дело, которое важнее всех твоих неотложных.

“Ничего себе фамильярность! — подумала я. — Так разговаривать с директором?! Да он, наверно, сейчас этому Карлу пинок под зад даст своим ботинком от Воронина”.

Но не так вышло, как я размышляла! Директор закрыл папку с важными документами, поднял глаза вверх, нежно улыбаясь.

— Я весь внимание, Карлито! — радостно промурлыкал директор.

— Вот, привел к тебе редкой красоты цветок! — начал Карл, указывая рукой в мою сторону.

Я, подумав, что это обращение относится не ко мне, а к какой-то красавице, которая стоит за моей спиной, быстро осмотрелась по сторонам. Но, никого не увидев, страшно покраснелась. Этот Карл умеет смутить девушку! Однако, я быстро пришла в себя, вспомнив, что я была бесцветной тощей доской, сильно истрепанной жизнью. И сейчас директор Илюша, широко раскрыв глаза, начал ими меня изучать.

— Вот это страшилище ты называешь цветком? — рассмеялся директор. — Из-за этой уродины ты меня оторвал от чтения моего любимого журнала “Play Boy”?

Я спрятала шею в плечи, как всегда делаю, когда меня обзывают разными словечками и попятилась медленно к двери.

— Стоять на месте! — приказал Карл мне. — Куда сбегашь?

— Ну, ты же сам слышал. Я не подхожу, — ответила я. — Я же тебе говорила.

— Молчи! — приказал он. — Да он, даже, свою жену, в первый раз увидев, обозвал уродиной с соломой вместо волос. А теперь как он ее называет? Солнышко, зайныка, кисонька, красавица моя!

— Не может быть, — промыррила я.

— Не надо так о моей Люсинде говорить, — вставил свое слово директор. — Не смей! Она — цветок всей моей жизни! Афродита, вышедшая из пучины морской!

— Да если бы не эти руки, — подняв две руки высоко вверх, — то твоей Люське не светило бы быть Афродитой и твоей женой!

— Ладно, ладно. Не сердись, Карлито. Признаю, ты делаешь чудеса своими руками. Только вот с этой девушки не выйдет ... кажется ... того... — замялся директор.

— Кого?

— Красавицы, — тихо ответил он Карлу.

— Если кажется — креститься надо! — сказал Карл и, взяв меня за руку, вывел в коридор.

Несмотря на все мои слова и протесты, Карл втолкал меня в помещение, где кроме мирно спящей девушки никого не было.

— Ирка! Подъем! — скомандовал он, заставив меня сесть в кресло перед зеркалом.

Девушка мгновенно подпрыгнула с дивана и оказалась около Карла.

— Опять всю ночь на танцуйках жопой крутила? — спросил он бедняжку, распустив мне волосы и тщательно их осматривая.

— Ой, Карлито, ты себе представить не можешь, — завелась девушка писклявым голосом, — кого я видела в “Тутанхамоне”!

— Ну и кого?

— Того жгучего мачо с черными волосами, которого мы видели в “УЗД”.

— Неужели? — удивился Карл, оставив мои волосы и переключив свое внимание на девушку. — Он был один?

— Нет, с какими-то девчонками.

— И как он был одет?

— О, потрясающе! — воскликнула Ирка. — В черную рубашку, прозрачную, как фата, сквозь нее было видна его грудь, его бицепсы, его плечи. Штаны были серого цвета, старательно подчеркивающие его симпатичную попку. О, какой он красавец! Адонис прям! Карл внимательно слушал ее и в его глазах проскакивали искорки, такие же, как у Ирки. Мне это показалось странным, что Карл так взбудоражился из-за этого мачо, но я быстро об этом забыла так, как все внимание Карла и Ирины было перенесено на меня.

— Да! — грустно и тяжело вздохнула Ира, осмотрев меня хорошенько. — Придется хорошенько попотеть, чтобы сделать из этого всего что-нибудь этакое величественное!

— За работу, Ирюща! У нас мало времени. К вечеру должны управиться.

Умелые руки Карла и Ирины колдовали надо мной без отдыха. Я так устала от всего этого, что еле сидела в кресле. Могу себе только представить, как устали от этого мои

чародеи.

Ирина была визажистом и еще при этом делала маникюр и педикюр. Выщипав все мои брови, как мне показалось, придавая им правильную форму, которую они не знали от роду, так как я до этого момента ходила с натуральными бровями, которые Муся постоянно называла брежневскими, — она принялась накладывать на мое лицо разные пудры, тени и другие краски, чтобы сделать из моей мордашки что-нибудь этакое величественное. Я, конечно, сильно сомневалась, что у нее выйдет из этого что-нибудь хорошее. Мои исщипанные брови так болели, что я еле в кресле сидела, когда Ирина делала мне маникюр, а потом еще и педикюр. Вот, бабы — дуры! Терпеть такую жуткую боль ради двух тоненьких линий на лице! Ну, мне то в итоге за это заплатят в виде зарплаты, а вот те барышни терпели такую каторгу над собою бесплатно!

Однако эта были только цветочки! Впереди меня ждал действительно суший ад! Эта боль в сравнении с восковой депиляцией ног, рук, подмышек, а главное — зоны бикини, оказалась маленьким укусом комарика. Все бабы, все-таки, редчайшие дуры! Такое терпеть ради веяния моды?! Раньше ведь все так ходили и не парились растительностью на своем теле. А теперь все словно с ума сошли! Ведь и моя Муся тоже из дому не выйдет без некрашенных бровей и не бритых ног. Редкостный идиотизм!

16

Никогда в жизни не была даже в простой парикмахерской, не говоря уже о салоне красоты. Это было принципиально так, как я считала мне это не нужным. Свои волосы, уложенные в конский хвост, стригла сама. Моих бровей раньше никогда не касались щипцы, — об этом я уже упоминала, — а на ногти никогда раньше не ложился лак.

Когда свою работу выполнила Ирина, за меня принялся Карл. Он долго осматривал мои волосы, вертя моей головой в разные стороны, пытаясь увидеть в них что-нибудь этакое экзотичное, как он сам говорил директору. Мне было жалко смотреть на Карла, который всем своим видом говорил, что лучше взять и сбрить эти волосы полностью, потому что из них ничего хорошего не сделать. Но Карл все-таки принялся за работу. Будучи стилистом, парикмахером и менеджером в одном флаконе, он умело и легко орудовал ножницами и гребнем. Мне было любопытно посмотреть, на кого я стала похожа, но, к сожалению, Ирина еще с самого начала укрыла зеркало тканью, чтобы я раньше времени не испугалась своего вида. После стрижки меня отвели в гардеробную и заставили больше часа переодеваться, не подпуская меня к зеркалам, которых в примерочной было много. Я перепробовала сотни, тысячи разных футболок, кофточек, юбочек и платяиц столь коротеньких, что я бы ни за что в таком наряде не вышла на улицу.

— У тебя такие красивые и стройные ножки! — похвалил меня Карл, отдыхая на диване. — Почему ты их раньше прятала под брюками, да еще такими уродливыми?

— Да, и титьки у тебя хоть куда! — поддержала Карла Ирина. — Почему ты носила такую широкую футболку?

— Зачем прятать грудь второго размера под этим мешком? — не отставал Карл. — Это же грех! Красоте нужен воздух, чтобы дышать легко и свободно!

Ирина отошла на минуту и вернулась с босоножками в руках. Они были красного цвета и с шпильками вместо подошвы.

— Надевай, — сказала мне Ира.

— Вы что с ума сошли? — возразила я. — Да я в своей жизни одни только кроссовки ношу. Еще иногда туфли, если какой-нибудь праздник, но без каблучков.

— Так! Молчать! — разозлился Карл. — Делай, что велено. Женщины еще не на такие жертвы идут, чтобы выглядеть сногсшибательно!

— А я не хочу своим видом никого с ног сшибать, — возразила я.

Но Карл не придавал моим словам значения и продолжал:

— Делают себе искусственные титьки, губы, жопы, чтобы выглядеть, как ты. А ты не хочешь надеть просто туфли со шпильками для полного эффекта! Ты неблагодарная! — обиделся стилист. — Я тебя на улице подобрал, работу дал, а ты..!

— Ну, ладно, ладно! — смягчилась я, видя, что Карл еще минуту и заплачет. — Давай сюда эти шпильки-дрильки, — попросила я у Ирины.

Надев их с помощью девушки, я попыталась встать. Встать-то — я встала, но пройтись на этих иголках было выше моих возможностей.

— Мамочки, сейчас упаду! — визжала я.

— Ну и что! — отрезал Карл.

— Как что? Больно же будет, — обиделась я.

— Поболит и перестанет!

— Вот это да! — как загипнотизированная уставилась на меня Ирка. — Слов нету!

— Илюша этим вечером будет у твоих ног! — добавил Карл.

— Карлито, ты просто чародей! — похвалила его Ирина.

— Давай сюда зеркало, — потребовал стилист. — Время снять пелену с глаз этой дурочки, которая считала себя уродиной.

Ира пошла в подсобку и вынесла оттуда огромное зеркало, поставив его на пол и уперев об стенку.

— Ну, что готова к новой жизни? — спросил Карл, взяв меня за руку.

— Д-да, — тихо ответила я.

Хотя на самом деле я не была уверена в том — хочу ли я увидеть то, что меня ожидало.

— Закрой глаза.

Я закрыла, и Карл подвел меня к зеркалу.

— Открывай, — услышала я голос Карла.

Я открыла глаза. В зеркале на меня смотрела совсем мне незнакомая девушка. Красавица!

— Кто это? — спросила я, недоумевая.

— Ты, — вместе ответили Ира и Карл.

— Я? — дрожащим голосом спросила я. — Вот эта ... вот... красавица я?

Не отводя глаз от зеркала, я то белела, то краснела. Оттуда на меня смотрела брюнетка с обворожительными, зелеными глазами, которые были подчеркнуты черным карандашом и зелеными тенями. Брови у меня были тоненькими. Ресницы — большими, густыми и черными. Губы блестели бордовой помадой. Такого же цвета были мои ногти и на руках и на ногах. Волосы мои были аккуратно подстрижены точь в точь, как у певицы Марты. На мне было платье темно-красного цвета, очень коротенькое, сзади чуть жопы не было видно. Спереди виднелся шикарный бюст, слишком уж подчеркнутый низким вырезом, из-за чего моя грудь грозилась выпрыгнуть наружу при малейшем моем вдохе и выдохе. Да о таком размере груди Муся всегда мечтала! И томно вздыхала, когда видела такие по телику или вообще вживую. А что будет с ней, когда она увидит меня в таком наряде?! Да она от зависти выгонит меня из своего дома, чтобы я не мелькала перед нею и не напоминала, чего именно лишила ее матушка-природа!

Ко всему этому само платье также туго обтягивало мою талию и жопу, делая меня еще более стройной. Мои длинные ноги кончались красными босоножками на больших шпильках-дрильках.

— Богиня! — томно произнес Карл, облизывая при этом свои губы.

— Королева! — добавила Ирка, любуясь мною, словно, каким-то редкостным зрелищем.

17

Карл Плоткин работал менеджером в магазине “Super Star” со дня его открытия. А директором назначили Илью Смольного только из-за того, что его отец был местным депутатом. Сев в кресло директора, Илюша начал командовать маленьким штатом работников. Он указал буквально каждому человеку, как надо правильно выполнять ту или иную работу. Например, Ирише он ткнул пальцем в то, что она неправильно делает макияж. И сняв пиджак и закатив рукава рубашки, начал наносить румяна на щеки модели и красить ресницы тушью. Уборщице Зине он показывал, как надо правильно мыть полы. Плохо выкрутив тряпку, он чуть не упал на пол, вымытый им же. А при виде модели, которой он сделал макияж, каждый живой человек шарахался в ужасе.

Когда в магазин пришел Карл, то Смольный сразу взял молодого неопытного сотрудника под свое крылышко, пригласив в клуб “Тутанхамон”. Там они мило провели время, болтая о работе. Илюша дал Карлито первое задание. В магазине было только три модели, и они нуждались в новых сотрудницах. Поэтому Карл должен был найти десять моделей с улицы, чтобы те не требовали огромный гонорар. На следующий день Карл пришел в магазин с девушкой, которую увидел на улице. Но Илюша назвал ее уродиной и вытолкнул с кабинета. Карла он обозвал неопытным сосунком и бездарным стилистом. Это так задело самолюбие Карлито, что тот решил помститься директору. Он завел девушку в гардеробную и сделал из нее красавицу. Ему в этом помогала Ириша, поскольку тоже имела зуб на Смольного. Вечером они привели девушку в “Тутанхамон”, где часто бывал директор. Увидев там такую красавицу, Илюша сразу ей предложил работать в магазине. После ухода Смольного все они трое еще долго смеялись и потешались над ним. Так Карл нашел десять моделей для магазина.

Теперь настал мой черед идти в “Тутанхамон” и очаровать Смольного. Я, правда, до этого никогда не пробовала искушать мужчину. Поэтому у меня тряслись коленки от страха, и еще на шпильках-дрильках я еле перемещалась от стула к стулу. Если бы я знала, что очаровать Смольного будет так легко, то не нервничала бы так. Мне для этого не нужно было делать ни чего. Он сам ко мне подошел, начал разговор, стал осыпать комплиментами, угостил выпивкой, от которой у меня стала кружиться голова. Потом мы пошли трясти жопами. Кровавая Мери, которой меня угостил Смольный, сделала свое дело, и я так расслабилась, меня так разнесло, что я весь вечер зажигала на танцполе с кавалером, хихикая с каждого его слова. В итоге, Смольный предложил мне работу и велел приходить завтра. После ухода директора ко мне подошли Карл и Ирина.

— Ну, как? — спросила Ира.

— Хамелеон растаял от твоей красоты? — добавил Карл.

— Хамелеон? — удивилась я. — Это что Смольный?

— Да.

— Почему Хамелеон?

— А он все время меняет свое мнение. Сначала считал тебя уродиной, а теперь красавицей называет. Разве не Хамелеон?

— Точно, — согласилась я, улыбаясь. — Хамелеон пригласил меня на работу. Наша взяла! Ура!

Карл заказал выпивку, и мы выпили за победу, за знакомство и за дальнейшую дружбу.

— Доша, пошли с нами в “УЗД”, - предложила мне Ира. — Сегодня выступает Николаша.

— Басков? — спросила я, и, взглянув на часики, добавила: — А не поздновато ли? Басков в такое время точно спит, а тебя надули с билетами, Ириша.

— Да не Басков, — рассмеялась Ира. — Басков не умеет так задом вертеть, как Николаша Булдыгин. Он стриптизер, а “УЗД” — стриптиз бар. Расшифровуется, как удовольствие за ваши деньги.

Услыхав фамилию Булдыгин, я сразу протрезвела, спиртное мигом выпарилось из моей головы, и я смогла сразу мыслить трезво.

— И ты часто ходишь в этот “УЗД”? — стала я ее расспрашивать моих новых знакомых.

— Каждый четверг и каждое воскресенье. Тогда выступает Николаша. Он суперски зажигает! Бабы визжат так, что слышно на весь квартал. В эти дни там куча народу, нечем даже дышать.

— Нет, я с тобой не пойду. Очень устала за день, а завтра на работу. Но, может, схожу как-нибудь в другой раз. Адресок продиктуй, пожалуйста.

Взяв бумажку с адресом, я села в такси, которое доставило меня домой. На шпильках-дрильках я еле вылезла из такси. Голова у меня шла кругом, язык заплетался и ноги, кстати, тоже. Они протестовали против такой экзекуции. Но как-то приложив все свои силы, я дошла до лифта. Нажав на кнопку, я стала ждать, когда откроются двери этой железной банки. Прождав пять минут, ко мне дошло, что лифт не работает. За эти минуты эта железзяка могла спуститься вниз, а потом выехать на двенадцатый этаж не меньше двух раз. Это меня так расстроило, что я готова была расплакаться прямо здесь, как какая-то истеричка. Еще день назад вылезти пешком на двенадцатый этаж вызвало бы у меня только улыбку на лице, ведь я со спортом дружу с детства, однако, сейчас топая своими ножками по лестнице, я спрашивала себя, ну почему мне Бог послал подружку, которая живет чуть ли не на небесах.

Из-за отсутствия лампочек в коридорах я трижды упала, побив притом себе колени и испачкав свое новое платье. Но все-таки я добралась до двенадцатого этажа. На стене горела вкрученная лампочка. Это был единственный этаж в доме с этим нехитрым устройством. Стиснув зубы от злости, я дошла до дверей Катошкиных, спрашивая себя, почему ЖЕК вставил лампочку только на последнем этаже.

Я нажала на звонок с надеждою, что Муся еще не спит, а иначе мне сейчас придется стучать кулаками в двери. Это, конечно, не обрадует ни саму Мусю, ни ее соседей. Я посмотрела на часики. Стрелки указывали уже на полночь. Да! Поздновато! Наверное, Муся уже дрыхнет без задних ног. А Сергей Петрович еще на работе. Вот, влипла в историю! Все благовоспитанные девушки уже давным-давно дома. Только я шляюсь так поздно по разным Туганхамонам.

18

Мои мысли были прерваны шуршанием тапочек из-за двери. Слава Богу, Муся еще не спит! Когда открылись двери, вместо подруги я увидела ее отца. Он был в махровом халате и в мягких тапочках в виде мохнатых зверушек, то ли собачек, то ли кошек.

— Муся! Это к тебе! — крикнул он. — А вы, девушка, плоходите.

Я удивилась странному поведению Сергея Петровича, но молча вошла. В эту же секунду явилась и Муся.

— Папа, ты почему проститутку в дом привел? — рассержено обратилась она к отцу. — Ты этим срамишь память о маме.

— Какую проститутку? Ты что уже подруг своих не помнишь? — ответил ей папа.

— А это не моя подруга. Я эту девушку впервые вижу.

— Как впервые? — удивилась я, при этом обиделась сильно так, как меня только что обозвали девушкой, которая занималась самой старинной профессией во всем мире. — Муся, ты что несешь? Да и вы, Сергей Петрович, странный какой-то.

Моя подруга и ее отец уставились на меня, будто увидели впервые.

— Голос нашей Доши, — сказал полковник, — но внешность плям модели какой-то.

— Точно, — поддержала его дочь. — Или правильнее сказать проститутки. Потому что модели обычно в это время спят так, как им с утра на работу бежать. А вот для проститутки это время суток как раз разгар рабочего дня!

— Девушка, вы кто и почему звоните так поздно? — спросил меня полковник.

— Как кто я? Вы, что с ума сошли? Меня не узнаете? Я же Евдоша.

— Голос точно ее, — подтвердила Муся, — но внешность не ее.

— Да, я немного изменилась, — попыталась я им все объяснить. — Прическу изменила, и платье надела, и еще шпильки-дрильки на ноги нацепила. Ноги у меня от них отваливаются! Еле дошла в них к дому, а еще потом двенадцать этажей пешком шла. Трижды падала, платье испачкала, коленки побила, а вы меня еще в дом не пускаете! — рассердилась я, проронив скупую слезу от обиды. — Если я вам надоела, продуктов много жру и место лишнее занимаю, то так и сказали бы! Зачем разыгрывать эту сцену?!

— Дошка, это что ли ты? — удивилась Муся.

— Дошенька, что ты с собой сделала? — спросил растерянно полковник.

— Я нашла работу. И главное требование — выглядеть вот так.

— Интелесно, что это за лабота? — продолжал допрос полковник.

— Я буду работать моделью в магазине “Super Star”.

— Ни фиги себе! Прямо очуметь! — не могла никак поверить в это Муся. — Ты будешь работать моделью?!

Больше Муся ничего сказать не смогла, как и ее отец, поэтому мы пошли все спать.

Утром я проснулась от головной боли и боли в ногах. К моему большому облегчению котят около моих ушей я не обнаружила. Все они четверо упивались ушами моей подруги. Это меня так рассмешило. Хотя и не красиво смеяться с чужого горя, но эта сцена меня очень порадовала. Вот будет прикольно посмотреть на лицо Муси, когда она проснется и обнаружит, что она лежит в объятьях не мужчины, а в объятьях маленьких, пушистых котят! Я начала ждать, когда моя подруга соизволит открыть глаза. Но через пятнадцать минут я поняла, что она собралась дрыхнуть до обеда, поэтому я решила разбудить ее сама. Ведь я не могу ждать так долго. Мне нужно на работу.

Только я потянулась к руке подруги, как на нее полилась вода с потолка. От этого она моментально проснулась. Котята мигом испарились, и я не увидела искаженного лица Муси.

— Дошка, ты что офигела! — освирепела Муся, поднимаясь. — Хватит на меня брызгать водой.

— А это не я.

— Хватит меня дурачить!

— Я тебе правду говорю. Это не я.

— А кто тогда?

— Потолок, — ответила я и сразу поняла, как глупо это звучит.

— Доша, издеваешься, да? Мстишь за ночной инцидент, да?! Но я не виновата, что тебя не узнала. Не надо одеваться, как шалава Клава! Будешь на будущее знать.

— Но я правду говорю. Ну, сама взгляни вверх. У вас потолок течет.

— А почему тогда на тебя не капает?

— Не знаю.

Муся подняла голову вверх, и, увидев капли воды, падающие с потолка прямо на ее половину кровати, прекратила свои несправедливые нападки на меня. Она мигом встала с постели.

— Мамочка, нас топят! — завизжала она. — Вот проклятушие соседи попались! Ух, уроды! Ну, это им так даром не пройдет! Папочка их в тюрьму упрячет. Пусть знают, изверги, как топить честных людей!

— Муся, а разве у вас есть соседи сверху? Вы же живете на последнем этаже. Или у вас достроили еще один этаж?

— Точно. Я как-то об этом не подумала. Тогда кто нас может топить? — задала очень разумный вопрос Муся, сделав при этом такую смешную мину на лице, что я еле удержалась, чтобы не рассмеяться.

— Муся, давай об этом подумаем потом, а сейчас давай спасать твою половину кровати. Нужно подставить большую миску. Неси, что у вас в доме имеется.

Подруга пошла на кухню и принесла оттуда что-то вроде тазика. Я убрала подушки, покрывало и Муся положила тазик на кровать, на то место, куда капала вода.

— Вот это ливень! — сказала я, взглянув в окно.

— А какой град большой! Прямо с мой кулак! Да он нам всю крышу продырявит! — испугалась Муся.

19

— У вас, что в доме крыша из стекла сделана? — удивилась я.

— Нет, не из стекла. Но она такая старая, что будет похлеще любого стекла.

— А куда смотрит ЖЕК? За что вы деньги платите?

— Доша, какая ты наивная. ЖЕК починит крышу только в том случае, когда на наш дом упадет какая-нибудь бомба и вся крыша будет разрушена. И тоне факт. Они, наверное, в таком случае обнесут крышу, точнее то, что от нее останется — полиэтиленом. Это еще будет хорошо. Потому что они могут вообще не приехать на вызов.

— Как так!? — возмутилась я. — А как же жильцы?

— Какая ты наивная еще, Доша! Они примутся за работу только в таком случае, если пострадают несколько этих же жильцов. Точнее уже не жильцов!

— Муся, что ты такое говоришь! — ужаснулась я от ее слов. — Не могут же жэковцы быть такими извергами!

— Могут, подруга, могут, — грустно подтвердила еще раз Катошкина.

Я была сильно опечалена таким известием; я была немного лучшего мнения о стране, в которой живу. Не думала я, что в нашем государстве твориться такой бардак. Еще бы! Я ведь до этого жила в огромном особняке, под крылышком папы-олигарха. И только став независимой я поняла, как живет простой народ.

Позавтракав котлеткой с кофе, я нацепила на себя вчерашнее платье, которое стало

немного потрепанное из-за ночной прогулки этажами. Увидев шпильки-дрильки, меня аж перекосило от гнусных воспоминаний. Но стиснув зубы, я надела их на ноги. К моему огромному удивлению ходить на них стало легче.

— Ты куда такая разукрашенная и разодетая направилась? — остановила меня в дверях подруга.

— На работу, — ответила я.

— Ах, да! Я же совсем забыла, что ты у нас теперь модель! — съехидничала Катошкина.

— Муся, ты что завидуешь?

— Я? Было бы чему завидовать! — махнув рукой при этих словах.

— Тогда ладно. Я побежала.

— А кто будет выливать воду из миски?

— Ты, конечно. Я ведь не могу.

— Значит, я буду сидеть дома, и выливать воду, пока ты будешь крутить жопой по подиуму? — расстроилась сильно Муся.

— Мусинька, такова жизнь! Ладно, я уже опаздываю. Не скучай.

Я пошла к двери и хотела уже открыть, как кто-то позвонил. Я открыла двери и увидела Бориса. В одной руке у него были цветы, а в другой — зонтик. Одет он был в футболку и в джинсы.

— Доброго утра, — сказал он, улыбаясь странно. — Или лучше сказать, дождливого.

— Привет, — ответила я ему.

— А Ева дома? — спросил он, чем заставил меня удивиться.

— А я разве не Ева? — обиделась я на него.

— Не знаю. Может вы тоже Ева, но мне другая Ева нужна.

— Другая? — обозлилась я. — И какая же, интересно?

— Хотя постойте! У вас голос точь-в-точь, как у нее.

— Неужели?

— Да. И глаза у вас такие же, как у нее. Зеленые.

Борис умолк, рассматривая меня внимательно.

— Ева, неужели это ты? — спросил он изумленно.

— Конечно я. Что не узнал?

— Нет. Ты же на себя совсем не похожа. Что ты с собой сделала?

— Что, разве, не нравится? — Борис молчал. — А другим мужчинам нравится! — сказала я, чтобы его позлить и это у меня удалось.

— Каким это еще мужчинам?! — начал ревновать он.

— Да есть некоторые, преследующие меня прям по пятам, — наврала я ему, чтобы еще больше позлить. Что-то мне захотелось, чтобы он думал, что у меня еще кто-то есть, что я нравлюсь не только ему одному. — Но я все никак не могу определиться, кого выбрать.

Борис весь поник и начал действовать осторожней. Свою ревность он присмирил и стал прям весь шелковый.

— Ева, это тебе, — сказал ласково он, протягивая мне цветы. — И прости, что не узнал. Богатой будешь.

Я взяла цветы и хотела сказать, что я и так богата, но вовремя прикусила свой язык. Пусть думает, что я бедна, как церковная мышь.

— Спасибо, Борис. Очень красивые цветы. Мне еще никто такие замечательные цветы не дарил.

“Если бы он узнал, что мне еще ни один мужчина цветы не дарил, как бы он на это отреагировал?” — подумала я про себя. А те цветы, которые приносили мне, так сказать, те женихи, чтобы сосватать богатую невесту, которых отыскивала моя мамаша — я в расчет не беру.

Оставив цветы дома, мы вышли на улицу. Дождь лил, как с ведра.

— Ой! Я же зонтик не взяла. Надо вернуться наверх.

— Но лифт же не работает.

— Точно.

— Но ты не расстраивайся. Я тебя доведу, куда тебе надо. У меня зонт большой, поместимся.

Я согласилась. Борис взял меня под руку, и мы тронули к метро. От него несло приятными мужскими духами. Он расспрашивал меня, где я работаю, но я ему так и не сказала. Расстроенный тем, что я сейчас не могла с ним погулять, Борис довел меня до метро. Хотя какие прогулки в такую ужасную погоду! Это он, конечно, выбрал самое удачное время для свидания! Поэтому я пообещала встретиться с ним завтра вечером. Он сказал, что зайдет за мной в семь, и мы попрощались.

20

До начала работы я решила зайти в “УЗД” и разузнать кое-что о Коле. Хотя это было ночное заведение, но оно оказалось открытым. Правда, посетителей я там не обнаружила, кроме себя. Помещение было огромное. Только сцена занимала почти половину заведения. Напротив нее были столики, а за ними — барная стойка. Я подошла к стойке и села на высокий, вращающийся в разные стороны, стул. Упершись локтями, я начала рассматривать различные бутылки со спиртным. Чего здесь только не было! Правда, я не разбираюсь в «градусах», поэтому я распознала только вина, водку и коньяк.

Неужели Коля работал стриптизером? Мне с трудом в это верилось. Он ведь никогда не блистал красотой, хотя и уродом тоже не считался. Но чтобы дрыгать на сцене, и притом еще оголять некоторые части своего тела, надо быть без комплексов или без материнской учительницы. А у Коли было и то, и другое. Он в академии никогда не выступал на сцене из-за страха, хотя и хорошо пел. Преподаватель пения все время пытался вытащить Колю на сцену, но безрезультатно.

Вдруг из-под барной стойки прямо перед моим носом выскочил парень. Он меня так напугал, что я еле со стула не свалилась.

— Ой, ты меня напугала! — сказал парень. — У нас в это время посетителей не бывает.

— Ты меня тоже напугал, — не осталась я в долгу.

— Что будешь пить? — спросил бармен.

— Томатный сок, — ответила я, — если у вас такой имеется.

— Имеется, конечно. Но ты первая, кто его заказывает. Может туда немного водочки долить?

— Нет, ни в коем случае.

— Что так? — удивился бармен. — Томатный сок можно выпить в любом кафе. Может, ты не в курсе куда зашла?

— Неужели в стриптиз баре нельзя выпить сока, чтобы на тебя не смотрели, как на сумасшедшую? — разозлилась я.

— А понял! — обрадовался парень. — Ты в положении.

— В каком еще положении? — не поняла я.

— Ну, в затруднительном.

Бармен отошел на минутку от меня и вернулся со стаканом томатного сока.

— Вот, твой сок.

— Спасибо, — ответила я и принялась пить.

— А какой уже срок? — задал странный вопрос бармен.

— Не поняла.

— Ну, сколько еще носить?

— Что носить?

— Не что, а кого.

Мои глаза сделались большими от непонимания.

— Я про ребенка говорю.

— Про чьего ребенка?

— Про твоего, конечно.

— А у меня разве есть ребенок?!

— Ну, не у меня же! — начал злиться бармен.

— Что-то тут не так! Ты что-то не так понял.

— Все я так понял. Ты беременна, поэтому тебе нельзя принимать горячительные напитки.

Я рассмеялась. Вот это попала!

— Я не беременна, — сказала я парню.

— А как же томатный сок? — недоумевал бармен.

— Просто я люблю помидоры. Что разве нельзя?

— Ну, почему же! Можно, конечно.

На сцене в это время появились люди. Они что-то репетировали. Выглядели они очень странно. Приглядевшись, я поняла, в чем было дело. Парни на сцене были голубыми.

— Разве это гей клуб? — спросила я у бармена.

— Нет.

— А как же они? — указала я на сцену.

— А эти! Понимаешь у нас каждый вторник гомодей, от английских слов “homo” и “day”. Вот они репетируют номер.

— А когда Николаша будет выступать? — спросила я.

— А он уже не будет выступать.

— Уволился что ли?

— Нет.

— Уволили?

— Нет. Кольку бы никогда не уволили. Он был суперским стриптизером! У него был талант, как говорят, свыше, то есть от Бога.

— Почему был?

— Его убили, сбросили с крыши.

— А ты хорошо знал Колю?

— А тебе, зачем это знать? Что ты тут вынюхиваешь?

— Я была его подругой. Мы вместе учились в академии.

— Мы были знакомы с ним где-то год. Так разговаривал время от времени и то только о работе.

— А он был конфликтным человеком?

— Если ты его подруга, то должна сама знать.

— Мы просто в последнее время не так часто общались, ведь он прогуливал пары. Никто с его друзей из академии не знал, что он стал стриптизером. Даже его мама не знала об этом. И так уже и не узнает.

— Почему?

— Ее тоже убили. Отравили. Завтра будут похороны. Какое горе! Сначала Коля, а теперь Лариса Ивановна. Убийцу надо найти.

— И где ты собираешься искать его? Да и зачем тебе это? Для этого есть милиция.

— Я не уверена, что милиция найдет убийцу. А Коля и Лариса Ивановна были для меня не чужими людьми.

— Понимаю.

— Может у него были конфликты с кем-то по работе?

— Да будто не было.

— Может его кто-то недолюбливал? Ведь ты сам говорил, что он был любимчиком доли, а таких часто не любят и тайно всегда завидуют.

— Ты сама сказала тайно. А я-то откуда могу читать мысли людей?

— А кто с ним здесь больше всего был близок?

— Есть такой один. Зовут Адам. Они всегда о чем-то болтали. И этот Адам привел Николашу сюда. Он-то тебе нужен. Этот может что-то нужное рассказать. Только его сейчас нет.

— А когда он будет? Или, может, я к нему домой сгоняю?

— Его дома ты сейчас не застанешь. А вот вечером приходи сюда. Адам будет выступать.

— Ладно, я приду вечером.

21

Я добралась к “Super Star” к десяти часам. Оказалось, я самая первая явилась. Все модели придут не раньше одиннадцати. Карл, правда, на своем рабочем месте уже был и работал во все силы.

— Дошенька, ты пока можешь пойти погулять, пока другие девушки явятся, — прочирикал мило Карлито и принялся опять за работу.

Он давал распоряжения двум хорошеньким девушкам. С виду им было не больше двадцати. Они работали консультантами. В их обязанности входило: обслуживать покупателей, подавать им кофе или чай, конечно, по желанию. Также они показывали интересующую вещь клиентке и, если она брала вещь, то продавщицы брали у нее деньги и клали их в кассу. Еще продавщицы раскладывали вещички на вешалки и на манекены в витринах. Одна из девушек была также кассиршей и отвечала за деньги. Она должна была в конце рабочего дня пересчитывать кассу и все деньги отдавать Смольному.

Только самые богатые клиентки могли заказать себе приватный показ новой коллекции от Кристиан Диор. Стоило это удовольствие не мало, но заказов хватало. И в день модели проводили на подиуме не меньше четырех часов, плюс полтора часа в примерке, чтобы навести марафет.

Пока Карл работал, я сидела на диванчике и обдумывала об убийстве Коли и его мамы. Зачем убили Колю? Кто это сделал? Чем помешала убийце Лариса Ивановна? И кого прикрывал врач? Конечно, убийцу. Как бы узнать, с кем тогда разговаривал этот докторишка? И какую медсестру видела соседка Булдыгиных? Надо это выяснить. Но как?

Да и на похороны Ларисы Ивановны надо пойти. Интересно, кто занимается организацией похорон? Наверное, кто-нибудь из родственников Колиной мамы. Не припомню, чтобы Коля раньше рассказывал мне о своих родных. Надо позвонить соседке покойной Ларисы Ивановны и узнать у нее время похорон. Я так и сделала. Вера Степановна сразу ответила. Она мне сообщила, что похороны назначены на десять часов на Митинском кладбище. Соседка бы еще говорила и говорила, если бы я ее не прервала.

— Простите, но я не могу больше разговаривать, — сообщила я ей, — работа, понимаете, не терпит отлагательств.

Женщина попрощалась со мной, и я повесила трубку.

— Доша, привет! — услышала я знакомый голос.

Я подняла голову и увидела Иру.

— Ты что так рано пришла? Все сходятся не раньше одиннадцати.

— Я вижу теперь.

— Ладно, пошли ко мне. Поболтаем и кофейку попьем.

Мы зашли в примерку. Я помогла Ирише с кофе, и мы уселись на диванчике с горячим и ароматным кофе.

— Представляешь, вчера мы с Карлитом пошли в “УЗД” смотреть выступ Николаши, — начала беседу Ирина, — но так и не увидели его. Представляешь, че нам сообщили?

— Нет.

— Я была шокирована от этого известия. Представляешь, Николашу убили и он больше не будет выступать. Кошмар! Ужас! Я больше не увижу симпатичную попку Николаши, его бицепсов ...

— Ириша, неужели тебе не жалко человека? — удивилась я поведению девушки, которая вместо того, чтобы скорбно грустить о человеке, покинувшем этот мир — грустила о том, что не сумела увидеть его голый зад.

— Конечно, жалко, — бросила Ирина, чтобы оправдать свою бесчувственную натуру.

В комнату в эту секунду ворвался Карл и, не поздоровавшись с Ирой, начал давать указание.

— Припудри носик нашей Доши и одень ее в это платье. И побыстрее, милая.

— Зачем так спешить, Карлит? — полусонно ответила Ира, — Ведь все остальные красавицы еще только топают к месту их работы. Успею еще.

— Ириша, милая, не болтай попросту. Глянь в окно. Там уже Катенька прикатила на своем “коне”. Берись за работу, а то потом снова будешь не успевать. Ровно в двенадцать приедет клиентка. И мы должны начать показ вовремя.

— Карлит, что случится с твоей мадам, если мы немного опоздаем? — спросила иронично Ирина.

— Ты хоть знаешь, кто сегодня у нас будет?

— Еще одна женушка какого-нибудь олигарха хренового! — грубо воскликнула Ира. — Ниче с ней не случится, если подождет чуток! Минут тридцать.

— Если ты опоздаешь с показом хоть на три минуты, то ты здесь больше не будешь работать. Илюша тебя выгонит в три шия и без трудового пособия. Еще он тебе такие рекомендации напишет, что ты ни в одно стоящее заведение не сможешь устроиться.

Ирина при этих словах быстренько встала с дивана.

— Кто же к нам придет такой важный? — спросила она с любопытством.

— Сама Татьяна Викторовна Ведакова. Известная бизнесвумен и влиятельная особа в

политических кругах.

— Это та, которая отсудила в наилучшем спа салоне города кругленькую сумму рублей

...

— Бывшем наилучшем салоне, — вставил три слова Карл.

— ... только из-за того, что одна парикмахерша покрасила ей волосы в не той цвет, которого она хотела?

— Ха! Не той! — съязвил Карл. — Они у нее стали зеленые. И с того времени ее называют Жабой, конечно, только за ее спиной.

22

— Но почему ей не перекрасили волосы потом в другой цвет вместо зеленого? — спросила я. — И тогда скандал можно было бы замять еще в самом его начале.

— А ты думаешь, ей не красили? Красили сначала в коричневый цвет, но это ничего не дало. Потом — в черный цвет, но и это не помогло. Зеленый цвет только стал темнее. И бедная Танечка напоминала уродливую лягушку с болота. Краска так и не смылась.

— И что она так ходит с жабьими волосами? — удивилась я.

— Теперь уже нет. Когда ее настоящие волосы отрасли на пять сантиметров, то зеленые кончики остригли. Теперь она носит мужскую стрижку.

— Помню, я ее видела по телику, — добавила Ира. — У нее были шикарные, густые волосы русого цвета, которые доходили ей чуть ли не до жопы. Еще помню, я ей позавидовала. Такие красивые волосы иметь!

— Я слышал, как ходили слухи, будто эту парикмахершу подкупила одна женщина, у которой Ведакова мужа увела. Вот ревнивая женушка и отомстила разлучнице.

— Вот это история! — воскликнула я от восхищения.

— Так! Приступайте обе к работе, — потребовал Карл и вышел.

Ириша усадила меня в кресло и начала надо мной колдовать. Она мне сделала потрясающий макияж и прическу, вместо Карла, у которого и без того хватало забот. Потом я надела платье, пока Ира делала макияж другой модели, Катерине. Но оно, на мой взгляд, выглядело уродливо. И еще оно меня жало со всех сторон. И мне казалось, что оно треснет от одного моего резкого движения.

— Ириша, мне кажется это платье немного узковато на меня, — обратилась я к визажистке.

Она отстранилась от Кати и взглянула на меня. В ту же секунду она разразилась хохотом.

— Что такое? — обиделась я. — Что я его надела навыворот, что ли?

— Ты его надела задом наперед! — потешалась надо мной Ирина.

— Как задом? — удивилась я, рассматривая себя в зеркале.

— Видишь, твоя спина почти вся голая, — объяснила Ира, — а не должно так быть. Спина должна быть полностью закрыта.

— Тогда, что же, получается? — изумилась я от услышанного. — Спина будет закрыта в то время, как мои сиськи будут выпирать наружу?

— Они не будут выпирать наружу, они будут сексуально подчеркнуты.

— С ума сойти! — поразилась я. — Да кто такое платье купит? Разве что стриптизерша или проститутка.

Но я глубоко ошиблась в своих доводах. Мадам Ведакова, эта бизнесвумен и влиятельная личность в политических кругах, сразу заприметила это “потрясающее

изделие”, как она сама выразилась, и пожелала его немедленно купить, даже не меряя.

— Фантастика! — визжала она от восторга, осматривая меня со всех сторон. — Это шедевр искусства! Кристиан Диор прямо себя превзошел! Он — тряпочный гений! Я его просто обожаю.

На этом мой первый показ мод был окончен. Я не успела выйти на сцену и пройти несколько шагов, как мадам Ведакова сорвалась с дивана и подбежала ко мне. Я так испугалась, что чуть каблуки не откинула. Бизнес леди больше не пожелала смотреть показ, объясняя это тем, что она уже нашла то, что искала.

Ириша была возмущена до предела. Она ведь так старалась, мазюкая лица моделям, а эта мадам даже не пожелала досмотреть на ее работу до конца.

— Меня еще никто так не оскорблял! — бубнила Ириша, когда Татьяна Викторовна, сияя от счастья, села в свое шикарное авто, держа в одной руке пакетик со столь вожделенным платьем. — Она меня так унизила! Унизила мою работу, смысл моей жизни!

Да другие модели стали возмущаться, злобно поглядывая в мою сторону.

— Только вышла на подиум и уже такой фурор произвела!

— Таким темпом нас всех выпрут на улицу. А это пигалица будет вертеть своим задом вместо всех нас!

— Ненавижу таких выскочек!

— А может, она с самим Илюшей крутит?!

— Да, точно.

— Вот, поэтому ...

И на этом пересуды крашенных фиф прекратились так, как они не могли дальше своими маленькими мозгами придумать ничего правдоподобного. Ведь не мог же Смольный заставить Татьяну Викторовну Ведакову купить именно то платье, которое было на мне. Это просто сто процентов везение и все.

Да все-таки бабское царство — это жуткое место! Как меня угораздило попасть сюда? Но кушать ведь мне хотелось, при том еще надо будет чем-то отблагодарить Мусю и Сергея Петровича за то, что приютили меня. Коммунальные платежи за воду, газ, электричество, за жилплощадь — не маленькие в наше время. И еще надо будет закупить продуктов, чтобы возместить убытки и пополнить запасы холодильника, который я опорожнила всего за два дня проживания у Катошкиных. Какая, я все-таки обжора! Нет, не найти мне мужа и до пенсии. Такую ходячую анаконду, которая проглатывает все, что движется, а в моем случае — все, что приятно пахнет и состоит из мясных волокон, — будет трудно прокормить. Чтобы это сделать — мужчина должен зарабатывать, как мой папа. А он ведь у меня местный олигарх! Поэтому с едой в нашем доме проблем никогда не возникало. Но что будет, если мой муж окажется простым рабочим или даже бизнесменом. В первом случае бедняга будет кушать только «мивину» и то по праздникам, чтобы удовлетворить аппетиты своей обожаемой женушки. А во втором случае — бедняга будет всю жизнь горбатиться только на желудок своей любимой и ненаглядной супруги! На все другое денег будет просто не хватать.

Так значит вывод каков? Мне нужен муж-олигарх, не меньше!

23

Я сидела в уютном кафе и жевала несъедобный чебурек. Вернуть его обратно продавщице у меня не хватило наглости. Хотя у них хватило наглости продавать такие гадкие и совсем несъедобные чебуреки. Но бедная девушка не виновата в том, что работает в

заведении, где людей кормят всякой дрянью. Она уже вся вымоталась, обслуживая голодных клиентов. А тут еще я припрусь к ней с обвинениями. Бедняжка тогда вообще опустит голову. Ведь она же не пекла сама эти чебуреки. Мне-то хорошо. Я родилась в богатой семье и мне не приходится себя утруждать тяжелой работой. А бедная девушка, наверное, тут вкалывает целый день, чтобы заработать себе на пропитание.

Хорошо и так, что картофельное пюре с отбивной и салат со свежими огурцами и помидорами оказались съедобными, даже вкусными. Дожевав последний кусочек чебурека, я задумалась. Мне вспомнились мои учебные годы, одногруппники, преподаватели, мои близкие друзья: Муся, Лена, Толик и Коля.

Коли уже, к сожалению, нету в живых. Лена вышла замуж сразу же после окончания академии за иностранца и укатила в Мюнхен. Там ее муж-дипломат работает в российском посольстве. Теперь живет Ленка, как у Бога за пазухой, ни о чем не волнуясь и радостно поедая ее любимые конфеты “Марсель”, которые стоят целое состояние. Она даже вышла замуж за сорокалетнего мужика, зато богатого до неприличия, чтобы есть свои любимые конфеты каждый день по килограмму, не меньше.

Толик тоже укатил за границу, но только в качестве жениха. Его невестой стала женщина, старше от него на десять лет. Но парня это не смущает. Он говорит всем, что очень любит Мишель, поэтому согласился даже на переезд. Но я лично в это не верю. По-моему, он позарился на двухэтажную виллу и кругленькую сумму на счету у его невесты. Это больше походит на правду, чем его сопливая история о жгучей любви к этой женщине.

Лично я бы не смогла выйти замуж по расчету. Я могу и сама о себе позаботиться. Мне для этого не нужен богатый муженёк. Я бы не смогла лечь с ним в постель только из-за денег. Меня бы стошнило прямо на его волосатую грудь. Я хочу сама о себе заботиться, и я могу это сделать. Для этого я даже ушла из дома, подальше от своего богатенького папочки, чтобы быть самостоятельной личностью, а не чей-то игрушкой.

Помню, как я отстаивала свое решение пойти учиться в военную академию. Мои родители были напрочь против этого. У нас в доме случались по этому поводу страшные скандалы. Моя мамочка закатывала такие истерики, что все соседи в округе знали о происходившем у нас в доме. Хотя жили мы в звукоизолирующем особняке, на некотором расстоянии от других вилл, но все-таки ее вопли просачивались сквозь щели и доносились ко всем желающим их послушать.

Я же пошла учиться в военную академию, поскольку хотела стать полковником, как отец Муси. Это было моей детской мечтой искать преступников, ловить их и потом сажать в тюрьму. Я считала это благородным — избавлять мир от всякой мерзости. Мои же родители видели меня моделью и женой миллионера, человека их круга, то есть сливку общества. Однако в моих планах этого и в помине не было.

Моя мама вечно скандалила с Сергеем Петровичем из-за того, что он мне покупал пистолеты вместо Барби. Отец Муси страстно хотел мальчика, сына, но вышла заминочка. У него родилась дочь, Муся, прирожденная модель. И с того самого момента, как она появилась на свет, он пытался сделать из нее солдата. Сергей Петрович даже колыбель малышки обшил материей, из которой делали военную форму.

— Пусть с детства ребенок привыкает к суровым будням солдата, — говорил он.

Бедная Муся вечно ходила в одних шортиках и штанишках, и вместо хорошеньких косичек она носила кепку. И еще в руке у нее всегда был или пистолет, или винтовка, — игрушечные, конечно, — ну, в крайнем случае, мячик, чтобы играть в футбол.

Прохожие люди всегда шептались:

— Смотри, какой прелестный мальчик! И такой хорошенький словно девочка.

Во дворе, когда Сергей Петрович гулял с Мусей, местные бабки только головой качали и глаза к небу закатывали, проговаривая:

— Что ж то с ребенка вырастит?! Каким же деспотом надо быть, чтобы вот так воспитывать ребенка!

Но Сергей Петрович на такие замечания ничего не отвечал, а уходил прочь. Он вообще не был общительным и дружил только исключительно с коллегами по работе. А дочку он любил безумно! И делал из нее мальчика исключительно из благородных побуждений. Он не хотел, чтобы у нее было хрупкое здоровье, как у ее мамы, из-за чего та скончалась при родах. Поэтому он ее приучил к ежедневным утренним прогулкам с собакой. И пса Катошкин купил только для того, чтобы его доченька по утрам вставала пораньше, чтобы выгуливать собачку. Сергей Петрович часто говаривал псу:

— А ну, Рекс, поднимайся! Надо с Мусенькой гулять идти.

24

Вот так и жила моя подруга до встречи со мной! Случилось это в детском саду. Я еще помню, как пришла к нам она. Долгое время я думала, что Муся это мальчик, поэтому к ней и не подходила. Она все время играла с мальчишками и к девочкам она чувствовала отвращение. Поскольку я тоже была девочкой с хорошенькими косичками в бантиках и в красивом платье, то Муся ко мне тоже чувствовала отвращение. Она даже в свои два года не догадывалась, что она девочка. Хотя она и не понимала разницы между мальчиками и девочками, но инстинктивно дружила с теми, на кого была похожа. Однако Сергей Петрович не все учел. Если он хотел сделать из дочери мальчика, то ему надо было воспитывать дочь или на необитаемом острове, или на зоне. Ни там и ни там не было женщин, ни девушек и к тому же старых бабуль, которые ей бы объяснили, что к чему. А отдав Мусиньку в детский сад, он сделал сам себе приговор. Видя и мальчиков, и девочек Муся однажды пришла к выводу, что она тоже была девочкой. Того же вечера Муся попросила в отца, когда тот пришел за ней в садик:

— Папа, купи мне платье, такое, как у Досы.

Сергей Петрович остолбенел на месте. Он даже, словом с ней не обмолвился об этом больше.

А произошло это из-за меня. Мне очень нравились игрушки, с которыми играли мальчики. И мне очень хотелось с ними играть. Но мальчишки не только не давали свои игрушки, но и не хотели со мной играть. Как-то раз я попросила у Муси ее винтовку вместо моей Барби. Оказалось, что не все мальчишки были жмотами, и она мне с радостью уступила свою игрушку. У нас с ней завязался детский разговор, в ходе которого я узнала, что она вовсе не мальчик, а девочка, и звали ее Мусенькой. С тех пор мы стали с ней дружить и дружим еще до сих пор.

Одного дня Мусю забрал с садика знакомый Сергея Петровича и отвел домой. Увидев у дочки вместо винтовки Барби, отец девочки побагровел до корней волос, но Муси ничего не сказал. А утром в садике он отдал куклу воспитательнице, требуя от нее, чтобы его дочке того же дня вернули винтовку. Но и тут Сергей Петрович пролетел. Это был элитный садик — чего он не учел. Хотя и девочке вернули ее игрушку, но через несколько дней на лейтенанта Катошкина ожидал следующий неприятный сюрприз. Его дочка предстала пред ним в платье и с бантом на голове. Он чуть в обморок не упал, увидев ее в таком виде.

— Кто тебя так одел? — спросил он девочку.

— Мама Досы, — ответила малышка.

Сергей Петрович был в истерике и готов был придушить эту нахалку, посмевающую такое сделать без его на то разрешения. Однако при виде суперэлегантной женщины он попятился и только скупно сказал ей, чтобы такого больше не было. Если бы вы знали мою мамочку хорошо, то были бы уверены, что дело этим не кончиться. Началась война, долгая и жестокая! И выиграла ее, конечно же, моя мамочка. На работе лейтенанту Катошкину пригрозили высшие чины, будто он не только улицы патрулировать будет, но и навещать свою дочку в приюте, если еще хоть одна жалоба последует на него от моей мамули. Вот так кончилось превращение Муси в солдата, и теперь я вижу перед собой сногсшибательную леди!

— Муся! — воскликнула я от удивления.

Моя подруга, держа под ручку симпатичного и элегантного мужчину в костюме от Воронина, зашла с ним в отель.

И снова этот Воронин! Куда не оглянись — мужчины в костюмах от Воронина. И ботинках его же бренда. Прямо какое-то наваждение! Неужели больше нету в России других дизайнеров?

Я встала из-за столика и оглянулась, чтобы еще раз посмотреть в окно на название отеля, в котором скрылась моя подруга, явно не для деловой встречи. Муся даром время не теряет. И не сидит дома, меняя миски с водой. Слава Богу, с неба уже не льется дождь, а то я уверена на сто процентов, что в ином случае квартиру Катошкиных полностью бы затопило. И не только их халупу залило бы водой, но и “домишки” их соседей ниже этажами тоже бы намокли от природной стихии, и от халатности и от бездеятельности ЖЭКА.

25

— О, старая знакомая! — обрадовался бармен, увидев меня. — Все-таки пришла. А я уже начал думать, что ты не придешь.

— Как видишь, ты ошибся, — ответила я. — А когда будет выступать Колин друг? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— Скоро, — ляпнул парень и отошел от меня.

Бедный парень! Целый день на ногах крутится у барной стойки. Туда, сюда! Ему, наверное, по ночам одни бутылки сняться. На такой работе легко спится. Это как раз плюнуть! Но он, мне кажется, не из таких. Крепкий орешек! Знает, чего хочет от этой жизни. А это самое главное! Иметь ориентир. То есть четко знать куда идти, зачем и для чего. Не имея смысла — человек теряет себя. Плывет, как корабль от одной гавани к другой, без определенного маршрута и направления. И в конце концов его компас начинает подводить и он заплывает в такие далекие моря, с которых еще ни один корабль не возвращался. Эти моря называют бермудским треугольником. Оттуда возврата нет.

Я села на высокий стул у барной стойки и стала смотреть на посетителей. Народу здесь было море. Не знала, что стольким людям не сидится вечерами дома. Это я, Евдоша-святоша, святая невинность, все вечера проводила в компании наших бумажных друзей — книг, — старательно изучая их содержимое от корочки до корки. Всегда удивлялась, почему в моих одноклассников учебники в конце года были, как новенькие, только мои книжки были потрепанные и слегка помятые, как снаружи, так и внутри. Как моим товарищам по учебе удавалось сберечь книги в такой идеальной форме? Все время я терзала себя этим вопросом. И вот только сейчас нашла ответ на него. Пока я проводила время с учебниками, мои

одногоруппники проводили вечера в компании не книг, а в компании других товарищей. И правильно делали. Что мне с того, что я была отличницей в своей группе? Разве я стала полковником, как мечтала? Или хотя бы простым гаишником? Как это не звучит банально и смешно, но я стала моделью, о чем так мечтала моя мамочка. Теперь я кручу бедрами по подиуму на здоровенных шпильках-дрильках. Разве для этого нужно образование? Надо было мне столько вечеров тратить на ненужные сведения о том, как работает российская милиция, если мне это не пригодилось в реальной жизни?! Парадокс!

— Почему такая симпатичная девушка скучает в одиночестве? — донеслось справа от меня.

Я повернула голову в сторону, откуда доносился чей-то голос. Передо мной сидел Женя Карасев, первый красавчик в академии. По нему сохли все девчонки, если не открыто, то тайно вздыхали о нем в сторонке, даже не замечаемые им. Я была не исключением. Только я относилась ко второй группе его поклонниц. Я была страстно в него влюблена, но он об этом, конечно, не знал. Женя был на два года старше и учился уже на последнем курсе, когда я, третьекурсница, в него по уши втрескалась. Он меня, конечно, не замечал. У него девушки менялись столь быстро, что я даже не успевала запоминать их имена, чтобы тайно им завидовать. Через год он окончил учебу, и я его больше не видела.

— Как тебя зовут прекрасная незнакомка? — продолжал меня спрашивать Женя.

— Ева, — назвала я свое вымышленное имя.

— Какое совпадение! — воскликнул радостно он. — А меня зовут Адам.

Как он искусно врал! Меня поразило его умению лгать. Хотя чему я удивляюсь? У него же огромный опыт в обольщении девушек. Именно этому он учился в академии. Нужно отметить, он был мастером своего дела. Ни одна девушка, как я слышала со сплетен, ему еще не отказала.

— Точно, — поддержала я его ложь. — Поразительно!

— Можно, тебя чем-то угостить? — предложил Женя.

Я согласилась. Он заказал два горячительных напитка на свой вкус, поскольку я в этом ничего не смыслила. Пока готовились наши напитки, Адам, то есть Женя, успел мне наговорить кучу приятных вещей. Мне еще никто такого не говорил. Он похвалил почти все части моего божественного тела, от чего я покраснелась, как какая-то малолетка. Неужели действительно самой Женя Карасев взглянул в мою сторону? Прямо не верится! Это какое-то наваждение.

— Жека, вот напитки, что ты заказывал, — поставил бармен перед нами два стакана с какой-то голубой субстанцией.

— Ты же представился мне, как Адам, — выпалила я.

— Адам — мое сценическое имя, — пояснил он, — а Женя — настоящее.

— Так вы уже познакомились? — обратился ко мне бармен.

Увидев, что я не поняла, о чем он толкует, парень добавил:

— Это и есть лучший друг Коли, бывший, к сожалению.

— Так ты стриптизер? — изумленно спросила я у Жени.

— Это ты училась вместе с Колей? — тоже удивился мой “воздыхатель”.

— Да, и мое имя на самом деле Евдокия. Но все зовут меня Дошей.

— Давай потом поговорим, Дошенька. Или ты хочешь, чтобы я тебя звал Евой? У меня сейчас выступление, мне надо переодеться. Ты никуда не уходи.

— Конечно. Ведь я сюда пришла специально, чтобы поговорить с тобой о Коле. Я с

этого места никуда не сдвинусь, пока у тебя кое-что не выясню.

— Замечательно, — обрадовался Женя. — Непременно посмотри мое выступление. Не пожалеешь.

— Хорошо.

Женя ушел. И я стала ждать, признаюсь с большим нетерпением, на его появление на сцене. Господи! Он ведь стриптизер и сейчас начнет не только своей симпатичной попкой крутить, но и раздеваться. Мамочка родная! Я увижу Женю Карасева полуголым? Вот это да! Никогда бы не подумала, что такое со мной произойдет. Я даже о таком счастье и мечтать не могла. Хотя вру. Я всегда тайно по ночам раздевала Женечку в мыслях. Но увидеть его полураздетым — это предел моих мечтаний! Спасибо тебе, Господи, за такое огромное счастье!

И вот началось. В зале зазвучала эротичная музыка, и на сцене появился Адам, то есть мой Женечка. Как он грациозно танцевал! Женщины визжали так, что у меня уши позакладало от ихнего визга. Они прямо все с катушек сорвались. Так себя вели, что я покраснела до корней волос. Вот, оказывается, какая взрослая жизнь! И я была до сих пор лишена всего этого, пока жила под крышей родителей, точнее сказать под крылышком властной, хотя и заботливой, матери.

Ну, разве я не дура! В такую минуту думать о любимой мамули, в то время, как остальные дамы в зале пускали слюнки и распускали свои руки, прикасаясь к телу стриптизера. Я бы, наверное, не сумела сделать то, что они делали. Сунуть купюру мужчине в ... У меня даже язык не поворачивается это сказать, не то, что сделать.

Когда Адам скрылся за занавесами, я пребывала в полнейшем восторге. Столько вечеров потрачено на дурацкий гранит науки! Твердила я себе. И что самое странное: я считала, что живу полноценной жизнью и меня тогда устраивало такое положение вещей. Но сейчас я поняла, как я тогда заблуждалась. И еще считала тех студентов, что вечно волочили где-то ночами дураками. Это я дурой была! Недаром они всегда говорили, что студенческие годы даны на то, чтобы веселиться. Но я их в то время не понимала. А сейчас о чем я мечтаю. Ведь я уже не студентка. Но если постараться, то можно все еще успеть попробовать.

— Ну, как понравилось представление? — подсел ко мне неожиданно Женя, пока я пребывала под влиянием его выступления.

— Не то слово! — заявила я, улыбаясь, словно, мартовская кошка. — Это было... — Как на зло, ничего нормального придумать не могла.

— Понимаю, Колька зажигал лучше. Но я не обижаюсь. Знаю, что с ним мне не сравниться, да и никому другому также. Он был звездой! Жаль парня прям до слов. Как вспоминаю, что его уже нету, так такая горечь к горлу подкатывается, что ...

Женя, вспомнив о друге, весь переменялся. Вся его наигранная радость и довольство жизнью исчезли так быстро, как будто и не было их никогда. Мне стало его так жалко, что захотелось вместе с ним заплакать. Да и причина на то была. Коля был мне тоже очень дорог.

Я прислонилась к нему ближе и обняла. Он меня тоже обвил руками.

— Он мне лучше брата родного был. Мы с ним всегда вместе тусовались. У нас были одинаковые взгляды на жизнь, поэтому мы понимали друг друга так хорошо и никогда не ссорились.

Ощувив, что ему стало лучше, поскольку его рука медленно стала спускаться к моей задней части тела, я вывернулась из его объятий.

— У тебя есть такая подруга, на которую ты можешь положиться в любую минуту, и которой ты можешь рассказать все, что так наболело?

— Да. Ее Мусей зовут.

— Тогда ты меня поймешь.

26

Женя начал рассказывать. Он познакомился с Колей не так давно. Это произошло в начале декабря. Женя праздновал со знакомыми чей-то день рождения в одном ночном клубе. Где-то ближе к утру незнакомый им парень стал приставать к девушке Игоря, того именинника, чье день рождения, они тогда праздновали. Тот, конечно, в долгу не остался и ударил парня несколько раз в лицо. Удары, однако, оказались сильными, и в парня потекла кровь с носа.

— Игорь, остынь, — вмешался Женя в драку. — С него и того хватит.

— Да я ему все зубы повыбиваю, — грозил разъяренный кавалер.

— Ну, давай! — сам просил незнакомец. — Выбей мне все мозги. Размажь их по стенке. Я хочу это увидеть.

— Эй, парень, остынь! — пытался Женя утихомирить дурака. — Ты же не знаешь, с кем связался. Игорь — боксер. Он от тебя и мокрого места не оставит.

— Ой, ой! — кривлялся парень. — Напугал! Прямо весь дрожу!

— Да он сам нарывается! — попытался Игорь снова дотянуться до глупца, но Женя стоял между ними и мешал им делать глупости.

Неожиданно для всех парень рухнул на пол. Они попытались привести парня в чувства, но тот по-прежнему был без сознания. Друзья хотели уже вызвать “скорую”, но Женя предложил сам отвезти парня в больницу.

— Пока “мигалка” приедет, парень еще того ... Так будет быстрее и надежнее.

Игорь помог Жене дотащить пострадавшего к его машине и втащить того внутрь. Карасев не успел отъехать больше десяти метров, как пострадавший очнулся.

— Где я? — задал разумный вопрос парень. — Куда ты меня везешь?

— Загород, — ответил Женя.

— Зачем?

— Закопать, — решил Карасев немного напугать паренка.

— Что?

— Ты не правильно ставишь вопрос. Не что, а кого.

— Ну и кого? — никак не мог врубиться парень.

— Тебя, — улыбнулся Женя.

— Ты че, охренел! — наконец-то понял бедняга. — Рано мне еще в землю.

— Никогда не бывает рано познакомиться лично с Богом, — продолжал Женя прикалываться над парнем, видя, как тот не на шутку перепугался.

— Не хочу я знакомиться с Богом, — отпирался паренек.

— Мало, что ты хочешь, а что нет. Я вот, например, тоже много чего хочу. Хочу сейчас домой, в теплую постель, к тепленькой телочке, а не возиться тут с тобой. У меня все пальцы на ногах отмерзли. Блин, на дворе такая стужа, что хороший хозяин собаку не выгонит на такой мороз.

— Так зачем тебе мерзнуть и ехать в такую даль? — попытался парень спасти свою шкуру. — Отпусти меня, а своему босу скажи, что меня закопал в надежном месте, что я точно не вылезу оттуда.

— А ты и не вылезешь оттуда уже. Я об этом позабочусь.

— Не надо, — начал от ужаса скулить парень.

— Что не надо?

— Закапывать меня не надо, — трусился бедняга.

— А как иначе? Ты ведь себя сам закопать не сумеешь.

— Пожалуйста, отпусти меня.

— Не-а. Нечего было к телке Боксера лезть. Вот держал бы свои руки при себе, так бы сейчас дома, около маменькиной юбки. А так! — махнул рукой Женя для большей убедительности. — Жалко тебя, парниша, но сам виноват. Такова твоя судьба!

— Выпусти меня! — начал бедолага тормошить все ручки на дверце. — Я жить хочу! Я слишком молодой, чтобы умирать!

Обезумевший от страха и ужаса, парень стал бить кулаком в окно. Женя безумно дорожил своей машиной, купленной на свои заработанные деньги, поэтому решил положить конец дурацкой, затянувшейся шутке.

— Парень, как тебя зовут? — спросил он.

— Зачем это тебе? Чтобы написать на моем надгробие?

— Нет, не для этого. Эту работенку я оставлю для твоих правнуков. Хочу тебе, парень, пожать руку в знак моего уважения. Ты держался молодцом! Ты первый, кто не упал в обморок от ужаса.

— Че то я не въезжаю! Ты о чем?

— Это была шутка, парень, розыгрыш. Так как тебя зовут?

— Коля, — еле вымолвил он от изумления.

27

— Вот так мы познакомились и стали лучшими друзьями, — поднес Женя стакан ко рту и сделал несколько глотков.

— Вот так история! — изумилась я. — Хоть кино снимай. Зачем ты так над бедным парнем некрасиво пошутил?

— Для того, чтобы он больше не лез в дурацкие драки. Мало на кого он может напориться. Бывают такие чудики, что мало не покажется!

— Да, ты прав. Это ему был хороший урок.

— Знаешь, почему он тогда полез в драку?

— Нет, конечно.

— Его тогда бросила его девушка. Мария, кажется.

— Да, Мария Катошкина. Она моя лучшая подруга.

— Хороша у тебя подруга! — злобно стукнул Женя стаканом о стойку. — Бросила бедного влюбленного парня и укатила к другому. Все вы такие! Поматросите и бросите! А бедные парни мучаются потом из-за вас. Ты, наверное, такая же, как и твоя подружка.

— Постой-ка, — возмутилась я. — Это ты, Жигало, ловелас хренов, будешь меня обвинять, черт знает в чем! Не ты ли поматросил и бросил сотни девушек в нашей академии?

— Это не имеет отношения к делу.

— Еще как имеет! Кого-то обвиняешь во всех смертных грехах, а сам-то не лучший! — набросилась я так на Карасева с обвинениями, что тот даже смутился.

— Меня тоже когда-то бросила одна девчонка, которую я так любил, что готов был ради нее звезду с неба достать. А она вышла замуж за старика, правда, богатого. Вот с того времени я никого больше не пускаю в свое сердце.

— И меняешь девчонок, как перчатки, — добавила я.

— Да, — грустно согласился Женя. — Знаешь, как Коля мучился из-за твоей подружки. Прямо, парень жить не хотел! Вот именно из-за этого лез во всякие драки, сам людей провоцировал его бить. Думал, что кто-то ему хорошенько врежет кулаком по голове, и он отбросит копыта.

— Тогда почему он так испугался за свою жизнь, когда ты его вез закапывать?

— Когда понимаешь, что тебе все, какую крышка, амба, тогда начинаешь ценить жизнь и трястись за нее, как умеешь.

Я оглянулась по сторонам. На сцене энергично двигал бедрами другой стриптизер и вокруг стоял женский визг.

— Голова уже болит от этого шума, — сказала я.

— Тогда поехали ко мне домой, — предложил Женя.

— Бабник! Поматросишь и бросишь. А я ведь в тебя была влюблена по уши еще в академии. Только ты в мою сторону и не смотрел. Тебе ведь нравились красавицы, а я к их числу не принадлежала.

— Ты? — схватился за голову Карасев. — Почему же ты мне тогда не призналась?

— Чтобы ты надо мной посмеялся и обозвал уродиной?

— Но ты совсем не уродина, ты одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо встречал.

— Ладно, давай закроем эту глупую тему. Мне надо с тобой поговорить о Коле, только не у тебя дома, но там, где тихо.

— Давай тогда на лавке в каком-нибудь скверике.

Мне его предложение понравилось, и мы пошли к его машине. У него был черный “Шевроле”. Карасев знал одно живописное место. Туда он и направил машину.

Уже была половина двенадцатого, когда мы вышли из авто. Место действительно было красивое. Много деревьев и лавочек, где сидели и ворковали влюбленные парочки. Мы сели на одну из них, и Женя продолжил свой рассказ.

Когда Муся бросила Колю, ему было нелегко, сначала даже хотел выпрыгнуть с балкона своего дома. Он плохо ел, стал пить, много пить, за своей внешностью совсем перестал следить: не мылся, не брился, от чего зарос и от него плохо пахло. Я ему говорил, что ни одна баба не достойна того, чтобы за ней так побиваться и отказываться от радостей жизни. Однако Коля переживал разрыв с любимой и ее измену слишком уж болезненно. Как я его не утешал, Коля продолжал страдать и сохнуть от любви к неблагодарной девице. И тут я сдался, все мои усилия ни к чему не привели.

— Жизнь — фуфло! — сказал Коля однажды, явившись ко мне, домой в три часа ночи, с бутылкой водки в руке. — Вокруг одни предатели и врунишки! Муся мне изменила, но так не было больно ... Так как они меня предали ... Врала мне всю жизнь ...

— Ты о чем, брат? — усадив его на диван, он попытался отобрать у него бутылку, но зря, Коля держал ее крепко.

— Кто бы мог подумать, что мой папа..., - он хлебнул немного с горлышка, — на которого я всегда ровнялся ... на самом деле мне не отец.

— Твой папашка тебе не отец значит, я правильно понял?

— Да, — занял Коля.

— И откуда тебе это стало известно?

— От верблюда ... Плюнул мне в глаза, и я прозрел.

Коля свалился на бок и захрапел. Только утром Женя вытянул из друга правду.

— Так Владимир Ильич не был Коле папой? — изумилась я от услышанного. — Не может быть!

— Почему?

— Он так любил Колю.

— А как же иначе! Он все-таки его воспитал и от чистого сердца считал Колю своим сыном.

— Но мне кажется, что ни один мужчина не способен простить жену за измену и тем более принять плод измены у себя в доме.

— А Лариса Ивановна и не изменяла мужу. Владимир Ильич сам попросил жену об этом.

— Как это? — совсем заплуталась я. — Так не бывает! Какой мужчина попросит свою женщину изменить ему, да еще родить от любовника ребенка?!

— И такое тоже случается. Мир далеко не идеален, Дошенька!

28

Много лет назад старший Булдыгин с друзьями праздновали окончание учебного года и в тот злополучный вечер они ввязались в драку. Хотя силы, казались, были не равными, но Володя с приятелями хорошенько надавали задирам и те убежали прочь. Никто с первого взгляда сильно не пострадал, друзья разошлись по домам только под утро, успевши еще отметить праздник.

Проснувшись где-то к обеду, Владимир почувствовал резкий боль в паху. Причиной тому точно была ночная драка, но из-за спиртного, которого он выпил уж слишком много, он ничего не почувствовал тогда. Держась за больное место, Владимир еле вышел из своей комнаты. Было воскресенье и его родители были дома, на кухне чай пили со свежей выпечкой. Увидев сына в таком состоянии, мамаша чуть сознание не потеряла, заходясь в рыданиях над своим сынулей. Отец Владимира был хорошим хирургом, и он понял, в чем дело сразу. Он немедленно потащил сына в машину и увез в больницу. По дороге Владимир рассказал родителям, что вчера произошло. Булдыгин отвел сына к своему хорошему другу, который работал урологом и очень преуспел в этом деле. Он слыл в медицинском кругу специалистом высокого ранга, к нему записывались на прием со всей страны, и около его кабинета всегда толкалось уйма народа.

Им повезло, что доктор работал в то воскресенье, он обычно проводил этот выходной в кругу семьи. Булдыгин без стука и, не замечая недовольство ожидающих приема к урологу людей, ворвался в кабинет, таща с собой сына. На парня было страшно смотреть. Он весь серый в лице, держался за больное место, постанывая от ужасной, резкой боли. Специалисту хватило одного взгляда на парня, чтобы понять, в чем было дело. Он сразу принял друга и его сына. Обследовав последнего хорошенько, он сделал заключение и Владимира немедленно госпитализировали. Операцию назначили на понедельник. Несмотря на опытность врача, и его умения, спасти одно яичко парня так и не удалось, пришлось его отрезать.

Пока его друзья успешно сдавали вступительные экзамены в разные учреждения, Владимир то лежал в больнице, то поправлялся от операции дома. Не просто ему было свыкнуться с мыслью, что ему никогда не стать отцом. Да еще его мамаша все время причитала из-за этого. Она так хотела стать бабушкой и нянчить внуков, но злой рок перечеркнул все ее планы. Один только Илья Петрович трезво смотрел на случившуюся

ситуацию и не делал из этого трагедию.” Жизнь — жестоко с тобой обошлась, — говорил он сыну. — Тебе не быть отцом, по крайней мере, биологическим никогда. Но это не трагедия. Ты всегда можешь стать папой для другого ребенка и любить его как своего собственного. При том у тебя есть теперь преимущество над другими парнями”.

— Интересно, какое, папа? — спросил Владимир.

— Ты можешь, сколько твоей душе угодно таскаться с девчонками, не боясь, что какая-нибудь из них может от тебя залететь и потянуть тебя к алтарю.

Владимир решил, что его отец был прав и начал новую жизнь, полную развлечений и удовольствий.

— Если быть до конца честным, — отвлекся от повествования Женя, — то я бы не смог так спокойно жить, как делал это отец Коли.

— Почему? — поинтересовалась я. — Ведь если быть до конца логичным, то отец Владимира Ильича был разумным человеком. Он отвлек сына от депрессивных мыслей и подарил тому новую жизнь, полную радости и любовных утех.

— Да, конечно, в этом есть своя привилегия: гулять направо и налево, не боясь, что какая-то девчонка от тебя залетит...

— Но ведь сейчас есть презервативы, — перебила я Женю.

— Презервативы еще не полная гарантия, что ты не попадешься в сети какой-то коварной и расчетливой девицы, которая спит и видит себя замужем за богатеньким Буратино. И для этого она сделает все, что в ее силах.

— Например?

— А ты как будто не знаешь о таком?

— Нет. Я не из их числа.

Женя на меня посмотрел с недоверием, но продолжил рассказывать.

— Ну, например, воспользуется случаем, когда парень пьян в стельку и не соображает вообще ничего. Она затащит парня в постель, но не позволит тому надеть презерватив любыми словами. Тот согласится, конечно, и через несколько дней девушка сообщит глупцу счастливую новость о том, что он станет папой.

— Но неужели девушка не боится, что ребенок, зачатый при таких неблагоприятных обстоятельствах — может родиться с каким-нибудь дефектом или увечьем?

— Ей наплевать на это, лишь бы выбраться из бедности и выбиться в люди.

Мы ненадолго замолчали, разглядывая лавочки с влюбленными парочками на них.

— А почему ты бы не смог так просто смириться с такой жизнью, как у отца Коли? — почесала я затылок.

— Я просто очень хочу иметь собственного ребенка. Хочу быть гордым от того, что я держу на руках свою кровиночку, плоть от плоти. Понимаешь? — заглянул Женя мне прямо в глаза, прямо в душу.

Меня стеснил его странный взгляд, которым он точно хотел мне о чем-то сказать, но только о чем именно я так и не поняла.

29

Владимир Булдыгин успешно окончил военную академию, пошел в армию. Благодаря связям отца, его отправили на флот в Крым. Там он после окончания службы и остался работать. Его карьера сложилась успешно, и вскоре один знакомый друг перетащил Булдыгина в МВД. Все это время он не забывал свою пагубную слабость к красивым женщинам и его работа ему в этом способствовала. Всегда найдется женщина, которая,

чтобы вытащить мужа из обезьянника готова на все, даже на такую маленькую услугу для сотрудника МВД. Так и жил Булдыгин до встречи с Ларисой Мельник. В то время он уже занимал должность лейтенанта, имел собственную двухкомнатную квартиру и машину. Ларису он покорила с первого взгляда. Она и не противилась ухаживаниям молодого, привлекательного и солидного мужчины. Учительнице младших классов нравилась перспектива стать женой лейтенанта МВД. Владимир Булдыгин был хорошей партией во всех отношениях, при том она была в него и влюблена. Свадьбу сыграли быстро и шикарно. Потом молодые укатили на Канары на целый месяц. Ларисе, дочери учителей, живших только на одну советскую зарплату, понравилась такая шикарная жизнь. В школе она щеголяла в наилучших сапожках, норковых шубках и никогда ни в чем себе не отказывала, заходя в столовую. Брала все, что ее душе было угодно, невзирая на цены. А когда она приглашала подруг по работе к себе на день рождения, те не могли налюбоваться ее шикарной квартирой, обставленной мебелью иностранного производства, бытовой техникой из Японии и разными лакомствами, от которых всегда трещал праздничный стол. Все ее так званые подруги, все как одна, страшно завидовали своей преуспевшей в жизни коллеге по работе. Им с их копеечной зарплатой учительницы жилось не сладко. При том у каждой имелся муж-пьяница, от которого тошнило при первом на него взгляде. Частенько они являлись в школу с синяками на лице. Поэтому больше всего их злило то, что у Ларисочки муж не только спиртного в рот не брал, но еще при том был умный, богатый и красивый.

Ларису все это устраивало, но через три года совместной жизни с мужем она заволновалась от того, что она никак не могла забеременеть. Поэтому она тайно от мужа идет к врачу. Ее опасения, к счастью, не оправдались. Анализы и обследование показали, что она была абсолютно здорова и могла родить ребенка. А она ведь уже себе напридумывала, что она бесплодна и что ее муж, узнав об этом, бросит в тот же день. И тогда она снова станет простой учительницей младших классов, а не уважаемой женой сотрудника МВД. И тогда ей снова придется жить на одну учительскую зарплату. А она ведь уже так привыкла к черной и красной икре, и ко всем другим заморским деликатесам, которые не выходили из их холодильника.

Врач посоветовал Ларисе поговорить с мужем и уговорить того пройти такое же обследование. Женщина так и сделала. И вот тогда Владимир ей и признался, что у него не может быть детей, и рассказал жене душещипательную историю о том, как это случилось.

— Что же нам делать, Вова? — спросила Лариса, рыдая на плече у мужа. — Я не мыслю своей жизни без ребенка.

— Я тоже, Ларочка, — признался Владимир и предложил ей одну вещь, такую аморальную, от которой у нее волосы дыбом встали.

— Нет! — закричала женщина. — Ты с ума сошел. Я на такое никогда не соглашусь. Мне даже страшно от того, что именно ты это предложил. Как ты можешь меня подложить под своего друга, как какую-то проститутку?

— В жизни часто приходится делать то, что нам не нравится, — спокойным голосом ответил Владимир. — Если ты это не сделаешь, то я найду другую жену. И поверь мне, она на такое с радостью согласится.

Лариса долго думала над предложением мужа.

— Она согласилась на такое чудовищное предложение? — спросила я Женю.

— А ты бы согласилась на такое, очутись ты в таком же положении?

— Нет.

— Вот видишь! И она не согласилась. Лариса Викторовна так и заявила мужу.

— Подожди секундочку, — остановила я Женю. — Но почему Булдыгины не пошли в центр штучного оплодотворения? Это бы решило их проблему.

— Думаешь, они об этом не говорили?

— Ну, тогда почему они этим не воспользовались?

— Понимаешь, Доша, в советские времена таких центров почти не было. А те, что были, запрашивали такую цену за один сеанс оплодотворения, что у Булдыгиных сразу пропало желание обращаться за их помощью. И еще Владимир из надежного источника узнал об одном случае такого оплодотворения, который и решил все.

Одна супружеская пара обратилась в такой центр с такой же целью. Одним словом, муж заплатил бешеные деньги и его жену оплодотворили. Врач говорил, что донор спермы очень образованный человек, тридцати лет, ничем не болевший и абсолютно здоровый мужчина. Женщина забеременела, и через девять месяцев родился мальчик.

— И что? Почему ты замолчал? Чему ты смеешься? — удивилась я.

— Просто представил себе выражение мужа, когда он увидел малыша.

— Что младенец оказался больным?

— Нет, мальчик был здоров, как африканский баобаб.

— При чем тут дерево, да еще африканское?

— При том, Дошенька, что у русских белых людей родился черный ребенок.

— Что? — мои глаза полезли на лоб. Я даже удивилась. Не знала до сих пор, что мои глаза на такое способны. Всегда думала, что это просто такое выражение, но на самом деле оказалось правдой. Человеческие глаза все-таки способны вылезать на лоб, если их к такому довести.

— А представляешь, каково было тем людям! Над ними все смеялись. И, конечно, все думали, что жена изменила мужу с африканцем.

— Кошмар!

— Это был веский аргумент против штучного оплодотворения.

30

Женя заметил, что я замерзла и как джентльмен, укрыл мои плечи своим пиджаком. Я обрадовалась тому, что он даже не попытался меня согреть известным нам всем способом. То есть прижать к себе поближе, оправдываясь при этом своими благородными намерениями не дать девушке замерзнуть насмерть.

Лариса Ивановна решила уйти от мужа. Он как раз уехал в командировку. А она осталась дома одна. Мама Коли решила упаковать свои вещи в чемоданы. Тут в квартире раздался звонок. Это оказался друг ее мужа. Владимир попросил за ней приглянуть, пока он в отъезде. И тут она поняла, о каком друге говорил ее супруг. Лёня всегда был очень вежлив с ней и Владимир говорил, что он к ней не равнодушен, просто виду не показывал никогда.

Лариса накормила мужика вкусным и горячим ужином, а после они стали мило беседовать. Слово за слово и Лёня признался ей в любви.

— Ну и как обычно бывает в таких случаях, Лариса Ивановна растаяла от таких нежных слов и у них тогда случилась связь, от которой родился Коля.

— Бедный Коля, он ведь так гордился своим отцом, а тут узнать такое.

— А знаешь, как Леонид Александрович удивился, когда к нему пришел Коля и все выложил, как оно есть?

— Наш ректор Потапенко? А при чем здесь он?

— А при том Доша, что наш ректор и есть биологическим папой Коли.

От удивления я умолкла не меньше, чем на пять минут.

— Вот почему Колю не исключили из академии за прогулы и плохие отметки! — дошло до меня.

— Да, Коля пригрозил ректору, что всем правду расскажет и в первую очередь его жене. А Ректорша — та еще штучка! Она этого Льоню из простого ботаника ректором сделала. Он только и женился на ней, что из-за ее денег и связей ее мамыши, местной депутатки.

Карасев завел мотор, и машина двинулась по ночным улицам Москвы. Пока мы ехали к дому Катошкиных, Женя поведал мне о подозрениях Коли, которые касались гибели его отца. Младший Булдыгин подозревал, что Владимир Ильич был убит не преступником. Кто-то избавился от него преднамеренно.

— Почему он так считал?

— А после смерти мужа Лариса Ивановна стала так трястись над Колей, что он вынужден был являться дома четко в условленное время.

Я вдруг вспомнила инцидент, случившийся, когда мы с Колей ходили покупать подарок и цветы Ларисе Ивановне, и все рассказала об этом Жене.

— Мы тогда, конечно, задержались. Коля вовремя не пришел домой, как от него требовалось. Почему она решила, что с ним что-то плохое случилось? Почему она так тряслась за Колю? Что могло угрожать жизни ее сына?

— Или кто?

Мы подъехали к знакомому подъезду.

— Сейчас снова переть пешком на самый верх, — вздохнула я тяжело.

— Сколько этажей?

— Двенадцать. Хотя бы Муся еще не спала, — с надеждой зевнула я. — Спать то, как хочется!

— Ты уверена, что твоя Муся еще не дрыхнет и откроет тебе двери? Я обычно в три часа ночи уже вижу второй сон.

— Я тоже, — вылезая из авто.

— Я тебя подожду здесь, — предложил Женя. — А ты мне звякни на мобильный, как там у тебя дела. Десять минут хватит тебе, чтобы выбраться наверх на таких шпильках?

— Вполне. Ладно, прощаться не буду, а то моя интуиция подсказывает мне, что мы еще увидимся сейчас.

Я вошла в подъезд и точно — лифт еще не починили. Так, придется топтать на своих четырёх, то есть: на двух ногах и на двух шпильках-дрильках, привинченных к ним. Где-то между девятым и восьмым этажами у меня обломался левый каблук и мне пришлось снять дурацкие туфли. Идти босиком по такой грязищи было делом не из простых, да еще при том можно было проколоть ногу об осколки бутылок, которые были разбросаны по всем этажам. Однако так я быстрее добралась наверх. Почему я так раньше не сделала? Боялась испачкать свои ножки о какую-нибудь гадость!

Через минут пять я, не достучавшись к Катошкиным, спускалась вниз, держась одной рукой о перила, а другой рукой держа противные шпильки-дрильки. У машины меня ждал Женя, получивший от меня команду заводить мотор.

— Значит все-таки ко мне? — радостно протягивая мне руку.

— Нет.

— Ты что собираешься ночевать вот здесь на лавочке в компании любезнейших

бомжов? — съязвил Женя.

— Нет, друг мой любезный.

— А тогда что?

— Я переночую у своих родителей, конечно, только этой ночью.

— Ладно, садись, довезу.

— Куда рулить-то? — задал вопрос Женя, когда мы сели в автомобиль.

31

— Ни фиги себе! — заявил Женя, притормозив машину у ворот моего дома, то есть дома моих родителей. — Очуметь! Ты живешь в таком огромном дворце?!

— Это не дворец, Женя. Это небольшая загородная вилла, где живут мои родители. Я тоже до недавнего времени здесь жила. Однако мне надоело мое золотое заключение, и я ушла отсюда прочь.

— Ни хрена себе! Ей надоела богатая жизнь!

— Да, надоело, что мне все время говорят, что и как надо делать, как себя вести с теми или иными “цацами” и горе женихами!

— Давай тогда поменяемся местами. Я стану сыном твоим предкам, а ты будешь вместо меня крутить попкой в стриптиз баре.

— Женя, мне сейчас не до твоих шуточек. Ладно, давай прощаться.

— Я тебе завтра брякну, окей?

— Да-да. Спасибо, Женя, за все. Ты настоящий друг.

Я вышла из машины и заметила странный взгляд Карасева. Он, как мне показалось, пытался еще что-то сказать, но я слишком быстро вылезла из авто и он не успел. Женя, конечно, мог меня остановить и сделать то, что хотел, но он, видимо, застеснялся и быстренько завел мотор и уехал, оставив только дымный след от выхлопной трубы его машины.

Как не странно, но ворота “дворца” открылись, хотя я даже и пальцем не успела приблизиться к звонку. Я миновала врата и пошла по дорожке к огромному двухэтажному особняку. Окна первого этажа светились. Вдруг двери открылись, и оттуда выбежала моя мамочка, а за ней — мой папа, Муся, Сергей Петрович и наша домработница Анька.

— Ты где шляешься в такое время суток? — встретила меня ласково моя любимая мамуля.

— Спасибо, я тоже так счастлива тебя видеть, мамочка, — съязвила я.

— Ночь на дворе! — кричала она. — Я из-за твоих дурацких замашек поседею раньше времени.

— Ничего, покрасишь их в любой другой цвет, — очень удачно я пошутила.

— Она еще издевается над матерью! Да как тебе не стыдно, ты, взбалмошная девчонка!

— Ой, мама, не прикидывайся заботливой мамочкой. Тебе это не идет. Ты, небось, даже не заметила, что я из дому ушла!

— И это ты называешь побег из дома?! — удивилась моя мать. — Несколько часов отсутствия — еще не значит побег из дома! Вот, в дни моей молодости я убегала из дома на два-три дня! Это я называю побег из-под крылышка родительского дома. А твои пять часов отсутствия — это называется: сходить потусить немножко!

— А я всегда думал, в кого ты такая бунталка?! — радостно заявил Сергей Петрович. — Леня, он — ведь, ни соль, ни мясо. Значит, ты все-таки полная копия Милочки, — грустно добавил он, тяжело вздохнув. — Как мне не прискорбно это признавать.

— Вы не заметили, что меня не было дома три дня?! — обиделась страшно я на своих родителей. Хотя, что я от них требую! На самом деле этого и стоило ожидать. — Хотя я и люблю книги, но всему есть предел. Даже я бы не провела за чтением книг столько времени, не выходя из собственной комнаты.

— Как три дня?! — оба мои предка наконец-то пришли в себя от потрясения.

— Тебя не было дома три дня? — продолжил мой папа. — А мы и не заметили?! Господи, какие мы после этого родители?! — стал себя возводить угрызениями совести он.

— Представьте себе — да.

— А ты, Аня, почему нам не сообщила, что Доши нету в ее комнате? — набросилась моя мамуля на бедную тетю Аню вместо того, чтобы себя винить в холодности к собственной и единственной дочери.

— Ну, так может потому, что и меня самой не было эти дни здесь, — спокойно ответила Аня. — Разве, вы не заметили и моего отсутствия? Я ведь вас предупредила, что собираюсь навестить свою сестру еще месяц до этого.

— Ладно, оставим эту тему пока, — серьезно заявила моя мама. — Ведь ночь на дворе. Но завтра тебя, Евдокия Леонидовна, ожидает допрос с пристрастием! Так что готовься к этому.

— Боже мой, выходит, если бы вас не затопило, то мы бы так и не заметили, что Дошеньки нету дома! — ужаснулся мой папа.

— Что?! — воскликнула я, страшно удивившись.

— Да, Лева плавду говолит, — замахал передо мной руками Сергей Петрович. — На Досенька затопило, да так, что там жить невозможно, пока все там не починить. Вот мы с Мусей вынужденно переселились к вам на некоторое время.

— А почему Муся не остановила потоп? — удивилась я, смотря на подругу, которая мне что-то махала руками, пытаясь меня, о чем то предупредить.

— А ее не было дома, когда случился этот кошмар.

— Вот как! Ладно, не было, так не было.

— Затопило всех соседей, начиная нашим двенадцатым этажом, кончая подвалом.

— Вот мы с папочкой и собрали некоторые вещички и двинулись к Острофановым, — добавила Муся. — А тебе оставили записку, где мы, ведь твоя мобила — в не зоны доступа.

— Я Дошенька так и не ласказал, что ты живешь у нас, ведь ты так меня об этом плосила.

— Где ты шаталась всю ночь? — все-таки не выдержала утра моя мамочка и продолжила допрос с пристрастием. — Мы себе тут места не находим! Почему ты не позвонила и не сообщила, где ты и что с тобой все в порядке.

— И чей это пиджак? — спросил мой отец. — И кто тебя привез на машине? Не отнекивайся, охрана нам сообщила по рации.

— А я и не собиралась ничего от вас таить, не все такие, как вы. Меня привез мой друг Женя Карасев. Мы с ним так долго разговаривали, что не заметили, как быстро пролетело время. Он меня отвез к Катошкиным, но там мне никто не открыл. Только даром каблук сломала, шагая все двенадцать этажей пешком! Такие хорошие босоножки были!

— Ты надела каблуки? — шокировано спросила моя мамочка.

— Ты на них прошла двенадцать этажей? — также изумился мой папочка. — Да ты же больше чем три шага не делала, примеряя шпильки!

— И ты, прочитав мою записку, приехала сюда, — весело улыбнулась Муся.

— Нет, я не читала никаких записок, — опровергла я Мусину теорию, — там не было никаких бумажек.

— А как же ты узнала, что мы с папой здесь?

— А я и не знала, что вы здесь. Я просто решила пойти домой переночевать, когда к вам не достучалась. Не идти же к Жене ночевать! Хотя он только об этом и мечтает!

— Что?! — воскликнули вместе мои родители и папа Муси.

— Не ночевать же на улице в компании милейших бомжов, — продолжила я, не обращая внимания на недовольство моих папочек, ведь отца Муси я считала тоже своим папой.

— Ты разве не читала мою записку? — спросила Муся.

— Не было там никакой записки.

— Как не было, когда я сама ее написала и сама положила на самое видное место, на стол.

— Что? — пришла очередь нас всех, кроме Муси удивляться.

— Вы не думайте, я еще не совсем дура, какой вы меня все считаете из-за моих белых волос. Двери я закрыть не забыла. Так что записку никто, кроме Доши не прочитал бы.

Настала устрашающая тишина, которую нарушила я.

— Муся, помнишь, ты мне рассказывала много раз, как потеряла три ключа от квартиры, все в разное время, но это суть дела не меняет.

— Да, и еще я каждый раз тогда сидела под дверью, пока папа не придет с работы, где-то часов в двенадцать.

— Помнишь, поэтому у вас было только два ключа: один у Сергея Петровича, а другой у тебя.

— И что? К чему ты клонишь?

Тот факт, что у меня не было ключа и из-за этого возможности попасть в квартиру, чтобы прочесть ее записку, Муся поняла еще не скоро.

32

Вскочив утром с постели, я быстро умылась, сделала утреннюю зарядку и принялась одеваться. Открыв шкаф, я немного отшатнулась. Меня поразила моя собственная одежда. Уму непостижимо! Как я носила эти лохмотья раньше? Еще несколько дней назад мне такие мысли бы никогда в голову не пришли.

— Да! — глубоко вздохнула я, поражаясь таким переменам. — Что же мне теперь надеть? Вот в чем вопрос! Надевать эти тряпки на себя или не одевать — вот в чем вопрос?

Задала я себе вопрос, который в данный момент стоил целой жизни. Если я нацеплю на себя эту безвкусицу, то меня не узнают на работе и не пустят, поэтому на порог. Что же делать? Где мне сейчас достать нормальную одежду?

— Вспомнила! — обрадовалась я, подбежав вприпрыжку к старому комоду, которому столько лет, что у меня столько цифр в голове не помещается.

Другие нормальные люди хранят в прабабушкиных комодах старые вещи, которые уже не носят, но выбрасывать их жалко из-за того, что с ними связаны многие воспоминания. А я держу в таком комоду, — вы не поверите, — новые вещи от известных кутюрье, которые стоят уйму денег. Некоторые из этих вещичек мне купила мамочка за границей, остальные мне подарила моя бабулечка, жуткая модница и транжирка. Она в свои пятьдесят, — так она говорит, на самом деле ей уже не меньше шестидесяти, — делает вылазки в бутики и магазинчики не меньше два раза в неделю, подметая за собою самые дорогие вещички.

Люди нашего круга уже все знают, что в магазины, где побывала недавно госпожа Острофанова даже не стоит заглядывать. Вы спросите почему? А потому что моя шустрая бабулечка не оставляет после себя ничего стоящего, чтобы можно было приобрести. Вы спросите, зачем пожилой женщине короткие юбки и платьица? Так она их потом раздаривает своим внучкам, которых у нее не меньше десяти, включая меня. И еще у нее много знакомых, которые имеют тоже дочерей или племянниц, или внучек.

Вот никогда бы в жизни не подумала, что мне быгодились эти наряды! Как хорошо, что я их не выкинула на помойку. Сейчас они мнегодились, как никогда кстати. Я надела розовое платье, сильно облегающее мою фигуру, а на ноги нацепила белые босоножки со здоровенными шпильками. Положив в белую сумочку всякие безделушки, я вышла из своей комнаты.

В столовой я застала еще Сергея Петровича, который завтракал в полнейшем одиночестве. Обычно в это время мои родители уже на ногах. Папа рано идет на работу, а мама его провожает и готовит ему завтрак. Вы скажете, зачем ей готовить еду, если в доме имеется прислуга? И на этот сложный вопрос есть простой ответ. Просто моя мамочка обожает моего папочку, и носиться с ним, как с ребенком. Признаюсь, за мной она никогда так не приглядывала и ни разу не приготовила мне не только завтрак, но и обед, и ужин. Это входило в обязанности нашей домработницы Аньки, которая раньше была моей няней, когда я была еще маленькой.

— Доброе утро, Сергей Петрович! — села я за стол.

— Что в нем доблого, Дошенька? — грустно молвил полковник, ковыряясь вилкой в тарелке с вкусной едой. — Дом мой затопило. Живу я у Остлофановых, сплю в их постели, ем их еду.

— Что невкусно? Странно! — удивилась я. Ведь наша Анька так готовит, что ей нигде в мире не найти замены.

Я улыбнулась от воспоминаний.

— Чего ты смеешься?

— Я вспомнила, с каким выражением лица ест папа мамину стряпню, когда она оборачивается, чтобы положить ему в тарелку еще добавки. Бедный папочка!

— А почему он не кушает то, что готовит ваша Аня?

— Чтобы не обидеть маму. Она же так для него старается: встает с петухами, выбирает самые лучшие фрукты и овощи, вымывает их старательно, ну и готовит, конечно.

— Что не вкусно получается?

— Не то слово! Я только удивляюсь, где она такие рецепты берет.

— Вот почему твой папа такой тощий, как скелет! А оказывается, что это его женушка так за ним ухаживает.

— Она просто заботится о его здоровье.

— Лучше быть больным, но вкусно питаться, чем кушать всякую несъедобную гадость и притом быть здоровым.

В столовую вошел мой папочка. Как ни странно, но при таком рационе он выглядел замечательно. Во-первых, моложе на десять лет. Во-вторых, у него фигура была потрясающая. Такой мог бы позавидовать любой парень! А в-третьих, он чувствовал себя бодрым и здоровым. Я даже не помню, когда он в последний раз болел насморком, а о других болезнях я вообще молчу.

— Доброе утро, Сережа! — обратился он к полковнику. — Как спалось на новом месте?

— Какое оно доброе, Лева? — начал он старую песню. — Мой дом затопило. Живу я в твоём доме, сплю в твоей постели, ем твою еду!

— Ну, не в моей постели! Это, во-первых. А во-вторых, кушаешь ты Анькину стряпню. У меня собственный повар имеется, жена называется. И она готовит исключительно для меня. Сейчас, наверное, бегаёт по кухни, готовя свое очередное блюдо.

33

— А у нас что гости? — спросил он полковника, сев за стол, при этом странно поглядывая в мою сторону.

«Неужели ещё обижается на меня?» — решила я.

— Где гости? Эта девушка, гостья? — удивился Катошкин. — Ну, ты, Лева даешь! Что лодную дочь не узнаешь? Все-таки дается в знаки стряпня твоей женушки! У тебя падает зрение.

— Ты что, Сережа! — возмутился мой папа. — Чтобы я не узнал собственную дочь, да еще в собственном доме?! Ну, где-то на улице, в толпе я бы мог ее не заметить, но чтобы не узнать ее, сидя вместе с ней за одним столом — это маловероятно! Эта красавица не может быть моей Дошей.

— Почему ты так в этом уверен?

— Ну, спасибо тебе, папуля! — возмутилась я страшно.

Я, конечно, всегда знала, что мой родной папочка не считает меня красивой. Но то, что он это сказал открыто, да еще в присутствии дяди Сережи, меня это сильно задело.

— Ты еще ни разу не говорил мне до этого, что я красавица.

Хоть тот факт, что в новом ампула он меня считает красивой — меня сильно обрадовал. Можно сказать, привел в прямо-таки восторг!

У моего папы глаза расширились до огромных размеров. Казалось, он сейчас увидел собственными глазами инопланетное существо.

— Доша, ты как успела за ночь так преобразиться? — недоумевал папа. — Разве больницы по пластической хирургии работают теперь в ночную смену?

— Нет, папулечка, — съязвила я, — это надо мной поколдовала моя крестная. А она у меня оказывается — фея. А феи, как ты знаешь, работают круглосуточно!

В эту секунду в столовую вошла моя мама, держа в руках поднос со здоровой и питательной едой.

— Вот твое любимое лакомство, Левочка! — просюсюкала она к мужу. — Вижу, у нас гости, — посмотрела она в мою сторону, оценивая меня с головы до ног. И я заметила в ее глазах восхищение и, можно даже сказать, белую зависть.

— Если ты считаешь родную дочь гостьей, то да, — ответил папа. — Милая, это наша Доша.

С этими словами у мамы грохнулся поднос с вкуснятиной на пол.

— Прости, Левушка, я испортила тебе утро, оставив тебя без твоей любимой лазаньи, — прочиркала она к муженьку.

“Скорее ты сделала его добрым, — подумала я, — избавив папулю от райской пищи”.

— Ничего страшного, любимая. Я могу съесть то, что приготовила Анна нам на завтрак.

— Нет, зайчик, тебе нельзя есть такую пищу, а то еще язва разыграется.

— У меня нет язвы.

— Пока нет. Но если ты будешь есть всякую дрянь, то она у тебя появиться, мой дорогой.

— Думаю, от одного раза мне не сделается плохо.

— Левушка, я тебе приготовлю сейчас что-то другое.

— Милочка, боюсь, что пока ты будешь готовить мне что-то другое, то я опоздаю в офис. И хватит около меня так мельтешиться. Ты лучше посмотри на свою дочь. Как она изменилась! А я вчера и не заметил, да и ты, кстати, тоже.

Мама, наконец-то вспомнив, что кроме ее любимого муженька в мире еще существует и их нерадивая дочка, уставилась на меня своим рентгеновским взглядом, изучая внимательно все те перемены, что произошли со мной за последнее время.

— Думаю, нам можно найти оправдание, — сказала себе спокойненько моя матушка. — Ведь вчера было темно и нам было не до ее внешности из-за переживаний.

— Нет, нам нет оправдания! — не согласился мой папуля с моей мамулей. — Какие мы после этого родители! Дошенька, прости ты нас. Мы действительно не заметили, что ты ушла из дома. И если бы не потоп в доме Катошкиных — мы бы с твоей мамой, наверное, до сих пор считали, что ты пропадаешь так долго за книгами в своей комнате! Мы ужасные родители! А вчера не заметили перемен, которые случились с твоей внешностью. А сегодня вообще не узнали! Кошмар! Я чувствую себя подонком.

— Не волнуйся ты так, папа, из-за этого, — соврала я быстренько, чтобы не обижать папу. — Я уже не обижаюсь.

— А ты, оказывается, красавица, у нас, Дошенька! — воскликнула мама. — Встань. Дай тебя хорошенько рассмотрю. Никогда бы не подумала!

Я повиновалась ее воли, и она меня, чуть ли, не полчаса разглядывала, поражаясь таким изменениям.

— Кто же с тобой такое диво сотворил? Назови его имя.

— Карл Плоткин.

— Скажи мне, где я могу найти такого золотого гения, чтобы хорошенько отблагодарить.

Дальше я рассказывала, как познакомилась с Карлом и, как он сотворил с гадкого утенка красавицу.

— Милочка, мы на самом деле изверги, а не родители. Столько лет не замечать такой красоты в нашей Дошеньке! А какой-то прохожий с первого взгляда увидел то, что мы бы так и не заметили, если бы не он.

— Ладно, мне нужно на работу, — прервала я отца. — И тебе, папуля, кстати, тоже надо на работу.

— Точно, — вспомнил он.

— Ты работаешь?! — вместе спросили мои родители и от удивления у них глаза стали, как теннисные мячики.

Потом мне еще полчаса пришлось рассказывать, где и кем я работаю. Они были шокированные от услышанного рассказа, ведь всегда мечтали, чтобы я стала моделью. И вот их мечта сбылась! Я теперь модель в элитном магазине и мне сейчас нужно идти на работу, но сперва я должна пойти на похороны Ларисы Ивановны. Так как к тому району, где находится родительский дом еще не подвели метро и вряд ли когда-нибудь это сделают, то мне придется, или вызывать такси, или идти пешком. К счастью, мой папочка тоже ехал в город и взял меня и Сергея Петровича с собой. Он меня высадил прямо напротив Митинского кладбища.

Времени у меня еще было предостаточно к началу похоронной процессии. Я подошла к огромным воротам, окружающим скорбное место. Меня охватило странное чувство, когда я вошла через них. Вокруг было много могил с самыми разными плитами и памятниками. Я немного побродила, пока нашла, могилу Коли, — еще совсем свежую. На земляном насыпе лежало два венка, и стояла рамка с фотографией совсем молодого парня, которому еще только жить и жить, а судьба вот распорядилась иначе и вместо того, чтобы радоваться солнышку и птичкам, Колинка сейчас лежит в гробу глубоко под землей. У меня от этой мысли сердце сильно заколотилось и ноги подкосились. Рядом с Колиной могилой была вырыта яма для его матери. Сын и мать будут лежать рядом друг с другом и позднее им сделают общий памятник. Как все это грустно и печально!

— Девушка, с вами все в порядке? — услышала я рядом с собой женский голос.

— Да, — повернула я голову в сторону собеседницы.

— Вы выглядите очень бледной.

Женщина была вся в черном. Она была того же примерно возраста, что и Лариса Ивановна.

— Здесь лежит мой друг Коля, которого убили, — попыталась я объяснить женщине суть дела. — Недавно он еще был жив и радовался жизни, а вот теперь он — там, — указывая рукой на могилу. — А сегодня в десять будут хоронить его мать. Ее тоже убили, я в этом уверена. Хотя и не имею никаких доказательств.

— Я лежала с Ларисой вместе в одной палате, — сообщила мне женщина. — Отравилась грибами, которые собрала в лесу. Всю жизнь собирала, знаю каждый гриб, как все свои пальцы, и вот тут тебе на — сорвала не то, что надо и, вот, попала в больницу.

— Вы пришли на похороны Ларисы Ивановны?

— Да. Может, присядем? — предложила женщина. — Меня зовут Зоя. А тебя как зовут, душенька?

— Лариса Ивановна меня тоже всегда так звала, — у меня потекла одна слезинка по щеке. — У меня странное имя. Евдокия. Но все зовут Дошей.

Мы сели недалеко от могилы Коли, чтобы не пропустить похорон.

— Ты давно знакома с Ларисой и с Колей? — задала вопрос Зоя, вытаскивая с кармана конверт.

— Уже пять лет. Мы с Колей учились в одной группе в академии. Он мне однажды помог с учебой и с того времени мы с ним дружим ... дружили, — я утерла ладошкой слезу. — Я всегда к Коли приходила и мне двери открывала Лариса Ивановна. Она мне ласково улыбалась и звала попробовать ее свежо-испеченных пирожков.

— А ты знала ее мужа?

— Да. Но я видела Владимира Ильича всего несколько раз. Он ведь работал полковником в МВД. Времени у него не хватало даже на семью. Но он очень любил сына и жену. Я так удивилась, когда узнала, что его убили.

— Вот какая поразительная история! Вся семья погибает рано и не своей смертью.

— Так вы мне верите, что Колю и его маму убили? — удивилась я.

— Да. И у меня на то есть не только догадки, как у тебя, но и доказательства.

— Что? Как? Откуда у постороннего человека такие сведения?

— Когда лежишь в больнице и знаешь, что тебя убьют, кому можно довериться?

— Родным.

— А если нет никого?

— Милиции рассказать.

— Милиции нужны неоспоримые улики, а не болтовня обезумевшей от горя женщины.

— Вы имеете в виду Ларису Ивановну?

— Лариса, как и любой другой человек в такой ситуации, доверила свой секрет соседке по палате, то есть мне. И еще она меня просила найти Дошу, подругу ее сына и очень хорошую девушку, чтобы отдать это письмо и рассказать то, что она мне доверила.

— Вы имеете в виду меня?

— Конечно. Кстати, не ожидала тебя найти так быстро. Ну, слушай.

Зоя Леонидовна попала в больницу в результате отравления ядовитыми грибами. На следующий день привезли на каталке женщину. Ей делали промывания желудка. Когда она немного отошла от этой малоприятной процедуры, то она с ней стала болтать, чтобы скоротать время, потому что когда лежишь в больнице и ничего не делаешь, то от скуки хочется выть. Лариса была не многословна, и Зоя говорила за двоих. Она рассказала ей о своих семейных неурядицах, типа муж пьет, сын — лоботряс, работать не хочет, только и делает, что ворует у родителей деньги и проигрывает их в разных игровых барах.

— Куда смотрит государство? — злилась на все правительство Зоя. — Понастроили всякие заведения, чтобы дурить людей и только у них деньги воровать! Нет, чтобы какие-нибудь заведения придумать, где бы наша молодежь могла культурно проводить время, где бы молодые люди могли познакомиться и завести знакомство. А то одни дискотеки! А там, знаешь Ларочка, какой разгул! Честной девушки и не стоит туда даже показываться, вмиг сделают из нее проститутку. У меня аж три дочки. И проблема мне эта знакома. Одна старшая уже замужем, слава Богу, а вот две меньшие никак не могут найти себе мужиков. С работы и домой, и сидят две, как старые девы. Уже соседи смеяться над ними! Позор, какой! Ну, а где им найти нормальных парней? Если не пьют и не курят, то колятся и нюхают всякую дрянь. Разве с такими построишь нормальную семью и родишь здоровых детей?!

И тут Лариса разрыдалась и выложила незнакомой женщине всю правду.

35

Она родилась в семье учителей, поэтому денег у родителей вечно не хватало и ей, как младшей в семье всегда приходилось донашивать вещи старшей сестры. Разница между сестрами была в десять лет, поэтому Лара носила не только поношенную одежду, но притом еще десятилетней давности, какая давным-давно вышла из моды. В то время как ее подруги, сначала в школе, а потом и в педагогическом институте, щеголяли в красивых и модных нарядах, ей приходилось натягивать на себя вещи, которые даже их мамыши не натянули бы на себя. Из-за этого и из-за разницы в возрасте сестры не были дружны и никогда не рассказывали о своих секретах, парнях, мечтах и всякой прочей ерунде. Когда Лариса окончила педагогический факультет на золотую медаль, ее направили работать в Москву, как наилучшую выпускницу. Лариса была счастлива. Наконец-то ее мечта сбылась — она покидает это маленькое городишко и едет в самую Москву! Но прибыв на место, она разочаруется. Во-первых, ей дали маленькую комнатку метров два на два, с общим туалетом и кухней. Чтобы сварить даже яйцо, нужно было занимать очередь, а о туалете даже не стоит вспоминать. По утрам там была такая толкотня, что хоть стреляйся из-за такой жизни. Лариса старалась справлять все свои нужды в школьном санузле. Во-вторых, работа учителя младших классов оказалась в действительности намного сложнее и утомительнее, чем ей показалось на практике. Маленькие дети были такие непоседы, что на каждой перемене кто-то себе что-то разбивал или кому-то преднамеренно в драке разбивали

или нос, или губу ... Одним словом за всеми детьми не уследишь. Но разве это понимали родители, которые из-за маленькой царапины устраивали такие спектакли, что и в театр ходить не надо. И в учительской работе имелось еще много разных неприятных нюансов. Лариса засиживалась в школе часам к пяти: то конспекты надо написать к каждому уроку, то тетрадки надо проверить по каждому предмету, то какой-нибудь стенд надо сделать к годовщине какого-нибудь великого и гениального поэта или писателя, то какие-то совещания, семинары или методические объединения ... Из школы Ларе надо было добираться до своей лачуги сорок минут, поскольку сэкономила каждую копейку. Приходила молодая учительница домой к шести совсем уставшая. А еще надо было сварить себе что-то, предварительно выстояв очередь. Ведь в это время с работы приходили все жильцы и каждый голодный. Поужинав, Лара заваливалась в постель и почти сразу же засыпала. Хотя часто пробуждаясь в середине ночи из-за того, что чей-то муж буянил: колотил посудой и саму жену — тоже. Заснуть при таком шуме было крайне трудно.

В личной жизни у Лары ничего не складывалось. Да и с кем? В школе мужчин-учителей не было, один только престарелый директор, а другой сторож. И где было Ларе познакомиться с нормальным, интеллигентным мужчиной? Да и когда? Ведь времени у нее не было на это даже в выходные. В эти дни Лариса частенько водила школьников то в кукольный театр, то на мультики, то они с другими классами ехали все вместе куда-нибудь на природу или в музей в другой город. Если она не шла с детьми, то ехала навещать родителей.

— Разве в общежитии не было молодых, неженатых парней? — перебила я рассказ Зои.

— Были, конечно. Но разве с такими парнями создашь нормальную семью? Там одни алкоголики-трудыги жили. А Ларисе не хотелось жить, как те женщины-соседки. Ведь их мужья буянили по ночам, и притом все дела сваливали на хрупкие, женские плечи. Варка, стирка, очереди в магазинах, сопливые и вечно ноющие дети. И при всем этом одна супружеская кровать на двоих, которая рыпит при каждом движении, и из-за этого не только дети, но и все соседи знали о том, когда, сколько и даже как исполнялся супружеский долг. При всем этом женщины еще трудились каждый день на работе также как и их никчемные мужья.

Лариса не была наивной дурочкой, которая верит в любовь. Нет. Она была реалисткой и не верила во всякую такую ерунду. И поэтому, когда случайно ей судьба преподнесла на блюде все и сразу, то она вцепилась в это руками и зубами. Это случилось, когда Лариса должна была получить собственную однокомнатную квартиру. Одного вечера сосед Ваня напился до белой горячки и прирезал свою жену Лиду. Тогда вызвали скорую, но уже было поздно что-то сделать, женщину нельзя было спасти. Милиция прибыла сразу за скорой помощью, и увезли Ваню в отделение. Бедных дочек убитой на ночь оставили у одной соседки, утром их забрали в детский приют. На следующий день Ларису вызвали в отделение давать показания, как и многих других жильцов. Случайно в кабинет к полковнику, который занимался этим делом, зашел его друг. В то время в кабинете была Лариса. Молодой лейтенант МВД произвел на девушку огромное впечатление. Стройному красавцу-брюнету тоже понравилась скромная девушка. Того дня они даже словом не перемолвились и Лариса была страшно удивлена, когда на следующий день к ней подошел тот самый брюнет. Он подарил ей цветы и пригласил на свидание. Лариса, конечно, согласилась. Они встречались каждого вечера после работы, пока одного такого вечера Владимир предложил ей стать его женой. Лариса сразу ответила согласием на его предложение. Она не любила Владимира, и

он тоже не пылал к ней страстью, у каждого был свой расчет в отношении друг к другу. Владимиру нужна была скромная и интеллигентная жена. А Лариса видела в этом браке свершение всех своих желаний. Она будет женой лейтенанта МВД, будет хозяйкой двухкомнатной квартиры в центре Москвы, будет разъезжать на “Волге” с мужем красавцем, в то время как ее знакомые с завистью будут смотреть ей вслед.

Сыграли свадьбу быстро, и Лариса перебралась к мужу в его квартиру. Родители мужа оказались хорошими людьми, и Лара даже подружилась со свекровью, которая так радовалась счастью сына и все время говорила:

— Как повезло моему Вове с женой! Красавица, умница, учительница и притом замечательная хозяйка и жена!

Одним словом, жизнь у Ларисы круто изменилась в лучшую сторону. Словно в сказке — жила и горя не знала! В школе щеголяла в наилучших нарядах и ни в чем себе не отказывала: покупала все что хотела, не смотря на ценник перед этим. Но как говорится не все, то золото, что блестит. Так было и с Ларисой. Хотя она купалась в роскоши, но все-таки у нее не было самого главного — ребенка. Уже прошло три года с момента их свадьбы, а Лариса никак не могла забеременеть. Тогда она решила обратиться к врачу. Результаты показали, что она была абсолютно здорова. С этого выплывало, что проблемы были в ее мужа.

— Я хочу ребенка, — сказала она прямо Владимиру. — Я была у доктора ... Я здорова и могу забеременеть и выносить ребенка.

— Я знаю, — ответил спокойно Владимир. — У меня не может быть детей.

Тогда он ей рассказал историю, случившуюся с ним много лет назад.

— Давай усыновим мальчика, — предложила Лариса.

— Нет.

— Но почему, Вовочка? — заплакала Лариса. — За что мне это, Господи? Я же ничего плохого никому не сделала ...

— Хватит хныкать. Лучше послушай, что я тебе скажу.

36

Владимир предложил жене забеременеть от другого, на что она категорично ответила “нет”. Лариса слышала о центрах штучного оплодотворения и сообщила об этом мужу. Но тот и от этого категорично отказался, рассказав одну историю, которая заставила Ларису тоже отказаться от этой мысли.

— Помнишь моего друга Леньку? — спросил Владимир через некоторое время жену. — Он к тебе неравнодушен.

— Ты что! Откуда ты это взял? — покраснела Лариса. — Я ни на кого, кроме тебя не смотрю, — начала оправдываться она.

— Я знаю. Не волнуйся, я тебя не подозреваю в измене. Что ты можешь поделать, если на тебя засматриваются другие мужики? Ты же у меня красавица. Словом, этот Леня в тебя тайно влюблен.

— Почему ты так решил?

— Я же не слепой. Так вот, что я тебе предложу. Если он к тебе подбивает клинки, то нам нужно этим воспользоваться. Ты с ним пару раз закрутишь, а когда забеременеешь, то бросишь с ним видится.

— Ты что с ума сошел? — взбесилась Лариса. — Я ни за что на такое не пойду! Я не собираюсь тебе изменять.

— Тогда я найду себе другую жену, более сговорчивую, — пригрозил Владимир.

— Но разве ты будешь любить этого ребенка? Да и меня тоже после этого?

— Тебе об этом не надо волноваться. Я справлюсь со своими чувствами как-нибудь сам.

Ты лучше себя настрой на то, чтобы у нас в скором времени родился здоровенький малыш. То, что он родиться здоровым, я не сомневаюсь. Ведь Ленька полностью здоровый мужик, ничем не болеет, спортом занимается, не курит, не пьет, героин не употребляет, не колется. От такого родиться мальчик-богатырь!

Так и случилось! Девятого февраля родился у Булдыгиных сын весом четыре килограмма и абсолютно здоровый, притом как две капли похож на мать и немного на папу. Владимир полюбил мальчика с первой минуты, когда его взял на руки. Он с ним нянчился больше, чем Лариса. Даже на месяц взял отпуск, чтобы помогать жене с грудным ребенком. Вставал по ночам, менял распашонки, купал малыша, даже иногда стирал обгаженные пеленки, каждый день находил время, чтобы погулять с мальчиком на улице.

— Идеальный отец! — говорила Зоя. — Любил сына до безумия. Но Ларисы он стал сторониться после этого.

— Почему?

— Лариса говорила, что он ей все-таки не простил связь с его другом, хотя и сам ее к этому принудил. Мужчины — странные существа. Попробуй их пойми. Говорят одно, а делают совсем другое. Вот так и потекла жизнь Ларисы. В семье с виду как будто все нормально. Сын — здоровый, умный, не урод, учиться в высшем учебном заведении. Муж — красавец, богат, занимает хорошую должность в МВД, и все время продвигается по служебной лестнице. С году в год они становятся все более богатыми и обеспеченными: то купят новую импортную машину, то купят дачку вблизи от Москвы с хорошим домом ... Притом они целой семьей каждый год летом ездили отдыхать за границу в наилучшие курорты с морем и песком. Также Лариса щеголяла в наилучшей одежде. У нее ведь с детства был комплекс неполноценности от того, что она донашивала вещи старшей сестры. Она себя чувствовала худшей в классе из-за этого, потом в институте, пока она не стала самостоятельно зарабатывать. Хотя те копейки, что она получала за свою изнурительную работу в школе, хватало только на простенькие наряды. Но для Ларисы это уже было лучше, чем то старье, которое она раньше носила. Теперь же в роли жены сотрудника МВД ее одежде завидовали все училки с ее работы, которые не могли себе такого позволить. Лариса, выйдя замуж за Булдыгина, не прогадала. С того момента ее зауважали все, начиная от подружек, коллег и начальства по работе и заканчивая соседями по дому. Ларису это положение вещей устраивало, ведь она всегда хотела, чтобы люди к ней относились с должным уважением. Ее мечта сбылась. Она была счастлива, всегда сверкала от радости, чем тайно бесила ее так называемых подруг, коллег по работе и соседей по дому. Но на самом деле это была только маска, которую Лариса надевала, когда выходила из своего дома. Она не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что на самом деле творилось в ее душе.

Зоя оглянулась по сторонам, как будто проверяла: не подслушивает ли кто-то их разговор. Убедившись, что поблизости никого не было, она продолжила.

37

— Но разводиться с тобой я не хочу, — сообщил он. — Мне выгодно иметь семью: жену и сына. Ты ведь понимаешь, как относятся к разведенному сотруднику в МВД. Да и тебе это не выгодно, я б сказал, даже больше, чем мне. Если я разведусь с тобой, то мне не светит место полковника до конца жизни. Но я это переживу. А вот ты потеряешь намного больше, Ларочка!

— И что же этакое я потеряю, если не буду твоей женой? — разозлилась Лариса.

— Не строй из себя неопытную девочку, тебе это не идет. Ты будешь жить на одну учительскую зарплату и на те алименты, что я буду платить. Конечно, Коле я буду помогать во всем, он не будет нуждаться ни в чем. Но я сомневаюсь, что ты сможешь купить на свою зарплату новую норковую шубку или кожаные сапожки из Италии. Понимаешь, о чем я толкую?

— Да, — грустно ответила она.

— Так значит, ты будешь гулять со всеми теми девицами, а я должна терпеть молча? Как же мои чувства и мои потребности?

— А я тебе не запрещаю иметь другого мужика, только чтобы никто об этом не узнал. Так что, договорились?

Лариса, конечно, согласилась, ведь ей действительно было, что терять. Да и ей не хотелось, чтобы ее сын рос в неполной семье.

— Дальше Лара рассказала, что из-за какой-то тайны убили сначала ее мужа, а потом и единственного сына, — Зоя покрутила конвертом.

— Что за тайна и чья она?

— Она только успела сказать, что тайна повязана с ее любовником. Дальше ей стало плохо, пена пошла изо рта. Я быстро позвала врача, и ее увезли снова на промывание, но это не помогло и Ларису увезли в реанимацию. Там она и скончалась от передозировки.

— Вам не кажется это странным?

— Что именно?

— Ну, то, что Ларисе Ивановне стало снова плохо. Ведь ей уже делали промывание и успешно. Так почему ей снова стало плохо и пена изо рта пошла?

— Не знаю. Врач просто твердил, что она умерла от передозировки.

— А мне кажется, что ей кто-то снова дал тех же таблеток, только дозу на сей раз побольше. Вы не видели, кто заходил к Ларисе Ивановне?

— Да к ней много заходило людей, то есть медперсонала. Посетителей к ней не пускали.

— Может, вы помните, давал кто-то из них ей таблетки?

— Нет, только делали ей уколы и меряли давление. Хотя одна медсестра ... такая вся красивая из себя. Я еще подумала, что ей место не в больнице, а на подиуме.

— Ну и что та медсестра?

— Она дала Ларисе таблетки. Точно, три штуки.

— А вы не заметили: волновалась ли Лариса Ивановна, когда увидела эту девушку?

— Нет. Она наоборот ей обрадовалась и еще ей сказала: «О, старая знакомая! Вы мне снова принесли лекарство от горя?»

— Где-то я это уже слышала. Лекарство от горя. Но где?

Зоя отдала мне конверт, при том добавив:

— Лара просила отдать это только тебе в руки.

— Что там?

— Не знаю, я же не вскрывала конверт. Видишь, он запечатан.

Я покрутила конверт в руках, там было что-то маленькое, холодное. Но я не успела открыть письмо, потому что я увидела похоронную процессию.

38

Не люблю я похороны. А и кто их любит. Разве что гробовщики! Без мертвецов — их

заработки бы окончились на этом.

Мой взгляд пал на мужчину, которого я раньше не заметила или он подошел попозже, пока я пребывала в раздумье. Он стоял за деревом, будто прятался от кого-то или не хотел, чтобы его заметили. Когда я присмотрелась повнимательнее, я поняла, что вижу ректора академии, где я училась. Но что он здесь делает? Ах, да! Как я могла так скоро забыть? Леонид Александрович Потапенко был тем человеком, от которого забеременела Лариса Ивановна, то есть отцом Коли. Странно, что он пришел на ее похороны. Разве она для него что-то значила? А что если это он был тем любовником, о котором вспоминала Зоя Леонидовна? Тогда он и есть ключ к разгадке! Что это за тайна, окутанная таинственностью и убийствами?

Я решила подойти к Леониду Александровичу после окончания похорон, но увидев, что он уже уходит, направилась в его сторону прямо сейчас. Он вышел за ворота кладбища. Поэтому мне нужно было действовать и то немедленно, иначе он сел бы в свою машину и исчез бы. А попасть к нему на прием в академии очень трудно. Я-то хорошо знала об этом. Не раз приходилось. Но для этого нужно было сначала записаться на прием и только через несколько дней уже войти к нему в кабинет.

— Леонид Александрович! — крикнула я ему вдогонку. — Подождите, пожалуйста.

Он остановился и оглянулся. Я за три секунды была около него.

— Мы знакомы? — спросил вежливо, но как-то недоверчиво ректор.

— Да. Я была студенткой вашей академии. Меня зовут Евдокия Острофанова.

— Дочь Льва Борисовича Острофанова?

— Да, это мой папа.

— И что вам от меня надо? Хотите выпросить лучшую отметку в зачетке? Но не выйдет, пусть даже ваш отец был бы самым Путиным!

— Нет, что вы! Я бы на такое никогда не пошла. При том я закончила академию в июне с золотым дипломом.

— Так что вам от меня тогда надо?

— Я знаю, что вы причастны каким-то образом к убийствам Коли и Ларисы Ивановны.

Потапенко побелел, а потом посерел, широко открыв глаза.

— Еще я знаю, что вы настоящий отец Коли.

— Откуда? — спросил он.

— Мы были с Колей близкими друзьями.

— Давайте поговорим завтра утром у меня в кабинете, — предложил неожиданно ректор.

— Вы уверены, что меня к вам пустит ваша секретарша. Она, словно, Цербер, только не на привязи, а за столом.

— Давайте встретимся в восемь утра. Ее тогда еще не будет. Она на завтра отпросилась к стоматологу. Так что она не рано будет. Не хочу, чтобы нас кто-то подслушал. Понимаете?

Я кивнула головой в знак согласия. Он сел в машину и укатил. Увидев, что люди выходят из ворот, я поняла, что Ларису Ивановну уже похоронили. Мне стало грустно. Больше эта замечательная женщина не увидит голубого неба, теплого солнышка ... У меня сами покатались слезы с глаз. В таком состоянии я подошла к воротам и оперлась о холодный камень плечом.

— Девушка, не плач, — услышала я женский голос. — Человека невозможно вернуть с того света. Ты откуда знала Ларису?

— Я часто бывала у нее дома, — тихо ответила я. — Мы с Колей были друзьями. Бедный Коля! — зарыдала я еще сильнее, вспомнив, что и он тоже там лежит, гроб в гроб с матерью.

— Не реви, девка, — вмешалась в разговор та толстая бабище, похожая на Ларису Ивановну, но только внешне, потому что мама Коли обращалась ко мне ласково, называя душенькой. — Все там будем! Кто раньше, кто позже.

Мне эта тетка сразу не понравилась. Страшно вульгарная, никого кроме себя не уважает и не любит, ничего кроме денег не ценит.

— Ты что бегала за Колькой? Пыталась в загс его затащить? — грубо и без капли уважения спросила тетка. — Да пшик у тебя получился! Колька тебя с ни чем оставил.

— Мама, а может она того? — дернула за теткин рукав женщина, которая первая ко мне обратилась.

— Чего того? — крикнула на нее старуха. — Ты ясно объясняйся.

— Ну, может он ее с пузом оставил, а?

— А! Вот ты чем хочешь богатство себе все заграбастать! — взревела на меня тетка. — Но фиг тебе! — показала она мне две руки с дулями. — Видишь это? Вот что получит твой уродец! Ха! Видите, она раскатала губу на чужое наследство. Ниче ты не получишь! Это все мое. Я и так долго ждала. Но Бог услышал все мои молитвы, и вот Ларка и ее отродье получили заслуженное. И так долго шикавали! Когда то отказали мне в помощи, не хотел этот Вовка квартиру моей старшей дочери выбить в Москве. А я знаю, что это Ларка его подговорила. Сучара, не хотела, чтобы кто-то, кроме нее в Москве жил. Вот я и ее, и этого ментяру и еще ихнего гаденьша прокляла!

— Теперь они все в земле, а мы будем жить в их квартире, — заулыбалась доченька тетки, — отдыхать на их даче, ездить на их машине и тратить все их накопленные деньги ...

Мне от услышанного расхотелось знакомиться поближе с сестрой и племянницей Ларисы Ивановны. Меня как будто облили с головы до ног вонючими помоями. Поэтому я развернулась и пошла медленно от них прочь. Старушенция еще сыпала угрозами, используя для этого такую ненормативную лексику, с которой я ознакомилась сейчас впервые за всю свою короткую жизнь.

39

После похорон я направилась на работу. Ведь теперь я — ячейка общества, которая приносит пользу, а не просто задаром дышала воздухом. У меня появилась цель в жизни. И этому я была очень рада.

— Девочки, быстрее! — подгонял Карл моделей на подиум. — Только осторожней, не потеряйте каблук. Смотрите себе под ноги.

— Карл! — окликнула я парня.

— Что тебе, Доша?

— Я никак не могу разобраться, куда надо смотреть.

— Я же только что сказал — под ноги!

— Но ты же меня учил держать голову прямо, подбородок выше. Признаюсь честно, я не смогу держать голову прямо, притом еще смотреть себе под ноги. Так я точно споткнусь и упаду.

— Хватит гудеть, Доша. Иди быстрее. Твоя очередь.

Я вышла на подиум и сразу ощутила на себе пристальный взгляд женщины, заплатившей за этот показ. Она сидела на кожаном, красном диване и держала в руке стакан с коньяком.

С дали мне показалось, что я вижу сорокалетнюю женщину в изумительно-красивом костюме ярко-зеленого цвета, но приближаясь к ней все ближе и ближе, мне стало ясно, что я вижу женщину пенсионного возраста. Просто она хорошо сохранилась. У этой дамы имелись ногти среднего размера и темно-красного цвета. Вот это да! Рефлекторно я спрятала свои пальцы в кулаки, чтобы она, случайно, не заметила их и не рассмеялась мне в лицо.

У моей бабули, несмотря на ее возраст, тоже имелись ухоженные и покрашенные ногти. Она за ними следила каждый день, делая разные ванночки по пятнадцать минут, добавляя туда или морскую соль для укрепления структуры ногтей, или еще какие-то средства; регулярно посещала салоны красоты, где за ее ручками и ногтями занимался отличный специалист. Словом, моя бабулечка проводила в салонах красоты полдня, что позволяло ей выглядеть моложе на все десять лет.

Я еще раз внимательно взглянула на странную даму. Что-то знакомое мне было в ее лице.

— Бабушка! — воскликнула я, чуть не свалившись от удивления вниз. — Это ты что ли?

Женщина внимательно посмотрела на меня. Я тем временем сошла с подиума и подошла к даме.

— Да как вы смеете меня называть бабушкой! — возмутилась госпожа Острофанова. — Да я на вас вашему начальству пожалуюсь! Как таких невоспитанных принимают в такие элитные заведения?! Хамка!

— Бабушка, ты, что меня не узнаешь? — вцепилась я за ее руку.

— Спасите! — завопила она. — Убивают!

На ее крик прибежали в мгновения ока Карл и Ирина.

— Что случилось, госпожа Острофанова? — обратился Карл к моей бабулечки.

— Эта невоспитанная девица мне нахамила! — ткнула она в меня своим ухоженным пальчиком. — Обозвала меня старухой!

— Бабушка, что ты такое говоришь? — не могла я никак понять, что с ней происходит.

— Видите, Карлос, она опять за свое! — еле сдерживая слезы от обиды, забубнила она.

— Доша, не смей называть уважаемую госпожу Острофанову бабушкой! — приказал мне Карл.

— А как мне прикажите называть мою родную бабулечку? — возмутилась я.

— Тебя зовут Дошей? — присмирела немного она. — Как мою внучку. Странно!

— В этом нет ничего странного, бабушка, ведь я и есть твоя внучка Доша.

— Не может этого быть! Доша выглядит как облезлая мышь, а ты больше похожа на принцессу.

— Бабушка, это все дело рук Карла. Это он превратил меня в ... Пусть он тебе подтвердит, на кого я была похожа, когда мы познакомились.

— Точно, она была, словно облезлая мышь, — ответил Карл.

— А как твое полное имя? — продолжала проверку бабулечка, недоверчиво прищурился глаза.

— Евдокия.

— И на честь кого тебя так называли? — стала меня допрашивать моя бабушка, как командир гестапо заключенных.

— На честь моей прапрабабушки, то есть твоей бабушки.

— Дошенька, неужели, это ты? — изумилась она от такого необычайного открытия. —

Милая моя, прости ты меня, старую кочергу, за то, что тебя не узнала! — обняла меня бабулечка.

— Так ты из семьи Острофановых? — удивился Карл. — Это действительно, правда, то, что ты богата? При нашей первой встрече ты это говорила мне, но я не поверил. Решил, что ты хочешь хоть немного себя возвысить в моих глазах. А это оказывается правдой! Так зачем тебе работать вешалкой и трясти своей симпатичной попкой на подиуме с самого утра, если ты можешь себе позволить ничегонеделанье?!

— Ничегонеделаньем себя не прокормишь, — разумно ответила я ему. — Ты что забыл, что я упорхнула из-под родительского крылышка. Я больше не кормлюсь из холодильника Острофановых!

— Ты что сделала, Дошенька?! — удивилась моя бабуля. По ходу она еще не знала. Мои предки еще не успели на меня пожаловаться ей.

40

Мы не виделись с бабушкой уже больше месяца так, как она уехала на Мальдивы, а по возвращении в Москву она сразу уехала навестить моего дядю Глеба, ее младшего сына, то есть младшего брата моего папы. У него возникли какие-то проблемы. И только вчера вечером бабушка прибыла в столицу. И вместо того, чтобы навестить родных, она устроила себе показ мод. Даже меня не узнала, ее родную внучку!

— Карлос, родной! — попросила бабулечка менеджера. — Будь другом, отпусти Дошеньку на сегодня. Я в долгу не останусь, ты же знаешь.

— Конечно, госпожа Острофанова, — расплылся в улыбке Карлито, — Дошенька может быть свободна на сегодня. Ведь не всегда у нас выпадает минутка, чтобы навестить родных и близких. Идите, общайтесь и ни о чем не волнуйтесь. Я Дошу прикрою, если Смольный с ней спросит.

Я попрощалась с Карлом и Иришей и пошла за бабулечкой. Перед магазином стоял черный лимузин с шофером, ожидающим на хозяйку. Я сразу поняла, что у моей бабулечки сегодня праздник. Обычно в такие дни, — а бывают они почти каждую неделю, — она нанимает лимузин и катается по городу, наслаждаясь ничегонеделаньем. Вот и сейчас она меня затащит в салон красоты, откуда мне удастся выйти только через три часа, не меньше. Я села внутрь салона. Это впервые бабули удалось меня затащить сначала в лимузин, потом в салон красоты только из-за того, что я рассчитывала от нее улизнуть, пока ей какой-то мачо будет делать массаж. Очарованная этим она и не заметит моего исчезновения, ну скажем, денька четыре. Если мои родители не заметили моего отсутствия три дня — и, кстати, обнаружили это только потому, что у Катошкиных случился потоп и им пришлось перебраться к Острофановым, и мне тоже, — то моя бабулька, учитывая ее возраст и склероз, спохватиться на самом деле лишь через неделю, кабы не больше. Поэтому я спокойно отдалась в руки сотрудников салона.

Сперва нас проводили в помещение, где нас обмазали с ног до головы омолаживающей грязью, или глиной. В общем, чем-то гадким. После этой процедуры мы очутились в огромной джакузи с пузырьками, выходящими со дна ванны, ласково тонируя нашу кожу, от чего она стала похожа на кожу новорожденного младенца. Далее мы пошли по длинному коридору за нашей проводницей Машей. Она завела нас в кабинет с двумя кушетками для массажа. И я поняла, что надо сейчас действовать.

— Где у вас тут дамская комната? — спросила я Машу.

— На первом этаже, первые двери от рецепшин, — мило прочирикала девушка.

— Бабушка, я отойду буквально на двадцать минут, — обратилась я к ней.

— Хорошо, милая. Иди, но поскорее. Я хочу быстрее увидеть твоё выражение лица, когда придет массажист, которого я тебе заказала. У него волшебные руки. Ты очутишься в раю от его умелых прикосновений.

Мне показалось, что моя бабуля перепутала массажиста со стриптизером. Никогда не думала, что не только стриптизера можно заказывать по своему усмотрению! Оказывается, что за деньги можно все.

Я довольная тем, что мне, наконец, удалось сбежать от бабульки, тронулась к ближайшему кафе. Она ведь сидит на диете, как Муся, поэтому про пищу даже ни разу не обмолвилась. А я страшно голодная кинулась к стойке, заказывая все, что видели мои глаза.

— Только, пожалуйста, побыстрее, — попросила я официантку. — Очень прошу! Желудок прям революцию устроил. С утра ничего не ела.

С тарелкой, в которой было пюре с двумя тефтельками и с салатиком из свеклы, я тронулась к столику от окна. Всегда люблю есть и одновременно наблюдать за прохожими на улице. За две минуты я справилась с содержимым тарелки и стала спокойно ждать на двойную порцию пельменей.

— Конверт! — выкрикнула я на все кафе, вспомнив о нем.

Посетители и официантка оглянулись в мою сторону, заинтригованы моей персоной. Я не обращая на их внимания, вытащила из своей сумочки конверт и быстренько его распечатала, точнее, разорвала его края. Внутри я нашла ключик и записку, явно адресованную мне.

41

Официантка принесла на подносе и выложила передо мной на стол пильмени и то на двух тарелках, и еще чай с вкуснейшим пирожным.

— А почему две тарелки? — спросила я, пребывая в недоумении.

— Так вы заказывали двойную порцию, — ответила девушка. — А где ваш парень?

При чем тут мой парень? Что за манера лезть в чужую жизнь? Ее поведение меня оскорбило и разозлило.

— А вам-то что? — нахамила я ей.

— Ничего. Просто пильмени вкуснее, когда они горячие. А он придет потом, а пильмени в тарелке остыли, и будет требовать их разогреть. А я что нанималась делать одну и ту же работу по два раза!

— Вы не беспокойтесь. Он не придет. Двойную порцию я заказала себе.

— А вы уверены, что двойная порция пельменей уместится в вашем желудке, да еще после порции пюре с тефтельками и с салатом из свеклы? — удивилась страшно официантка.

— Не волнуйтесь об этом. Все поместится, даже это пирожное.

— Как вам удастся столько слопать и выглядеть так потрясающе? — с интересом и с завистью спросила девушка.

— Это по наследству.

— А! — с грустью вздохнула она. — Значит, мне такое счастье не светит. У меня мама толстая с детства, сестра тоже, и бабка была жирная, как свинья, в двери не проходила, приходилось всегда кому-то ее проталкивать.

— Но вы совсем не толстая, — попыталась я утешить девушку. — Просто в меру упитанная.

— Это я такая, пока кушаю одну морковку. А без диеты я набираю двадцать кило за три недели.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Вы-то не запрещаете себе кушать такие вкусности и сладости. А представьте, какого мне целый день видеть, как люди лопают все это и не сорваться, а наоборот продолжать грызть эту чертовую морковь!

— Мне очень жаль вас.

— Нечего меня жалеть. Да и что это я с вами разболталась, ведь какая очередь у стойки уже столпилась!

Официантка побрела к посетителям, а я принялась наминать пельмени. Какая вкуснятина эти пельмени! Если б я знала, кто их придумал, то расцеловала б этого гениальнейшего человека. Хотя, вряд ли, он еще жив. Тогда я б возвела ему памятник в центре Москвы.

Стоя у подъезда дома Булдыгиных, я сомневалась идти в их квартиру или не идти. Там сейчас поселилась эта грубиянка с дочерью. Если бы дома была только дочка, то я бы ее как-то обхитрила и достала нужный мне номерок, но если дома окажется та тетка, то она меня дальше порога квартиры не пустит. Что же делать?

— О, придумала! — радостно воскликнула я.

Через полчаса я позвонила в двери. Конечно, могла бы это сделать раньше, но я не хотела, чтобы женщина подумала, что это я над ней так некрасиво пошутила. Дверь открылась и на пороге появилась племянница Ларисы Ивановны.

— Здравсти. Помните, мы виделись на похоронах сегодня.

— Да, помню. И че тебе надо? — грубо поинтересовалась та.

— Я пришла вас предупредить, что вы находитесь в опасности.

— С чего ты это взяла?

— Я когда была последнего раза в Ларисы Ивановны, то на кухне учуяла странный запах, такой неприятный. Это, наверное, газ протекает. Именно из-за этого и умерла бедная Лариса Ивановна. Она надыхалась им и теперь уже на том свете с ангелами разговаривает. Мне бы не хотелось, чтобы и вы туда раньше времени попали. Вы такая хорошая женщина и молодая при том. Вам еще жить и жить!

Дочка той тетки купилась на мою выдуманную историю и быстро направилась на кухню, оставив дверь передо мной открытой. Я со скоростью звука вошла в коридор и увидела телефон. Около него стояла записная книжечка, которую я схватила и рысью кинулась прочь отсюда. Представляю, как удивиться женщина, возвратившись с кухни, а за мной уже и след простыл. Ничего! В следующий раз не будет такой доверчивой.

Слава Богу, я взяла с собой мобильный телефон! Найдя нужный мне номер, я позвонила. С маленьких дырочек в трубке донесся вежливый, женский голос, сообщивший мне, что генерал Мизинцев сейчас находится в Швейцарии на лечении и что он приступит к работе только через полтора месяца. Вот те на! И что теперь прикажите мне делать? Я же не могу подвести Ларису Ивановну. Я ее единственная надежда на то, что справедливость восторжествует, и убийца будет наказан.

42

Неожиданно ожил мобильный. Я от этого даже вздрогнула. Кто мне может звонить? Ведь у меня новый оператор и никто еще не знает моего нового номера.

— Алло. Доша, это ты? — послышался в трубке знакомый мужской голос.

— А вы кто? — спросила я.

— Женя, ты что ли?

— Конечно, я. Или у тебя есть еще знакомый с таким именем? Я начинаю уже ревновать.

— Нету, не волнуйся. Ты один Адам в моей жизни. Пока что, — добавила я.

— Твой ответ меня успокоил. А вот последняя реплика — не очень.

— Откуда у тебя номер моего мобильного? — перевела я быстро разговор на другую тему.

— Твоя мама продиктовала. Ты же мне дала свой домашний, ну и я позвонил. Ответила твоя маменька, я ей представился ... и-и-и ... Женей.

— И только? — недоверчиво спросила я.

— Ну, еще ляпнул, что я — твой парень.

— Что?! — возмутилась я. — Это же неправда. Зачем ты соврал?

— Просто мне бы хотелось, чтобы это было правдой.

Я замолчала. Вот так новость! Сам Женя Карасев хочет быть моим бойфрендом. Очуметь!

— Алло, Доша, ты меня слышишь?

— Какие-то помехи. Ты что-то сказал? Я не расслышала, — быстренько придумала я, ведь в эту секунду я не была готова к тому, чтобы стать его девушкой, о чем я мечтала аж три года учебы. А вот сейчас, когда выпал такой шанс, я струсилась и сама отказалась от своего счастья. Ведь у меня на данный момент уже имелся парень. Это ведь не правильно — иметь больше, чем одного парня за раз. И особенно нечестно по отношению к мужскому полу. Они ведь тоже живые. И им будет больно узнать, что их девушка их дурачит. Это Муся может так делать. Но не я. Всегда считала ее действия некрасивыми. Нельзя дурачить голову бедным, влюбленным мужчинам.

— Говорю, давай сейчас встретимся, если ты ничем не занята, — услышала я ответ Жени.

— Хорошо. А где?

— Ты сейчас, где находишься? Я за тобой заеду.

И не успела я продиктовать адрес места, где я нахожусь, как подъезжает ко мне Женина машина, останавливается и оттуда выходит он.

— Как ты так быстро сюда добрался, да еще в час-пик?

— Сюрприз! — выкрикнул он на всю улицу.

— Ты что умеешь телепортироваться, да?

— Все намного проще. Я просто был недалеко, вот за тем поворотом. Садись в машину.

— Женя, мне нужна твоя помощь, — сказала я, удобно разместившись на переднем сиденье.

— Если это в моих силах, сделаю тогда все, что попросишь.

— Как ты думаешь, от чего мог бы быть вот этот ключик? — задала я вопрос, протягивая ему вещь.

Он покрутил ключиком в руке и сообщил, что от камеры хранения.

— А где именно?

— Видишь, тут мелкими буквами выдрапировано название центрального вокзала, а ниже номер камеры.

— Поехали туда немедленно! — скомандовала я.

— Это так важно, что нам нужно прямо сейчас туда ехать? Я-то думал, мы ходим в кино или еще куда-нибудь.

— Да, это вопрос чести и жизни.

На вокзале народу было так много, что мы еле протиснулись к кабинкам. Все-таки лето. Время отпусков. Люди с чемоданами толпились повсюду: и у касс, и около санузла; скамейки в залах ожидания были все заняты, даже у камер хранения собралось энное количество людей. Я, протолкавшись сквозь эту облогу, вставила ключик в нужную мне камеру и, вот чудо, дверцы открылись. Там я нашла большой бумажный пакет, запечатанный крепко скотчем, потому что я с первого раза не смогла его открыть.

— Ну, как нашла нужную камеру? — спросил Женя, когда я села в машину.

— Даже содержимое в ней обнаружила. Помоги мне распечатать пакет.

Женя мигом открыл его. Там я нашла кассету и кухонный нож в герметичном, прозрачном, полиэтиленовом пакетике. На нем еще сохранились пятна крови.

— О, Боже! — отшатнулась я от содержимого пакета. — Какой ужас! Кассета! Разве их сейчас выпускают?! — удивилась я, увидев столь редкий раритет.

— Окровавленный нож! Доша, ты серьезно влипла! — испуганно сообщил мне Женя. — Эта улика — доказательство чьей-то причастности к убийству. И убийца будет, наверняка, тебя искать и что он сделает с тобой, когда найдет ... я даже боюсь об этом думать.

Услышав такой невеселый прогноз моих последних дней на Земле, я с ужасом осознала, сколько полезных дел и вещей я еще не успела сделать.

— Женя, я не из пугливых и меня не так-то просто запугать. Нужно найти убийцу раньше, чем он найдет меня.

— И как ты собираешься это сделать, если ты даже не знаешь имени убийцы, тем более, как он выглядит.

— Женя, ты просто меня еще не знаешь. Я с детства мечтала стать полковником милиции и распутывать всякие такие преступления. Мое жизненное призвание — ловить преступников и сажать их за решетку! — с гордостью и достоинством сообщила я.

— Да ну! Ты меня разыгрываешь, Доша! — рассмеялся Женя.

— Нужно мне это, как собаке хвост!

— Но ты же работаешь моделью в магазине.

— Ну и что! Ты вот тоже работаешь стриптизером в клубе, а сам мечтаешь о живописи. Ты же не бросаешь рисовать свои картины, пока никому не нужны, и наоборот продолжаешь заниматься своим призванием, притом зарабатывая себе деньги на пропитание совсем другим способом. Так же и я работаю моделью только временно, пока я не устроюсь в отделение полковника Катошкина.

— А почему тебя не берут в то отделение сейчас? — поинтересовался Женя. — Не подходишь им?

— Нет, на самом деле все намного сложнее и запутаннее. Понимаешь, моя мама с моим появлением на свет решила, что я буду моделью, и она мне пригрозила, если Сергей Петрович возьмет меня к себе в отделение, то она разобьется в лепешку, но добьется, чтобы полковника Катошкина уволили с работы, или понизили, если он это сделает. А для него это равносильно смерти. Это отделение — вся его жизнь! Он столько сил потратил на то, чтобы достичь того, что он имеет сейчас. Я не могу ему так навредить, он мне, как второй папа. Он отец моей лучшей подруги Муси.

— А почему ты не устроишься в другое отделение милиции? Их в Москве, как грибов в лесу после дождя!

— Давай я тебе об этом расскажу как-нибудь в другой раз. Сейчас нету на это времени. Надо спешить и быстрее с этим покончить. А то еще кто-то застучает нас за этим делом. Давай вставляй!

— Что вставлять? — Женя аж покраснел от моих многозначных слов.

— Не то, о чем ты сейчас подумал! — стеснилась я парня своими словами. — Кассету вставь, пожалуйста, в автомагнитолау.

— А! — с облегчением вздохнул Женя. — Не могу.

— Почему?

— А у меня считывает только флешки. Таким старьем уже никто не пользуется, Доша.

— Ладно, поехали к моим родителям. У меня в комнате есть старый магнитофон. На нем я слушаю любимые, старые кассеты.

43

Мы достались ко мне только через час, потому что застряли в жутком заторе. Но это время мы провели с пользой, рассказывая друг другу о своем детстве. К школе мы не успели добраться, поскольку уже доехали к дому моих родителей.

— Только бы сейчас не наткнутся на кого-то из моих близких, — с надеждой в голосе вздохнула я, веря в чудеса. — Мне сейчас не до них. Хотя есть вероятность, что они уже забыли, что я временно вернулась к ним.

Мы достались моей комнаты не замеченными никем. Я сразу вставила кассету в магнитофон. С разговора мы поняли, что мужчина шантажировал то ли девушку, то ли женщину.

— Это же сам Владимир Ильич! — воскликнула я от удивления. — Это его голос.

— Доша, не может этого быть.

— Почему? Ты же не был знаком с ним.

— Да и ты, кстати, тоже.

— Нет, ты ошибаешься, Женичка, я как раз с ним была знакома, ведь часто его сына навещала.

Женя как-то странно и скося на меня посмотрел.

— Нет, Дошенька, ты никак не тянешь на восьмидесятилетнюю.

— Спасибо тебе, Женичка, за столь лестный комплимент, — с улыбкой поблагодарила я своего друга.

— Да и тогда еще кассет не было. Значит, и запись тогда не могли никак сделать.

— Ты что, Женя? — удивилась я его странному поведению.

— Да и ты не могла быть знакома с сыном Владимира Ильича, потому что у Ленина не было сына.

— Ленин! При чем тут Ленин?

— Ну, ты же сама сказала, что это голос Владимира Ильича.

— Я имела в виду Булдыгина старшего, отца Коли.

Мы оба рассмеялись так громко, что наш смех должен был бы слышен на весь дом. Вот, так путаница вышла! Именно, такие смешные ситуации и соединяют людей вместе.

Следующий час мы с Женей разгадывали тайну всех тех убийств, делились своими мыслями и суждениями, пытаясь потом вывести единственный, правильный вариант. Значит, мы пришли к обоюдному согласию, что Владимир Ильич как-то достал улики,

компрометирующие неизвестную, пока нам особу, и шантажировал ее. Действительно ли она платила Булдыгину за его молчание, мы не знаем. Это нужно как-то проверить. Потом Владимир Ильич погибает, как будто от руки преступника. Но у нас есть сомнения по поводу того: был ли Булдыгин убит случайно или наемным убийцей. Может эта неизвестная особа заказала его убийство?

Дальше Коля узнает, — от кого именно мы не знаем, — что его настоящий отец ректор Потапенко. Он, конечно, этим воспользовался для того, чтобы не ходить на лекции и пары в академии, но при том получить диплом со всеми другими студентами.

— Коля шантажировал Потапенко. Он пугал того, что расскажет всем об их родстве, — вставил слово Женя.

— Разве Потапенка можно было этим запугать? Ну, узнали бы все, что у него есть сын на стороне и что?

— Доша, неужели ты не слышала никогда о жене ректора?

— Нет. А что с ней такого?

— Наш твердый орешек Потапенко дома был под каблуком у жены, младшей от него на четырнадцать лет. Он ее страшно боялся.

— То есть?

— Она была ревнивая истеричка. По любому поводу устраивала ему допрос, и если его отчет ее не устраивал, то скандалила так, что соседи по площадке знали, что Потапенко случайно посмотрел в сторону какой-то дамочки, еще младшей, чем его жена. Помнишь историю с преподавательницей Ткаченко.

— Нет, я такую фамилию слышу впервые.

— Ну, ты тогда, наверное, еще в школе училась. Так вот! Пришла к нам на замену эта Елена Прекрасная, потому что физрук наш укатил на заработки в Испанию, у него дочь через год должна была поступать, а его копеечной зарплаты не хватило бы на оплату и недели учебы.

— Ну и что та Лена положила глаз на Потапенко?

— Ее звали Кларой, а не Леной.

— Но ты же сам только что назвал ее Еленой.

— Это ее студенты так прозвали. Она была богиня красоты. Сам вижу ее сейчас перед глазами: стройная фигурка, ножки само загляденье, грудь второго размера ...

— Ты что сам мерял ей бюст? — раздраженно спросила я, начиная ревновать.

— Нет, но у меня глаз — алмаз. Могу определить с первого взгляда, какой размер носит любая баба. Так вот, глаза у нее были зеленые, как у кошки, и коготки имелись на ее гламурных пальчиках тоже. Волосы были цвета тучек после дождя, белые-белые! — Женя аж глаза закатил к небу, так опьяненно описывал достоинства этой барышни; прям тошно было смотреть на него. — И то не крашенные волосы, как у большинства дамочек, а естественные от природы. Ее отец, поговаривали, был из Финляндии.

— Женя хватит уже ее приукрашивать! — рассердилась я. — Таких красоток не бывает в природе. Всегда у какой-то найдется какой-то изъян: то нос кривит в сторону, то один глаз косит, то сисек вообще нету.

— Эта Клара была без единого изъяна! — воскликнул Женя так одушевленно, что меня еле не вывернуло наизнанку. — Поэтому ее звали Еленой Прекрасной. Ради нее можно было начать войну со всем миром, зная даже при этом, что победы вам не видать. Но ради такой девушки стоит рискнуть, даже ценой собственной жизни!

— Женя хватит!

— А какой ангельский у нее был голосок! Можно было заслушаться!

— Женя!

— Ты что уже ревнуешь, хотя мы с тобой и не встречаемся? — предположил парень.

— Что? — возмутилась я.

— Представь, что было с Ректоршой, когда она увидела впервые, как Потапенко воркует с Еленой Прекрасной. Да она в его кабинете учинила такой разгром, что уборщицы работали потом целую ночь, а секретарше Церберихе пришлось еще неделю перебирать разодранные в ключья документы, а потом еще и месяц, чтобы возобновить все уничтоженные во время разгрома учеты, доклады и тому подобное.

— Ничего себе! — аж присвистнула я от изумления. — Хотя я, как женщина, понимаю жену Потапенко. Но боюсь я не из ее числа ревнивых истеричек. Если бы я была на месте Ректорши, то я бы тихонько ушла от такого кобеля-мужа, но не стала бы точно на все сто процентов громить кабинет, притом извещая всему миру об измене моего мужа. Я бы от позора сгорела со стыда.

44

— Видишь ли, ты не принадлежишь к числу таких бесноватых кикимор.

— Ну, спасибо тебе, хоть и за такой комплимент!

— Не ревнуй. Этого ангела чистоты и красоты, к сожалению, уже нету среди живых, — грустно сообщил Женя. — Однажды она исчезла без следа, никому не сообщив о своем уходе. А через месяц недалеко от Москвы был найден труп в озере. Тело было обмотано клеенкой и его бы так и не нашли, если бы веревка, которой был обмотан огромный камень и к которой крепилось тело, не сгнила.

— Прости меня, Женя, я вела себя глупо.

— Экспертиза показала, что это была женщина, молодая и что она умерла ужасной смертью. Ее сначала избили, потом, предварительно крепко связав, облили ее лицо кислотой, которая уничтожила весь кожный покров лица, — Женя тяжело глотнул ком подступивший к его горлу. — Говорят, от такой боли человек сразу умирает. Но в легких женщины была обнаружена вода, значит, она утонула, при этом страдая от жуткой боли.

— Это что же выходит — ее после таких жутких пыток обмотали клеенкой, проделав в ней дырочки, и бросили в озеро?

— Да, — еле вымолвил Женя.

У меня от ужаса мурашки по коже пошли, а на глаза навернулись слезы. Каким извергом надо быть, чтобы вот такое сделать!

— В академии поговаривали, что это дело рук Ректорши, которая со всех катушек съехала от ревности, — добавил Женя. — Но это всего на всего была гипотеза студентов, ни на чем не основанная и без единой улики. Урода, сделавшего такое, так и не нашли.

— Или уродку, — предположила я.

— Ты тоже считаешь, что это дело рук Ректорши?

— Нет, я ее ни в чем не обвиняю. Единое, в чем я уверена, так это то, что Клару убила женщина, при этом сильная физически. На такое зверство способна только ревнивая женщина.

— Чем тебе не подходит Ректорша? Она же по всем твоим параметрам подходит под эту категорию.

— Значит, эта кикимора болотная, уродка несусветная, изверг в юбке также убила еще

кого-то!

— У меня от всего этого уже голова болит, — оперлась я на подушку. — Зачем тогда Ректорша убила Колю и Ларису Ивановну? И она ли это вообще сделала?

— Может, Коля узнал о шантаже его кабы отца и принялся тоже ее шантажировать? — припустил Женя.

— И Лариса Ивановна точно знала, что ее муж кого-то шантажировал. Ведь она передала мне ключ от камеры хранения. И еще странно, как она себя повела в день рождения Коли. Помнишь, я тебе об этом рассказывала. Она считала, что ее сына уже убили, и устроила такую истерику, что даже вспоминать не хочется. Значит, она была в курсе о делишках ее мужа, поэтому и переживала так за жизнь сына.

— Значит, Ректорша убивает отца, потом и сына, которые захотели красиво жить за ее счет, при том ничего не делая. У дамочки срабатывает инстинкт самосохранения, ведь деньги имеют и плохую сторону: они скоро заканчиваются, а она же больше не имеет богатых родственников, чье наследство могло бы перейти в ее карманы и работать сама она тоже не собирается.

— Но у нее же есть муж.

— Доша, да он со своей копеечной зарплатой сможет прокормить лишь курицу, а не такую женщину, как она. Ты хотя бы раз видела эту Ректоршу?

— Нет.

— Странно, ты же училась там же где и я, и не видела жену Потапенко? Считай, что ты не видела в мире еще ничего.

— Почему?

— Эта Ректорша еще та штучка! Одним словом, красавица. Странно, что при такой жене Потапенко еще засматривался на других! Не хочу ее хвалить, потому что она убила мне дорогих людей. Могу только сказать, что свои тряпки и цапки на ушах, шее и пальчиках, она купила не на базаре, да и даже не в шикарных московских бутиках и салонах. Все эти вещи стоят огромных денег и ты нигде в мире больше не сыщешь таких тряпок и драгоценностей, хотя бы немного похожих на эти, ведь они были выпущены только в одном экземпляре. Понимаешь теперь, что эта кикимора не прожила бы на зарплату мужа, позволяя себе такую роскошь.

— Я теперь уже совсем ничего не понимаю, — тяжело вздохнув, я почесав себе нос. — Зачем Потапенку изменять такой красивой и молодой жене?

— Ой, Доша! — почесал теперь свой нос Женя. — Трудный ты мне задала вопрос. Лучше спроси, почему Земля круглая. Я тебе отвечу легко.

— Все вы мужики — кобели! — подытожила я. — Имея жену-красавицу, вас все равно тянет налево.

— Короче считай, что у Ректорши замкнуло в голове, — продолжил Женя, пропуская мои слова мимо ушей. — Она страшно жадная особа или расчетливая. Считай, как хочешь. Значит, чтобы не платить лишние деньги ее шантажистам, она от них просто избавляется.

— А зачем ей убивать Ларису Ивановну?

— Это же совсем просто. Она замела таким способом все следы. Почти все. Ведь у нас есть улики против нее. Она-то думала, что убив и маму Коли, она обеспечила себе полную безопасность.

— Подожди, как я могла это забыть! — воскликнула я.

— Ты о чем?

Я поведала Жени все факты, которые я узнала от соседок Ларисы Ивановны, одна из них жила с нею на одной площадке, а с другой она лежала в одной палате.

— Так ты считаешь, что та медсестра и Ректорша одна особа? — задал мне вопрос Женья.

— Еще несколько минут назад я сомневалась в этом, но вспомнив про ту медсестру, давшую Ларисе Ивановне те таблетки, я уверилась в том, что женщина, чей голос мы слышали на пленке и есть убийца дорогих мне и тебе людей.

— Странно только, почему врач Редьков тебе соврал.

— Ему за это заплатила убийца. Я подслушала разговор Редькова с кем-то по телефону. Он заверял ту особу, что никто не узнает о настоящей причине смерти Ларисы Ивановны и требовал, чтобы ему перевели деньги на счет не позднее трех дней, иначе он ... ну ты сам понимаешь.

— Все расскажет милиции, — задумчиво произнес последние слова Женья и совсем умолк, о чем то размышляя.

— Как бы узнать поступили те деньги на счет Редькова или нет? — самой себе я задала вопрос, поскольку Женья меня не услышал.

— Сначала надо узнать: жив ли еще наш Редьков, — опять вступил в разговор Женья. — Я что-то сильно в этом сомневаюсь.

— Думаешь, Ректорше и тут стало жалко денег?

— Да, именно это я имею в виду. Надо позвонить в больницу и узнать.

Порывшись в своей сумке, а потом и в мобильном, я сообщила Жене номер больницы. Он набрал быстренько номер, который я ему продиктовала, и сказал девушке в приемной:

— Сообщите, пожалуйста, доктору Редькову, что в его квартире течет вода с крана и что он уже затопил два этажа. Если он не хочет, чтобы его соседи замучили упреками или еще хуже — не затаскали по инстанциям, пусть немедленно мчит домой. Что? Как? Я и не знал. Я его сосед с нижнего этажа. Спасибо вам, девушка. До свидания.

Женья выключил мобильный и по выражению его радостного лица, я поняла, что он был прав.

— Доктор Редьков попал под поезд два дня тому назад в Питере.

— Что он там делал? — удивилась я. — Ведь он страшно занятой человек ... был. Так он сам мне говорил. Может, на конференцию уехал?

— Или на встречу со своей смертью, то есть на встречу с убийцей Ларисы Ивановны, которая должна была отдать ему деньги за его молчание. Надо снова позвонить в больницу и выяснить: поехал ли Редьков в Питер по больничным делам или по личным. Но я звонить больше не могу. Мой голос непременно узнает та девушка. Значит, звонить придется тебе.

— Нет, — отказалась я, совсем не горя желанием врать, хотя бы и ради личного интереса.

— Держи, — велел мне Женья, впихнув в мою ладонь мобилу.

Я не успела даже слова протеста вымолвить, как услышала входные гудки.

— Не трусь, а повторяй все четко за мной, — скомандовал мой друг.

— Доброго вам дня, девушка, — сказала я, услышав женский и то грубый голос.

— Говорите, че надо, — грубо ответила мне та. — У меня тут и без вас куча дел.

— Простите меня, что отрываю вас от работы, но я вместе с врачом вашей больницы ехала в одном купе в поезде и мы случайно поменялись чемоданами, я взяла его, а он мой.

— Когда это случилось и с кем?

— Доктор Редьков со мной возвращался с Питера из конференции два дня назад.

— Вы что-то плутаете, — сообщила дама. — Редьков не ехал ни на какую конференцию, он взял отгулы на три дня. Хотя теперь ему уже и не понадобится его чемодан. Он попал под поезд в Питере.

— Но мне мой чемодан еще понадобится, — возмутилась я халатностью сотрудницы, совсем забыв, что у меня не терялся никакой чемодан и даже на сказав, как мне жалко умершего человека.

— А мне то что! Это ваши проблемы, — пробубнила женщина, бросив трубку.

— Хамка! — воскликнула я, нажав на «отбой» и положив мобильный возле себя на кровати.

— Ну, что она сказала?

— Зачем ты мне наврал, что это молодая девушка? — набросилась я на друга. — Я из-за тебя ее обидела, назвав девушкой. И она мне нахамила поэтому.

— Доша, если хочешь, что-то узнать у кого-то, надо непременно льстить той особе.

— Но я проделала, то же, что и ты. Но она ворчала все время, пытаясь поскорее от меня отделаться.

— Да, Доша, тут не твоя вина. Просто в то время, что ты позвонила, женщина смотрела свой любимый бразильский сериал, а ты ее оторвала от этого. Понимаешь?

Я кивнула и потом рассказала все, что узнала.

Мы так долго разговаривали с Женей, что не заметили, как стемнело и вот теперь-то точно мне не удастся провести его тайком от всех. Я, тяжело вздохнув, набрала больше воздуха в легкие и смелости, решила не волноваться. Чему быть, того не миновать. Кажется, так говорить в русской народной поговорке. А наш русский народ умный! Надо ему доверять, то есть его поговоркам, что одно и то же.

— Счас мои родные на нас набросятся в холле, — предупредила я Женю, — так что ты веди себя ... как бы это сказать ...

— Прилично, — вставил Женя слово. — Ты это хотела сказать?

— Нет. Я имела в виду ..., - попыталась я ему все объяснить, но он не дослушал и спустился лестницей вниз, не подождав на меня.

46

Внизу Женя наткнулся на Мусю, прямо вылетев на нее.

— Ой, прости! — извинился Женя перед моей подругой. — Чуть не раздавил такую красавицу! Вот, идиот!

— Ничего страшного, — поправила Муся волосы рукой, как бы проверяя: не растрепаны ли они. — Мне даже было приятно наткнуться на такого парня, как ты. Ты же Женя Карасев, да?

— Да. Но откуда ты это знаешь? — удивился он. — Ах, да! Тебе же Доша обо мне, наверное, рассказывала.

— Нет, Доша мне не рассказывала, что дружит с самим Женей Карасевым, — злобно посмотрела Муся в мою сторону.

— А тогда откуда ты меня знаешь? — удивился парень.

— Я тоже училась в академии на одном курсе с Дошей и имела такую честь видеть тебя лично в коридорах нашего вуза.

— Значит, ты Муся, — обрадовался парень. — Мне Доша о тебе рассказывала.

— О, у нас гости! — зачирикала весело и любезно моя мамочка, появившаяся, как всегда вовремя. — Я обожаю гостей, да еще таких красивых и милых парней!

Мамочка обвила Женю рукой, таща его в гостиную и притом продолжая неустанно болтать всякую чушь.

— Меня зовут Мила, я мама Доши. А ты, наверное, друг Муси.

— Нет, я друг Доши, вашей дочери.

— Не может этого быть! — удивилась мамочка.

— Почему?

— Доша еще никого из парней не приводила в дом.

— Мама, Жене это не интересно, — вовремя вмешалась я, а то моя милая мамулечка еще сейчас растреплет, что я еще девственница. Вот это будет позор! Я со стыда сгорю. Как я тогда буду Жене в глаза смотреть? — Женя очень торопиться. У него дела.

— Никуда я не тороплюсь, — опроверг он мою ложь. — Что может быть важнее, чем познакомиться с твоими родителями?! И почему ты мне не рассказывала, что у тебя такая молодая и красивая мать?

— О, ты преувеличиваешь, Женичка! — прикинулась моя мамуля, что это смутило ее.

— Ни в коем случае, Милочка! Можно я буду вас так называть?

— Непременно, — игриво улыбнулась она парню.

— Ведь я вас сначала принял за сестру или подругу Доши, так вы молодо выглядите, Милочка.

— О, ну ты мне льстишь, Женичка.

— Ну, спасибо тебе, Женя, — разозлилась я на него. — Значит, я выгляжу сорокалетней женщиной, да?!

К везению Жени, тут в гостиную вошел мой папа, сообщив, что ужин готов.

— Женичка, ты поужинаешь с нами? — спросила моя мама парня. — Отказа я не приму!

— Я и не собирался отказываться, — ответил Женя, заулыбавшись, как мартовский кот при виде кошки. — С преобладающим удовольствием я посижу с вами, Милочка, и с другими близкими людьми Доши за одним столом.

Как не странно, но за столом собрались все, даже Сергей Петрович приехал вовремя с работы, не задержавшись, как обычно он это делал. Конечно, как они могли пропустить такое событие. Доша привела в дом парня! Всем было любопытно взглянуть на него. И к моему большому удовольствию на их лицах я видела, что они все очарованы Женей. Кстати, Карасев как-то странно влиял на окружающих, особенно на женщин. Моя мамочка и Муся не отводили от него глаз, — прям я бы сказала, — поедая его всего, как свои любимые пирожные, которые вынужденно они избегают, чтобы не растолстеть ни на грамм.

— У тебя есть хобби, парень? — задал вопрос мой папа.

— Да, конечно. Я в свободное от работы время занимаюсь живописью, то есть рисую, ответил быстро Женя.

— Как интересно! — сказал Сергей Петрович.

— О, ты, художник, Женичка! — завизжала от восторга мамуля. — Как это замечательно!

— А ты рисуешь с натуры? — спросила Муся, лукаво улыбаясь ему.

— Да, естественно. Без этого художник был бы не художником.

— Может, как-нибудь на досуге ты меня нарисуешь, Женичка? — поинтересовалась

мама. — Я с преобладающим удовольствием тебе попозирую.

— Но это, наверное, тебе не приносит никакого дохода? — продолжал допрос папа.

— Пока нет, поэтому я вынужден работать.

— И где ты работаешь?

— Папочка, Женя, наверное, уже устал от твоих вопросов, — вмешалась я.

— В ночном клубе, — все-таки ответил Женя.

— И кем ты работаешь в клубе?

— Папочка, ты же еще не знаешь, что уже возвратилась в город бабулечка.

— Стриптизером, — отрапортовал Женя, ни сколечко не смущаясь своей профессии.

За столом повисла угрюмая тишина. Я, ни живая, ни мертвая сидела, вжавши голову в плечи, в ожидании торнадо, которое сейчас пронесется перед моими глазами.

— Ой, вы знаете, у Мусиной кошки такие милые котятки родились! — попыталась я хоть чем-то отвлечь их внимание от этой темы.

— Это ведь не навсегда? — спросил мой папа парня. — Просто на время?

— Конечно, Лев Борисович, — подтвердил его догадку парень. — Я не собираюсь до самой пенсии трясти своим задом перед глазами орущих от возбуждения женщин. У меня есть мечта и я ее непременно добьюсь. А пока надо как-то деньги домой приносить. Кушать ведь всегда хочется.

— Молодец, парень! — похвалил Женю папа. — В жизни нужно все уметь: и задом крутить, и деньги зарабатывать, и рисовать, и любить, но самое главное — быть всегда человеком с большой буквы. Мне в молодости тоже пришлось поработать стриптизером. Там я познакомился и влюбился в Милочку.

— Что? — изумилась я от такой новости. — Ты работал стриптизером и мне никогда об этом не рассказывал?!

— Вот это круто, Лев Борисович! — похвалила папу Муся, как то по-новому посмотрев на него после этого. Ну, конечно, теперь даже мой отец станет объектом обожания моей любвеобильной подруги! — Такой деловой и уважаемый всеми человек, как вы, когда-то работал стриптизером?! Если бы мне это кто-то другой сказал, никогда бы не поверила.

Теперь Муся вынуждена была крутить головой, чтобы любоваться то Женей, то моим папой, томно вздыхая по каждому из них.

47

Утром я спохватилась с постели, учуяв сквозь сон будильник. Так не хотелось вставать, но пришлось. У меня назначена на восемь важная встреча, и мне лучше не опаздывать, а то Потапенко еще рассердится и откажется рассказать все, что ему известно. Надев супердорогие и красивые джинсы, облегающую мою симпатичную попку, словно вторая кожа, а также мини-футболку розового цвета и шпильки-дрильки, я вызвала такси и пошла тихонько вниз. В доме было тихо, только с кухни доносились ароматные запахи и гроханье посуды.

Таксист тоже выглядел заспанным. Только бы в аварию не попасть! А то мне еще не хочется на тот свет, мне и тут пока хорошо. К счастью, таксист довез меня к академии в целости и сохранности.

Вокруг было еще тихо и спокойно. Студенты только начинают сходить ближе к девяти, кто-то и еще позднее. На меня нахлынули воспоминания. Вот, я студентка, спешу утром на пары с рюкзаком полным учебников и тетрадей. Как это некоторым девчонкам удавалось прийти в академию с маленькой сумочкой, в которую уместились бы только

пудреница, да помада? В военной академии, правда, училось немного студенток; большую половину парт занимали парни.

Так, например, в моей группе была только еще одна девчонка, не считая меня, — Муся. Мы с ней сидели, конечно, вместе за одной партой так же, как и в школе. В больших аудиториях к нам присоединялся Коля, и мы на переменах весело проводили время, обсуждая преподавателей, других студентов и материал, заданный по тому или иному предмету.

— Колянька, — прошептала я имя друга, — как же это несправедливо. Ты мечтал стать военным, как твой отец.

У меня застрял комок в горле, не дававший свободно дышать, а с глаз хлынули слезы.

— Я найду того человека, кто убил тебя, твою маму и отца. Обещаю тебе, друг, — мои глаза смотрели в голубое небо, такое чистое и красивое, и я пыталась разглядеть за всей этой красотой утешительный ответ от высших сил, касательно этого дела. Ну, должен же в такую минуту ко мне обратиться Боженька и сказать: «не волнуйся, мол, Дошенька, все будет «ОК», ты непременно найдешь убийц своего друга и их накажешь, справедливость восторжествует, я ведь, недаром здесь сижу на тучке, мне сверху все отлично видно! Только не теряй веры, дитя мое!»

Часы показывали уже десять минут восьмого, и я пошла, не спеша, к входу. Охранник спросил меня, почему я так рано.

— Или вы к кому-то пришли?

— Леонид Александрович назначил мне встречу.

— Его нет.

— Он просто опаздывает. Просто проспал, наверное. Я тоже еле встала, спать хотелось, прям жуть.

— Вы не поняли меня, девушка. Леонид Александрович уже никогда сюда не придет и вообще не проснется.

— Не поняла.

— Он скончался ночью от инфаркта. Недавно звонила его жена и сообщила об этом.

— Не может этого быть, — оперлась я об стену. — Я же с ним вчера разговаривала, и мы договорились о ...

— Такова жизнь! — пробубнил мужик поучительно, как будто я не знаю. — Жил-жил дядька и вот одного утро уже не проснулся. А вы что ли ему кем-то близким являетесь?

— Да, — быстро соврала я, чтобы вытащить из него информацию, интересующую меня. — Я его племянница ... двоюродная. Вчера увидела дядюшку в городе, и он обещал мне помочь с жильем. Я приехала поступать в институт. Че мне теперь делать? Идти то не к кому.

— А вы к его жене езжайте и поможете ей с похоронами, и утешите как-то.

— Я адреса не знаю, потеряла бумажку ... И что теперь делать?

— Да Потапенко жил напротив моего дома. Только он в элитном, а я в малосемейке. Счас тебе адресок накарякаю.

Взяв бумажку с нужным мне адресом, я поблагодарила охранника и пошла к метро. К нему от академии, как рукой подать. По дороге я набрала номер Жени с мобильного. Он долго не отвечал. Только с третьего раза я услышала его сердитый голос:

— Доша, тебе че не спиться ночью? Ты че трезвонишь? Нормальные граждане России в эту пору спят в своих кроватках.

— Женя открой глаза и ты увидишь, что солнышко давным-давно уже встало и большинство граждан России тоже.

— Точно, уже светло. Но я в такую рань никогда не встаю.

— Женя, скажи свой адрес, я еду к тебе.

— Что случилось? — забеспокоился он.

— Потапенко скончался ночью от инфаркта.

Записав его адрес, я решила, что быстрее будет туда добраться на такси, что я и сделала. Уже через пятнадцать минут я сидела на диване в Жени.

— У меня есть идея, — добавила я после рассказа. — Мы с тобой навестим сейчас вдову Потапенко и представимся студентами, горячо любившие и уважавшие своего ректора. Мы как будто от всех студентов посланные, понимаешь, чтобы выказать наше соболезнование.

— И что ты хочешь у этой кикиморы болотной, убийцы злющей узнать?

— Еще неизвестно она ли убийца.

— Доша, да теперь после смерти Потапенко я полностью в этом уверен. Убила она своего любимого муженька и все. Он стал ее подозревать и решил ее сдать милиции. Поэтому она его и убила.

— Это еще нужно доказать.

— Дошенька, да у тебя же в комнате хранятся улики против нее: нож с ее отпечатками пальцев и пленка, в которой она визнает свою вину, иначе бы она не платила Булдыгину.

— Вот мы ее навестим и сравняем голоса, и еще прихватим отпечатки ее пальцев.

— Как?

— Ну, дадим ей носовой платок и потом как-то его обратно заберем.

— У нее своих платков полно.

— Тогда стырим чашку или стакан, с которого она будет пить. Ведь она же непременно нас чем-то угостит.

— Ладно, попробуем, — наконец-то согласился Женя.

Я взяла у Карасева кроссовки, чтобы не идти к Ректорше на шпильках-дрильках, да еще от самого Версаче, ведь она непременно поймет поэтому, что я никакая студентка.

48

На машине мы добрались быстро до места, интересующего нас. Оставив авто в проулке, чтобы случайно Ректорша не увидела, как мы выходим из машины, наши глаза уставились на элитный восьмиэтажный дом. Рядом с ним стояла малосемейка, сильно похожая на заброшенный дом. Странно, что там еще кто-то жил. Разница между этими двумя зданиями была разящей.

Попали мы к Ректорше только после того, как консьержка позволила нам пройти после ее телефонного звонка к вдове, которая соизволила нас принять. По чистым коврам на полу мы тронулись в поиске квартиры под номерком 12. Двери с такой цифрой были на третьем этаже и из дорогого дерева сделаны. Сразу было видно, что хозяйева ни в чем не нуждаются. Женя нажал на звонок домофона и через пять секунд из дырочек прозвучал вопрос:

— Вы кто такие?

— Студенты вашего мужа, — ответил Женя.

— Зачем пришли? Вы что не знаете, что у меня горе.

— Мы пришли от всего студенчества академии выразить вам наше глубочайшее сочувствие. Мы все тоже очень скорбим по Леониду Александровичу.

Тут послышался щелчок, и двери пред нами открылись.

— Заходите, — сказала Ректорша.

Мы зашли. Вдова проводила нас в зал. Ректорша выглядела очень молодо, где-то лет на двадцать пять, хотя ей уже должно было быть за тридцать пять, приблизительно сорок. Она была высокого роста, примерно как я, волосы темно-каштановые, средний длины; фигура у нее была идеальная и сразу не скажешь, что она была похожа на жестокую даму-убийцу. Правда, внешность медсестры, давшая Ларисе Ивановне таблетки, полностью сбегалась с внешностью вдовы.

— Простите, что не предлагаю вам кофе или чай, но у меня все кончилось, а купить некогда, да и неохота. У меня умер дорогой и любимый муж, — при этом она промокнула глаза носовым платочком. — Но у меня еще остался сок. Я вам сейчас принесу по стакану. — Она встала с дивана и вышла с комнаты.

— Ну, как она тебе? — шепотом спросил Женя.

— Она выглядит, как жена, потерявшая действительно любимого мужа: вся в черном красными глазами и без макияжа ... Но за внешностью она совпадает с той медсестрой ...

— И за голосом с пленки тоже.

У меня от последних Жениных слов пошли мурашки по коже. Действительно голос с пленки принадлежит Ректорше. Как я сразу не заметила? Я просто слишком внимательно рассматривала ее внешность и забыла сравнить ее голос с голосом на пленке. И хоть она приятная на внешность, но она мне сразу не понравилась. Чем-то от нее веяло таким ужасным, от чего меня всю кидало в озноб и мне хотелось отсюда бежать быстрее.

Пока Ректорша ходила за соком, Женя за то время быстро спрятал в карман открытку, которая лежала на диване. Наверняка, мы найдем на ней отпечатки ее пальчиков.

— Вот ваш сок, — мило сказала вдова, поставив на столик поднос с двумя стаканами. Грейпфрутовый. Он немного горчит, но так должно быть. Этот фрукт по своей природе такой.

Мы выпили сок, поблагодарили вдову за внимание и угощение и ушли. Женя довез меня к отделению милиции Катошкина и уехал. Он обещал позвонить мне позднее.

Попав к Сергею Петровичу в кабинет, я его попросила дать на экспертизу открытку, чтобы получить отпечатки пальцев вдовы.

— Зачем? — спросил полковник.

Что я могла ему сказать в ответ? Только правду. Сергею Петровичу я никогда не врала. Он мне, поэтому доверял, как самому себе.

— Мы с Женей нашли убийцу Коли и Ларисы Ивановны, — сообщила я полковнику. — И еще Владимира Ильича ...

— Скажи еще Сталина.

— При чем тут Сталин? — не поняла я его. — Он же умер сам, а Владимира Ильича убили.

— Дошенька, чему вас учили в школе? В мое время даже пелвокласники знали, что Владимир Ильич умел своей смертью и его забальзамировали, и тепель каждый желающий его увидеть в глобу может осуществить свое желание, пледволительно выстояв длиннейшую очеледь.

— Да я говорю не о Ленине! — догадалась я в чем дело.

— А о ком?

— О Булдыгине, папе Коли.

— И кого вы подозреваете?

— Жену Потапенко.

— Лектола военной академии? — удивился полковник.

— Да. Этой ночью Леонид Александрович скончался от инфаркта. Но мы считаем, что она и мужа своего убила. А также врача Редькова, Елену Прекрасную, то есть Клару Норбатову...

— Постой, — остановил меня Сергей Петрович. — Давай по полядку.

И я все рассказала, что узнала об этом деле по порядку.

— Нужно было с самого начала сообщить мне, что у тебя есть улики против этой Потапенко. нож с кловью желтв и ее отпечатками, и пленка с ее голосом это же совсем длугое дело! Немедленно езжай домой и пливези улики.

— Сергей Петрович, я сейчас не могу, — возразила я. — Мне надо на работу. Я и так уже опаздываю на полчаса. После работы я вам привезу.

— Нет, мне надо сейчас.

— Тогда пусть Муся привезет. Я ей позвоню и попрошу это вам привести.

Полковник согласился, хоть и не охотно. Ему не очень-то хотелось доверять такую важную миссию своей дочери Муси, которой он бы не доверил даже сваритьпельменей. Он ведь считал ее белокурой куклой с полным отсутствием мозгов.

49

Чтобы не опаздывать аж на целый час, мне пришлось снова брать такси. Но к моему огромному удивлению в магазине были только консультантки. Ни Карла, ни других моделей, кстати, ни Смольного не было еще на рабочем месте. Неужели все они проспали? Я ведь сегодня тоже еле с постели вылезла. Помню, метеорологи говорили вчера о каких-то магнитных бурях и взрывах на солнце. Будто это влияет на всех людей. Вот, их прогноз хоть раз сбился! Мои коллеги по работе все как один дрыхнут еще в теплых кроватях. А я так спешила, даже потратила деньги на такси, чтобы быстрее приехать.

— Девочки, неужели никого еще нету? — спросила я у консультантов. — Вечно я прихожу раньше всех.

— А тебе что плохо? — странно улыбнулась кассирша. — Такая халява, притом оплаченная! Денег-то не вычтут за это из зарплаты. Садись и расслабляйся.

— Вот новые журналы принесли, — добавила другая девушка. — Не хочешь читать, так поспи еще чуток.

— Ой, Людка, я еле выползла с постели нынешним утром. Так спать хотелось, что не передать словами!

— У меня-то самое было, что у тебя. В момент пробуждения в восемь часов я ненавижу весь мир и больше всего работу. Переть в такую рань сюда за такие копейки!

— Точно.

Странные девицы! Притом не очень дружелюбные. С моделями-девушками они держатся на расстоянии. Наверное, завидуют. Считают, что наша работа медом намазана, и мы купаемся в роскошах, притом ничего не делая. Они думают, что ходить по подиуму — это наслаждение, и никаких усилий оно не требует. Как они ошибаются! Для меня делать макияж, одеваться как кукла, особенно надевать на ноги эти шпильки-дрильки — такое мучение, что хочется выть волком на луну.

Мои мысли прервал звонок. Я порылась в сумочке и отыскала мобилку.

— Алло.

— Доша, ты где? — услышала я голос Карла.

— Как где! — возмутилась я. — На работе, как подобает хорошему работнику. Вот ты где?

— Доша, я тебя забыл вчера предупредить. Вот только сейчас у твоих родителей узнал номер твоего мобильного и позвонил. А разве тебе Катя и Аня не сказали?

— Ты о чем?

— Каждую последнюю пятницу месяца мы все собираемся вместе и идем отдыхать, кроме продавщиц, конечно.

— На природу, что ли?

— Причем тут природа и отдых?! Мы люди, а не мартышки, чтобы на травке пикник устраивать!

Я хотела ему возразить, но он мне не дал и слова вставить.

— Мы на двенадцатую собираемся в закрытом элитном клубе «Бермуды». Прихвати с собой купальник.

— Карл мне еще не выдали зарплату, мне не на что жить, а ты хочешь, чтобы я тратила деньги в каком-то клубе! — разозлилась я.

Но в ответ я услышала только его хохот.

— Это мне говорит дочь семейства Острофановых, их единственная наследница такого капитала? Не смейся меня Доша. Чтобы через час ты была здесь, иначе я тебе это засчитаю за прогул и вычету из зарплаты.

Ну и работенку я себе нашла! Шантажируют и грабят сред белого дня!

— Доша, все расходы берет на себя наш Илюша.

Ну и Карл! Почему сразу это не сказал? Вот приду я туда и выскажу все, что я о нем думаю. Я отсоединилась и посмотрела на двух наглых девиц, хихикающих надо мной. Я даже не спросила у них, почему они мне об этом не сказали, ведь и так знала наперед, что они мне скажут. Зависть страшная штука! Представляю, как им, наверное, хочется попасть на такое мероприятие, притом бесплатное и еще оплачиваемое. Поэтому я встала и с высоко поднятой головой вышла из магазина, даже не взглянув в их сторону. Пусть бесятся от зависти и злости, курицы!

Так, мне снова придется брать такси! Ведь эти «Бермуды» находятся за городом. Мне рассказывала Муся. Она и моя мамочка всегда там тусуются. Я, конечно, там ни разу не была, хотя и имела такую возможность неоднократно.

Купальник я купила по дороге в клуб. Не ехать же за ним домой!

— Приехали! — рявкнул неприятно таксист.

И этот туда же! Хотя чему я удивляюсь? Люди, не имеющие возможности хорошенько шикануть, всегда завидуют тем, кто эту возможность имеют.

Заплатив нахалу, я побрела на своих шпильках-дрильках к воротам клуба. Странно, но я уже начинаю привыкать к такому мучительному хождению, и мне оно уже не кажется таким мучительным. Даже меня уже не заносит по сторонам, как раньше. Тогда на меня прохожие пялились и за моей спиной хихикали, а малые детки прямо выкрикивали: «Смотри, папуля, эта тетка ходит прям как наша мамуля, когда хлебнет лишнего». Маленькие дети имеют странную привычку повторять все за взрослыми, то есть за их родителями. Иногда можно такое узнать о семье, поговорив с их чадом!

50

Зайдя внутрь клуба, я поняла, почему завидовали те девицы и таксист. Это же был райский сад «Эдем»! На открытом пространстве, под солнышком раскинулось это

божественное местечко. Повсюду стояли гигантские пальмы-вазоны. Дорожки были сделаны из дорогого камня. Дальше я увидела огромных размеров бассейн с кристально-чистой водой, где плавали загорелые москвичи, а белые граждане столицы загорали еще в шезлонгах, пытаясь покрыться красивым и ровным загаром, который уже имели счастливики, плавающие в прохладной воде, в то время, как им приходилось ужасно жариться, словно куры-гриль под жаркими лучами солнышка. Повсюду стоял гам и шум. Люди весело беседовали и хохотали, охлаждая свои нагретые солнцем тела прохладительными напитками.

Услужливый официант мило предложил мне свои услуги, и я согласилась, чтобы он проводил меня к моей компании.

— Господин Смольный и его друзья отдыхают около второго бассейна.

— А что здесь еще есть один бассейн? — удивилась я.

— Да, госпожа Острофанова. Еще вы у нас можете принять грязевые ванны, массаж по желанию, сауну, если душа желает.

— Нет, спасибо. В такую жару мне не хочется в сауну. И еще не называйте меня госпожой. Мне не нравится.

— А как вас величать тогда?

— С меня хватит и девушки.

— Хорошо. Капризы клиента наш закон. Следуйте за мной, девушка Острофанова.

Услышав такое, мне захотелось ему объяснить, что не нужно так официально ко мне обращаться, но поняв за секунду, что это ничего не даст, я успокоилась и направилась за парнем.

Завернув за угол помещения, я увидела еще больший бассейн, чем первый, в котором брызгались водой и весело смеялись мои знакомые. Карл сидел на шезлонге со стаканом в руке и болтал мило с незнакомой мне женщиной, очень внушительных размеров. Увидев меня, он мне помахал рукой, приглашая к нему присоединиться.

— Ты все-таки пришла, — приветствовал меня мой начальник.

— Вы что-то желаете выпить? — спросил меня официант.

— Сок.

— Какой?

— Любой только не грейпфрутовый. Меня при одном только упоминании сразу начинает тошнить.

— Паренек, покажи даме, где тут можно переодеться, — попросил Карл.

— Следуйте за мной, мадам Острофанова.

В уютной комнатке, где можно было не только переодеться, но и посидеть на диванчике и поболтать с подругами, я встретила Иришу. Мы с ней тоже мило посплетничали на диванчике. От нее я узнала, что Смольный пришел со своей женой Люсиндой. Она оказывается сводная сестра Карла по маме, старшая от него на шесть лет. Вот почему Карл так вольно разговаривал с директором! Они же почти братья.

— Как хорошо! — прочирикала Ирина.

— Замечательно! — поддержала я подругу. — Вот так бы всю жизнь наслаждаться!

Мы лежали на шезлонгах и грелись на солнышке после водных процедур в бассейне. Наши молодые и чертовски привлекательные тела впитывали энергию солнечных лучей.

— Слышала, что ультрафиолетовые лучи солнца приводят к раку кожи?

— И не раз.

— И ты не боишься подхватить эту болезнь?

— Не-а.

— Почему? Может у тебя есть какое-то средство против этого?

— Конечно.

— Какое? Ну, поделись с подругой секретом! — настаивала Ирина.

— Мне не будет так страшно, потому что мы вместе заразимся этой болезнью и вместе будем украшены ужасной сыпью на коже, от чего все симпатичные парни будут шарахаться от нас, как от прокаженных.

— Мамочки, я не хочу быть уродиной! — завизжала в истерике Ирина, поднявшись из шезлонга. — Надо скорее отсюда ноги уносить. Доша, посмотри сюда. У меня тут чешется. Нету ли там уже сыпки?

— Нету, — спокойно ответила я, даже не взглянув на ее плече.

— Но ты даже на меня не взглянула! — рассердилась Ира.

— Ирюща, успокойся. Ложись и продолжай нежиться на солнышке. Я пошутила.

— Ничего себе! Ну, у тебя и шуточки, Дошка! Я чуть не поседела от ужаса.

— Ты сама начала. Ультрафиолетовые лучи вредны! Рак кожи можно получить! Фигня это все. И мобилки — вредны. Могут вызвать рак мозга, привести к опухоли. Да все это чушь собачья! Этим можно запугать только детей и лохов.

— Спасибо, что просветлила меня, лохушку, — съязвила Ирина саркастически.

— Всегда готова.

51

Жена Смольного, Люсинда, была блондинкой с большими достоинствами, но с небольшими умственными способностями, которая, правда, умело пользовалась теми, что были, когда дело касалось мужчин. Она с таким проворством умела убедить своего муженька в том, что ей было выгодно, что любая женщина ей бы позавидовала.

— Илюша, тебе вредно долго быть на солнце, — просюсюкала она.

— Не волнуйся обо мне, родная. Я силен, как бык и здоров, как ... как ... Геракл.

— Ты бы все-таки покрыл свою голову чем-то, а то у тебя нету волос, и я боюсь за тебя. Как бы ты с перегревом не попал в больницу, солнышко мое!

— Люсиндочка, умным и богатым всегда везет. У нас есть личный Бог богатства, и он каждого такого, как я защищает. Со мной ничего не случится.

— Хорошо, котик, ты меня убедил. Как тебе это удастся? Ну да! Таких, как ты все слушаются! Илюшенька, зайчик, ты бы принес мне стакан чего-нибудь прохладительного, — заворковала она ласково к муженьку. — Так жарко! Ох! Жуть, как пить охота.

— Конечно, лапонька, — вмиг согласился Смольный. — Одна нога там, другая тут.

Директор помчал в помещение.

— Пока он будет бегать за соком, — обратилась Люсинда ко мне и к Ирине, — то его черепушка хоть немного остынет от солнца.

Ну и хитрющая она! Так ловко заставила мужа сделать то, что она просила, он даже этого не заметил.

— Доша, смотри, — попросил меня Карлито. — Это кажется твоя бабушка. Она в открытом купальнике! Вот это женщина!

Я чуть не проглотила кусок лимона, облив себя напитком.

— Где?

— Вон там! — указывая рукой куда-то.

— Я не вижу.

— Доша, тебе пора вместо бабушки носить очки. Она и то тебя быстрее заметила. Вон машет рукой.

Я никак не могла заметить среди молодых и красивых женщин свою бабушку, пока Карл не подошел к одной из них. У меня от удивления широко открылся рот. Женщина с таким роскошным и еще совсем молодым телом оказалась моей бабулечкой?! Как же мне повезло! В ее возрасте я буду такой же молодой и подтянутой! Однако, вблизи все-таки черты лица выдавали ее возраст. Ей, конечно, нельзя было дать больше сорока в ее шестьдесят с хвостиком, и этим моя бабулечка пользовалась по полной программе. Возле нее вились молодые мужчины, которые готовы были приударить за такой обворожительной женщиной, да еще с туго-набитым кошельком.

— Госпожа Острофанова, какая неожиданная встреча! — поприветствовал ее Карл.

— Карлос, и вы здесь? Какими судьбами в «Бермудах»?

— Наш директор Смольный устроил всем его сотрудникам маленький отдых в раю. Все расходы, конечно, он взял на себя.

— Какой у вас замечательный руководитель! — радостно стала чирикать моя бабулечка.

— И не говорите! — иронично подметил Карл.

— Доша, маленькая плутовка! — обратилась рассержено она ко мне. — Почему ты меня бросила вчера в салоне красоты? Куда ты удрала?

— Бабулечка, не сердись на меня, пожалуйста, — стала я оправдываться. — У меня на то были серьезные причины.

— Какие?

— Э-э-э ... ы-ы-ы ...

— Не хочешь со своей бабушкой секретом поделиться? Ай-яй-яй! — закивала она пальчиком перед моим носом.

— Бабушка, не сердись. На то и есть секрет, чтобы его никто не знал. Ты ведь сама меня этому учила.

— Ах, гадкая девчонка, обводишь меня вокруг пальца моими же словами!

— Девочки, хватит припираться, — вмешался в наш разговор Карл. — Давайте лучше выпьем за приятную и неожиданную встречу.

— О, госпожа Острофанова! — удивился Смольный, вернувшийся быстро с соком для любимой женушки. — И вы здесь! Какой мир — тесный все-таки.

— «Бермуды» мое любимое место препровождения после салонов красоты и магазинов.

— Вы выглядите превосходно, мадам, — сделал Смольный комплимент бабушке, поцеловав ей ладошку в знак его глубочайшего уважения и искреннего восторга ее женственностью. — Впрочем, как всегда. Да, и по-другому быть не может. Ведь вы, мадам Острофанова, само совершенство, богиня красоты и молодости! Лицезреть вашу красоту я готов целую вечность! Только бы вы позволили своему ничтожному рабу пасть к вашим ногам. Но, увы, я этого не достоин!

Да ему в сериалах надо играть, он непревзойденный актер! Подумала я.

— Ох, Илюша, какой вы, однако, льстец! Умеете даме сделать приятно, — затараторила моя бабушка, при этом стеснительно вырвав свою ладошку из рук льстеца, как юная девчонка, которая до этого не слышала в свой адрес таких вычурных слов благосклонности.

— Котик, сделай еще одно приятное дело, — попросила Люсинда мужа. — Сбегай еще разок за выпивкой. Мы хотим отпраздновать такое событие.

— Конечно, лапуленька.

— И ты, Карлито, помоги брату с напитками, — потребовала женщина таким властным тоном, который не терпел пререканий и неповиновений.

— Конечно, сестренка. Пошли, братец, — сказал Карл Илье, обняв его рукой за плечо и игриво улыбнувшись ему.

— Убери руку, брат, — рассердился Смольный на Карла. — А то я за себя не ручаюсь.

52

— Мальчики, я все слышу! — подала голос Люсинда. — Прекратите ссориться.

— Кисонька, мы не ссоримся, — начал оправдываться Илье, послав жене воздушный поцелуй. — Мы просто мило беседуем.

— Ну-ну, зайчик! — помахала Люсинда ему пальчиком. — Я за вами наблюдаю.

“Мальчики” исчезли в помещении, а мы, “девочки”, принялись чесать языками на наши женские темы: мужчины, деньги, салоны красоты и магазины.

— Ох, девочки! — зачирикала моя бабулечка. — Какие шикарные туфельки я видела в одном бутике! Это что-то! Поверьте мне на слово. Я их купила. Не пожалела пару зеленых. Для себя любимой ничего не жалко. Такие удобные! Я в них бегала четыре часа по городу. Сперва салоны красоты, потом кучу магазинов обошла. А ноги мои ни капельки не устали! Притом, что туфельки на огромном каблуке.

«Ну, бабулечка дает! — завертелось у меня в голове. — Она проездила в лимузине четыре часа и считает, что от этого можно устать. Да я бы проходила четыре часа по городу на шпильках-дрильках и не устала бы!»

— Люсинда, а вы были в «Марко»? — спросила моя бабушка жену Смольного.

— Нет, — ответила та. — Я предпочитаю ходить только в «Лидию». Там я чувствую себя очень комфортно и персонал там профессиональный.

— Советую вам завтра же туда сходить. Это потрясающее место! А какой там массажист есть! Ах! — сладко и одновременно томительно вздохнула бабулечка. — Аполлон красоты! Смотрю на него, и глаза мои не устают. А руки у него словно волшебные! Я вся так и таю от его прикосновений. После этой процедуры я чувствую себя моложе на двадцать лет. Что там на двадцать! Прямо на все тридцать.

— Ох, Томочка! — воскликнула Люсинда. — От такого удовольствия я не откажусь. Завтра же запишусь к этому массажисту. Как его имя?

— Антоний. То есть Антон. Но я его так ласково называю. Золотой мальчик!

К нам подошел молодой человек в форме этого клуба. На руках у него была собачка.

— Госпожа Острофанова, — обратился он к бабушке, — ваша собачка уже покушала, сходила в дамскую комнату и ей сделали весь комплекс процедур, которые вы пожелали.

— Спасибо вам, молодой человек, — вознаградила она парня своей улыбкой. — Иди ко мне, моя пышечка! — просюсюкала она к собачке, протягивая к ней руки. — Ах, ты моя кисонька! — Усадила она собачку на шезлонг. — Ты хорошо провела время, моя кисонька?

Как странно обращаться к собаке, как к коту. Ну, завела бы себе тогда котика, и называла его по-кошачьи. Вот, и собачонка громко залаяла, наверное, ей также не понравилось такое обращение к ней, или просто сообщая, что она вся прямо истощилась от томительных процедур и поэтому требует немедленного утешения.

— Конечно, хорошо, моя радость, — продолжала тем временем сюсюкать к животному моя бабулечка. — Я же вижу, как тебе понравилась та тайская процедура.

— Гав-гав, — радостно лаяла собачка, виляя хвостом от восторга.

— А что это за тайская процедура такая? — с любопытством спросила я.

— Это массаж для собачек, очень чувствительных и ранимых, таких как моя Тиночка. Ей нужно постоянно расслабляться, чтобы хоть на некоторое время забывать все тяжести собачей жизни.

«Да о такой собачей жизни мечтают не только все дворняжки и те бедняжки в человеческом обличье, которых тяжко обделила судьба и уготовила жизнь полную трудностей и всяких бедствий! Эта Тиночка — самая счастливая сучка на Земле! Хорошо пристроилась возле моей бабушки. Та с нее пылинки сдувает и на руках все время носит. Она даже со мной так не носится, как с этой маленькой зверушкой. Одним словом, сучка еще та!»

— По собачке видно, что она забыла обо всех тягестях собачей жизни, — правильно заметила Ириша. — Если даже зверьку помог этот тайский массаж, то я бы сама испробовала на себе это чудо Китая!

— Этот массаж возник не в Китае, — исправила бабулечка Иришу, — а в Таиланде.

— Да какая разница, откуда он родом! Лишь бы помог мне избавиться от тягестей моей человеческой жизни.

— Не хочется вас расстраивать, Ириша, — добавила моя бабушка. — Но эта релаксация только для собачек.

— Ох, как жалко! — вздохнула тяжело Ирина.

— Но там есть специальные процедуры для людей, — поспешила утешить бабулечка Ирину.

— Разве у тебя есть какие-то проблемы, Ириша? — удивилась я. — С момента нашего знакомства я считала, что у тебя безоблачная жизнь. Ты всегда улыбаешься, шутишь ...

— Доша, а ты что хочешь, чтобы я к каждому человеку лезла со своими проблемами?

— Нет, конечно.

— Я никак не могу найти свою половинку. Понимаешь?

— Да. У меня та же проблема, — поддержала я коллегу по работе.

— И Карл тоже никак не найдет свою половинку.

— Какие мы, люди, все похожие друг на друга, — под итожила моя бабулечка. — Я после смерти мужа тоже никак не найду себе подходящую пару. Столько многих красавцев вокруг меня вьется, что я до сих пор никак не могу определиться, кого мне выбрать, — тяжело вздохнула она.

53

— Карлито, — обратилась я к своему начальнику, — мне Ириша тут шепнула на ухо, что ты никак не найдешь себе пару.

— Да, Доша, — грустно вздохнул Карл. — Ты спросишь, как такой красавец, как я, и без пары? А я тебе отвечу, что любят не за красу и не за деньги, и даже не за секс ...

Я кивнула головой, соглашаясь с его мыслями.

— ... а ... любовь приходит свыше, то есть дается Богом. И любим мы кого-то просто так, ни за что.

— У меня тут есть на примете одна особа. Могу познакомить.

— Ну, не знаю, Доша. Я как-то не люблю ходить на свидания вслепую. А вдруг мне не понравится та особа!

— Ну, ты же не собрался жениться на ней, просто поболтаешь и угостишь выпивкой.

— А как зовут эту особу?

— Мусей.

— Ой, какое хорошее имя! — обрадовался Карл, надпив глоток из стакана. — Ладно, я встречу с твоей Мусей. Когда?

— Я тебе перезвоню и сообщу позднее.

Под вечер я так загорела на солнце, что была похожа на красное яблоко. Загар ко мне прилипает моментально. Вот Ириша как пришла белой сюда, так и ушла с кожей снежного цвета, только нос у нее покраснел, и даже под конец кожа с него стала слезать.

Всю дорогу к дому я пыталась дозвониться к Мусе, но в моем ухе каждый раз звучало вежливо: «Абонент временно недоступен». Расплатившись с таксистом, я побрела к дому. И не успела я переступить порог дома, как мой мобильный затрещал. Я приложила трубку к уху, и оттуда понеслись злобные упреки Сергея Петровича.

— Зачем ты телефон отключила? — бушевал он. — Ты мне нужна позалез. Где тебя носит? Только не говори, что ты вкалываешь целый день на лаботе! Я туда звонил. Мне сказали, что ты сегодня и не лаботала. Я думал, что ты палишься целый день на лаботе, а оказывается ты палишься на солнце в каком-то элитном клубе!

— Сейчас я все объясню, — попыталась я угомонить полковника, но он продолжал меня укорять во всех смертных грехах мира сего.

Я вошла в дом и увидела в гостиной Сергея Петровича, орущего на меня в телефонную трубку. Он был так зол и рассержен. Еще никогда не видела его в таком состоянии. Мне всегда казалось, что его ничто не может вывести из себя. Но я ошибалась. Все мы живые люди и время от времени нам сносит крышу, отчего мы выливаем злобу, накопившуюся со временем на близких нам людей.

Отключив мобильный, я направилась к полковнику.

— Алло! — визжал он в трубку. — Доша, не смей блосать тлубку! Вот, гадкая девчонка! Все-таки отключилась.

— Сергей Петрович, — обратилась я к измученному работой полковнику.

— Алло, Доша, — продолжал он говорить с трубкой. — Я уже подумал, что ты отсоединилась.

— Так оно и есть. Я отключила мобильный и положила его в сумочку.

— Этого не может быть, — притих немного он от удивления.

— Почему?

— Если твой мобильный в сумке, то объясни мне, будь доблой, как я тебя слышу?

— Сергей Петрович, положите трубку, — попросила я его, — и повернитесь в сторону дверей.

Он сделал все, что я ему велела.

— Доша! — обрадовался он, увидев меня. — А я уже подумал, что медленно теляю лассудок.

— Что случилось? — спросила я его.

— Муся не плиехала с уликами в отделение, а мобильный ее не отвечает.

— Я тоже пыталась с ней связаться, но ее мобильный отключен.

— Ты ей звонила и плосила пливести мне улики?

— Конечно. Я ей все точно объяснила, что надо делать.

— Надо посмотлеть — заблала ли она доказательства.

— Точно.

Мы пошли в мою комнату. Кассеты и ножа не было на прежнем месте.

— Значит она забрала, — подытожила я. — Но почему она не явилась в отделении?

— Не знаю, — ответил полковник. — Я всегда говорил, что она безответственная глупышка с лазуклашенной молдочкой. Она ничего не умеет, кроме как тлатить деньги и ухлестывать за палнями. Мы же без этих улик не сможем даже обвинить жену Потапенко в ее злодеяниях.

— Вот так дела!

— У нас на нее ничего нету и если все те убийства дело ее лук, мы ее не сможем алестовать и посадить. И все из-за моей глупой дочки, котолая не может выполнить такое плостое задание — пливезти улики в отделение.

— Это не похоже на Мусю, — попыталась я оправдать подругу. — Вы к ней слишком несправедливы, Сергей Петрович. Она изо всех сил пытается заслужить ваше доверие и уважение.

— Угу, я вижу, как она пытается. Плям уже вся надолвалась от усилий! — съязвил полковник. — За что меня Бог наказал такой дочелью?

— Я ей звонила утром, а сейчас уже семь вечера, — начала я вслух размышлять, не обращая на болтовню полковника внимание. — Она могла уже сотни раз смотаться в отделение и привести улики. Если она этого не сделала, значит, ей кто-то помешал.

Оторвавшись на минутку от своих мыслей вслух, до моих ушей донеслось ругань полковника. Он все еще продолжал бранить Мусю.

— Ректорша! — выкрикнула я.

— Где? — оторвался полковник от своего занятия и обратил все свое внимание на меня.

— Это жена Потапенко, эта мерзкая и подлая убийца, помешала Муси привести вам улики. Я в этом уверена.

— О Господи! — Сергей Петрович весь изменился в лице от испуга. — Моя девочка! Пощади ее Господи и сохлани. Я не пележиву, если с ней что-то случиться.

Только после его слов ко мне дошло, что если Муся в руках Ректорши, то ей грозит опасность. «Хотя эта гадина всех свидетелей сразу убивала» — вспомнила я; к счастью в голос я этого не произнесла, а то не знаю, что случилось бы с Сергеем Петровичем, если бы он такое услышал от меня.

— О Господи! Муся! — с дрожью в голосе выкрикнула я от страха и ужаса. — Я тоже не переживу, если потеряю ее.

Мы сели с полковником на постель и тупо уставились в пол вместо того, чтобы действовать.

— Мы не должны позволить этой кикиморе что-то сделать плохое Мусе, — сказала я решительно через пять минут. — Я не позволю этой гадине отобрать у меня еще и Мусю. Она и так слишком много дорогих мне людей убила.

54

Вдруг в комнату ворвались котята. Они играли с клубком шерстяных ниток.

— Какие забавные малыши! — обрадовался Сергей Петрович.

Вспомнив, кому они принадлежат, я расплакалась.

— Мусинька, — забормотала я сквозь слезы.

Полковник обнял меня, утешая.

— Это я ее попросила привести улики.

— А тебя я поплосил.

— Нужно было мне самой поехать за ними, а не посылать Мусю.

— Но ты и так опаздывала на лаботу.

— Дурацкая работа! — еще сильнее заплакала я. — В то время как я загорала на солнышке и пила коктейль, моя подруга из-за меня попала в лапы убийцы.

— Холошая у тебя лабота, скажу я тебе, Доша! — попытался полковник меня развеселить.

— Замечательная! — улыбнулась я сквозь слезы. — И директор замечательный. Устроил своим сотрудникам отдых за его же счет. Мы целый день загорали в «Бермудах».

— Не надо себя в этом винить, Дошенька. Надо надеяться, что с Мусей все в поладке. Я свяжусь тут с кое-кем. И Мусю сегодня же найдут.

— Живую? — спросила недоверчиво я, взяв Черныша на руки.

— Живую, — кивнул утвердительно полковник и вышел с комнаты.

— Маленький мой! — просюсюкала я котенку, прижимая его к груди. — Не волнуйся, малыш, твою хозяйку найдут, и она даст вам вкусного молочка.

Однако, котенок решил не ждать так долго и принялся утолять свой голод, облизывая мое ухо.

— Неужели в таком огромном доме, как этот, некому тебя и твоих сестричек накормить? — заулыбалась я, даже и пальцем не попробовав оттащить Черныша от своего уха.

Я встала и двинулась с котятами на кухню. Там гремела кастрюлями и сковородками Анька, готовя ужин. Я открыла холодильник и попыталась найти среди горы продуктов молоко.

— Доша, счас будет ужин, — обратилась ко мне Анька. — Не надо себе перебивать аппетит. Никто меня в вашем доме не уважает! — обиделась она. — Вот уйду к Солотвиным! Будете тогда себе пальцы кусать оттого, что не удержали такую кухарку, как я! Вот сегодня эта новая домработница Нинка так убрала в гостиной, что мне после ее уборки пришлось еще час пылесосить и протирать полки от пыли! Она страшная лентяйка! Если бы она так метлой мела, как она чешет языком по вашему телефону за ваш же счет, то бы ей цены не было!

— Аня, я просто ишу молоко для котят, — перебила я ее нескончаемую болтовню.

— Молоко на третьей полке слева, — равнодушно буркнула она, продолжив возиться со своими кастрюлями и сковородками.

Я нашла упаковку молока и подогрела его. Потом налив в две мисочки, положила их перед котятами. Те с радостью набросились на молочко.

— Аня, тебе Муся не говорила, случайно, куда она сегодня собиралась пойти? — спросила я кухарку.

— Ну, она говорила, что пойдет к Тимуру, а перед тем забежит к папе на работу.

Не сказав спасибо Ане, я вытащила мобильный и стала рыться в поиске нужного номера. К моему большому счастью, номер этого парня у меня имелся. Я набрала его и стала ждать.

— Алло, это ты, Тимур? — спросила я парня, услышав мужской голос.

— Да, — ответил тот. — Вы кто?

— Я подруга Муси. Она у тебя не появлялась сегодня?

— Нет. Я, как дурак, просидел полчаса дома, дожидаясь ее. И прикинь, еще трубку не берет. Вот, стерва, а!

Я бросила трубку, не попрощавшись даже. Ну и парней находит себе Муся! Все до

единого, как и этот Тимур, — необычайные джентльмены!

Через полчаса обзвонив всех ее знакомых, номера мобильных телефонов, которых имелись у меня, — а их было немало, — я отчаянно села на диван. Все как один твердили мне, что ее сегодня не видели, и она им не звонила.

В гостиную вошел Сергей Петрович. Вид у него не был радостный, что не предвещало ничего хорошего.

— За Потапенко я поставил слезку слазу после твоего ухода из отделения, — начал он, присев рядом со мной. — Вдова не выходила из дома.

— Но к ней мог кто-то прийти, — предложила я.

— К ней приходили лазные люди, но консьелжка никого не пустила по приказу самой же Потапенко.

— Ну, она могла по телефону с кем-то связаться и заказать похищение Муси.

— Телефон прослушивался тоже. Ничего подозрительного они не нашли. Звонила в лазные похлонные службы.

— Но у нее непременно есть мобильный. Неужели ваши шпионы и его прослушивали?

— Конечно, Доша. А как же иначе! Ты, что нас всех за идиотов считаешь?! Ты что не доверяешь профессионалам своего дела?

— Эти лежебоки и лентяи, как вы однажды выразились, не учли одну маленькую, но очень важную деталь.

— Какую?

— Эта гадюка могла позвонить из чужого мобильного, который она одолжила на время или украдала. Например, подруги или друга. А еще лучше могла в сети переписываться. Ваши профессионалы учли это?

По выражению его лица я поняла, что я оказалась права.

— Какие еще меры вы приняли со своими профессионалами? — поинтересовалась я, начиная впадать в панику из-за переживаний связанных с исчезновением Муси и опасности, которая ей грозит.

— Все патлульные в голоде имеют фото Муси, и они пловеляют автомобили ...

Сергей Петрович замолчал. Он вытащил из кармана фото Муси и впился в нее глазами. Я поняла, что ему очень трудно сейчас, ведь это его единственная дочь, и он ее очень любит, хотя и прячет свои чувства, вечно сетуя на нее.

В гостиную вплыла моя мамочка. Она вся, впрочем, как и всегда, сияла от счастья. За ней вошел мой папаша. Он был тоже в хорошем настроении. Мне это почему-то так не понравилось. Как они могут веселиться, когда Муси грозит смертельная опасность!

— Какой замечательный вечер! — зачирикала мамаша. — Я чувствую, что в этот миг все люди на планете счастливы.

— Особенно Муся! — саркастически и злобно съязвила я. — Представляю, как она счастлива в лапах этой убийцы, Ректорши! Вся сияет от радости и удовольствия!

— Что ты такое несешь, Доша? — недовольно спросила моя мамочка.

— Правду, мама. Правду. Все люди в мире одновременно не могут быть счастливыми. Где ты такого бреда набралась? У себя в кружке для богатеньких Буратин?

— Доша, успокойся, — вмешался папа. — Скажи лучше, что случилось с Мусей?

Вместо того чтобы ему ответить, я расплакалась.

— Сергей, может, ты нам объяснишь, что тут происходит? — обратился папа к полковнику.

Сергей Петрович все им рассказал.

55

— Мусинька, моя девочка! — запаниковала моя мамочка. — Где она сейчас? Что с ней? Моя зайнька! Какой ужас! Какой ужасный день! Бедная деточка.

— Сережа, ты всех уже подключил к этому делу? — рассудительно спросил папа.

— Конечно, — ответил полковник, спрятав лицо в ладонях. — Осталось, плавада ..., - он замялся.

— Что? Не молчи, Сережа. Говори. Каждая минута ведь дорога. Зачем я тебе это говорю? Ты и сам знаешь.

Полковник встал и подошел к столику. Там лежал его рюкзак. Он вытащил оттуда блокнот, полистал страницы и остановился на одной, грустно уставившись туда. Потом он тяжело вздохнул и подошел к моему папе, протягивая ему блокнот.

— Вот этот, каландашом обведенный, — сказал он с такой болью в голосе, что мне захотелось снова расплакаться — Звони ты. Я не могу. — Он подошел к дивану и рухнул на него всем весом.

— Что это за номер? — удивленно спросил папа, всматриваясь в цифры.

— Это ... это ... м м-м-м ... молг, — наконец ответил полковник.

Услышав это, у меня потемнело перед глазами, ноги подкосились и чтобы не упасть, я сперлась о стену. В комнате наступила гробовая тишина, которую нарушил шум чего-то упавшего на пол. Все мы уставились на мою маму, лежавшую на коврике без сознания.

Всю ночь напролет мы навещали все морги Москвы. Нам пришлось осмотреть более шести тел девушек очень похожих на Мусю. К счастью мы ее не нашли в этих ужасных местах. Столкнувшись так близко со смертью, нам всем было ужасно горько на душе. Мы еле вышли из машины и как-то добрались в дом. Маму вел под руку папа, потому что она еле на ногах держалась.

— Столько молоденьких девушек..., - начала я говорить, сев на диван. — Им только жить ...

— А каково их родителям! — добавил папа.

— Это ужасно увидеть свою дочь бездыханную, бледную и холодную, лежащую на том столе..., - поддержала беседу мама, расплакавшись на плече у папы.

— Муся! — горько воскликнул Сергей Петрович, закрыв лицо ладонями. — Где же ты, моя девочка? — Его голос дрожал от слез и боли.

Ни у меня, ни у моих родителей не нашлось подходящих слов, чтобы утешить полковника.

В комнату вошла кухарка Анька. Увидев своих работодателей в таком состоянии, она сказала:

— Может блинчиков с мясом вам разогреть? Мне не сложно. Что так и не нашлась Муся? Охохошеньки! Горе-то, какое! — покачала она головой. — Тогда я вам вашу любимую цветную капусту пожарю. Хотите? — настаивала Анька.

— Спасибо тебе, Аня, — поблагодарила ее мама. — Но нам сейчас ничего в горло не полезет. Ты иди спать. И не стоило нас дожидаться.

— А я и не ждала на вас, — ответила Анька. — Я просто всегда в это время встаю. Пока картошки начищу, тесто на хлеб замешу ... ну и тому подобное.

— О Господи! — встревожилась мама. — Аня, прости ты нас за то, что мы тебе не доплачивали. Не думала, что тебе приходится ночью вставать, чтобы все успеть.

— Людмила Тарасовна, сейчас только шесть утра. Я обычно еще раньше встаю. Сегодня просто проспала.

— Так уже не ночь? — спросила моя мама рассеянно.

— Нет, конечно.

— Я и не заметила. Ну, где же Муся? — снова расплакалась мама, встав с дивана. — Где она сейчас? Что с ней? Я больше не могу так, Лева. Я с ума сойду.

— Милочка, не переживай ты так, — попытался утешить ее папа, обняв за плечи. — Она скоро вернется. Вот увидишь.

Вдруг запищал телефон. Папа взял трубку.

— Ах, это ты, Витя! — разочаровано сказал он охраннику поселка. — Машина ... Кто в ней? Ты не ошибся? А она жива?

Мы все внимательно стали слушать каждое его слово.

— Спасибо тебе, Витек! — радостно затараторил папа. — Нет, есть за что. Ты нам радостную новость сообщил. Спокойной ночи, Витек. Ах, да! Уже утро. Тогда спокойного тебе утра.

Папа поставил трубку и, улыбаясь, уставился на нас.

— Ну не томи нас, Лева! — крикнула мама, топнув ногой. — И так нервы все уже вымотаны!

— Пошли на улицу, — сказал папа. — Там все сами увидите.

Мы все быстренько выбежали на крыльцо. К нашим воротам подъехал джип. Дверца отворилась, и оттуда вышла Муся. Она помахала водителю ручкой и, не закрыв дверцу, тронулась к воротам. Она в одной руке несла босоножки, а в другой сумочку, размахивая ею во все стороны. Еще она радостно распевала детскую песенку:

— Ничего на свете лучше нету ... чем бродить с друзьями по белу свету ...

Ее волосы развевались на ветру, и она сама шаталась то ли от ветра, то ли от выпивки. Увидев всех нас, она удивилась.

— И что ты мне скажешь? — спросил Сергей Петрович дочь.

— Ой, прости, папочка! — икая, сказала она. — Совсем с головы вылетело к тебе заехать на работу.

— Где улики? — спросил снова полковник.

— К-какие у-улики? — икая, переспросила Муся.

— Кассета и нож, — сердито ответил он.

— А эти! — радостно воскликнула она. — Они в сумочке. Ты не переживай. Я их не потеряла. Берегла их, как зеницу ока. Я прям с них пылинки сдувала.

— Оно и видно. Вон сумочка вся испачкана в какой-то гадости.

— А это ... мы ... я... — пыталась что-то придумать Муся, но у нее плохо получалось, потому что ее мозги пропитались спиртным так, что притупили ее смекалку.

— Навелное, в компоте искупала, чтобы чище была. Дай сюда сумочку, пока ты ее в еще чем-то не искупала, — приказал Сергей Петрович, протягивая руку за сумкой.

Удостоверившись в том, что улики на месте и в полном порядке, полковник ушел в дом, даже не спросив, где ее носило всю ночь.

— Мусинька! — обратилась к пьяной в стельку девушке моя мамочка. — Славу Богу, ты жива и здорова! Где же ты была? Почему мобильный отключила? Мы тут из-за тебя всю милиции на ноги подняли, все морги Москвы объехали, все больницы обзвонили ...

Муся вытаращила свои глазки, пытаясь понять все то, что ей моя мамочка говорила.

— Зачем? Я же всегда так делаю, и папа это знает. А может и не знает. Он же приходит домой поздно и сразу спать ложиться. А утром я тихонько прихожу, чтобы соседей не разбудить.

Моя мамочка попыталась еще что-то сказать, но Муся, не слушая ее, двинулась в сторону дома.

— Милочка, давай потом поговорим, — отмахнулась она, — спать хочу так, что с ног валюсь.

56

Утром я встала в семь и начала собираться на работу, а если быть точнее, то вообще не спала, просто приложила на пару минут голову к подушке, а уже через секунду слышу — будильник орет на все горло: «вставай, вставай». Скажите, зачем мне в такую рань вставать, если мне надо на работу приблизительно к одиннадцати быть? Все очень-очень просто. Быть моделью не так-то просто, как кажется с первого взгляда. Большинство девушек думает, что эта работа совсем не утомительная и не требует от моделей никаких усилий с их стороны. Они считают, что ходить по подиуму каждая дура сумеет! А вы сначала попробуйте, а уже потом говорите всякие гадости относительно «вешалок», как их все называют за глаза. А вы хоть иногда задумывались, почему гламурные девицы из обложек разных журналов и экранов так эффектно выглядят?! Скажете, что природа их с лихвой наградила?! Не угадали. Не в этом секрет их красоты. Ладно, не буду вас томить и все скажу сразу, как оно есть на самом деле. До обложки в журнале или до дорожки на подиум — моделям нужно сделать кучу вещей. Начиная от депиляции, и заканчивая стрижкой ногтей, или как это сейчас по-модному называют — маникюром и педикюром, — девушкам еще нужно успеть сделать полную военную оснастку, как я это называю, то есть макияж, — разукрасить свое личико во все цвета радуги. А потом еще несколько часов терпеть издевательства парикмахеров и стилистов, чтобы в конечном итоге выглядеть, как кукла, перетянутая ленточкой, на которой написано «вав» и чтобы, читая это, все выкрикивали «вав, вав».

Умывшись, я сделала себе легкий макияж, который, однако, занял у меня целый час. Считаете, что можно справиться с этим за более короткое время?! Возможно. Однако у меня такое не получается. Я пока накрашу один глаз, то это действие займет у меня от десяти до двадцати минут времени, при этом я всегда умудряюсь несколько раз тыкнуть себе кисточкой в глаз. А это так неприятно, я вам скажу. А еще после этой процедуры я всегда выгляжу, словно панда-кунг-фу с черными кругами вокруг глаз. Сказочная картина! Называется — Золушка наряжается на бал.

Потом еще по пять минут уходит на каждый глаз, чтобы смыть все те шедевры, которыми я их разукрасила. А про помаду — я вообще молчу! Ровно ее нанести у меня с первого раза никогда не получается. Это просто кошмар! Жуткое зрелище! Я после этого выгляжу, как перекрашенный клоун. Только клоунам так можно выглядеть. Они ведь тем и зарабатывают, что смешат людей. А мне так выглядеть нельзя. Я ведь теперь профессиональная модель! Максимум, чем я должна смешить людей так — это красиво падать, дефилируя на подиуме. Такой себе умирающий лебедь! А вот выйти с криво-накрашенными губами — так это преступление, за которое карается — исключением из этой профессии навсегда. Поэтому окраска губ занимает у меня еще больше, чем окраска ресниц. И скажу только, что это еще ужаснее, чем красить глаза. Все время норовит карандаш выйти за рамки губ. Как Муся умудряется ровной линией с первого раза без карандаша нанести помаду? Это диво дивное для меня! А она постоянно хихикает, когда я ее

спрашиваю об этом и отвечает, что с этим умением нужно родиться.

Справившись кое-как с боевой окраской лица, я натянула на себя шикарное, короткое платье от Гуччи, а на ноги нацепила, как всегда в последнее время, шпильки-дрильки, ну, а в руку я взяла сумочку от какого-то дизайнера. Вот только его фамилию я начисто забыла. Помню только, что он любимый французский кутюрье моей бабушки. Чтобы сделать себе красивую прическу, у меня не хватило времени. Мне нужно было быть на работе ровно в десять, а до этого я должна была поговорить с Мусей на очень серьезную тему. Но перед этим мне надо было подкрепиться, потому что без вкусной и сытной пищи я не смогу сделать даже десять шагов на каблуках. Поэтому пригладив еще раз волосы рукой, я напрямик направилась на кухню. Однако, вместо обычной картины, то есть Аньки со сковородкой в одной руке и чайника в другой, я увидела пустую кухню. Такое бывает только по выходным, когда наша домработница ездит к своему сыну и внукам, чтобы тех повидать. Но сегодня, ведь не суббота и не воскресенье!

— Так-так-так! — уперев руки в бока, я стала кивать головой. — И зачем мы держим в доме кухарку, если она не выполняет свои обязанности?

Наверное, что-то с Аней случилось, если она не явилась на свое рабочее место вовремя. Надо будет выяснить это потом, а сейчас меня ожидает худшая вещь в мире — готовка пищи своими собственными руками. Я ненавижу готовить, притом и не умею! Но мне жутко захотелось почему-то жареной цветной капусты, поэтому мне пришлось закатить рукава и приступить к готовке. На самом деле у меня не было рукавов, и я просто надела фартук, чтобы не заляпать платье.

57

Открыв холодильник, я быстро его осмотрела в поисках цветной капусты. Как ни странно, но я никогда не видела этот овощ целым, я имею в виду, сразу с грядки или с магазина. Я видела его только уже приготовленным. Поэтому мне сейчас пришлось тяжело. Среди груды разных овощей мне кинулись в глаза два овоща. Но какой из них была цветная капуста? Полагаясь на удачу, я выбрала наугад один мне больше понравившийся овощ и начала над ним «колдовать». Ошпарив его кипятком, чтобы предохранить свой организм от нежелательных вирусов и микробов, я положила этот странный овощ на стол. Разрезав его на небольшие кусочки, я посолила их тщательно.

— Так! — задумалась я над тем, что дальше нужно делать. — Кажется, Анька перед жареньем этого овоща тыкала его в яйцо и муку.

Я взяла яйцо, избавила его от скорлупы и хорошенько взбила его венчиком. Обкатав все кусочки цветной капусты в муке, я вылила на них взбитое яйцо и тщательно перемешала.

— Так! А теперь заключительный этап — сковородка!

Достав эту посудину, я поставила ее на плиту и включила ее. Когда сковорода начала дымиться, я выложила в нее кусочки цветной капусты. Подливая время от времени в сковороду подсолнечное масло и оборачивая кусочки капусты, я, наконец, пожарила их до румяного цвета. Закончив жаренье, я накрыла сковородку крышкой, чтобы ее содержимое хорошенько пропиталось своим ароматом и достигло нужной кондиции. За то время я поставила на стол для себя тарелку, вилку и салфетку. Мой желудок напомнил про себя рядом странных звуков, исходивших изнутри моего тела.

— Уже девять часов! — воскликнула я, посмотрев на часы. — Надо немедленно приступать к трапезе, а то я опоздаю на работу.

Открыв крышку со сковороды — на меня хлынул приятный и очень вкусный аромат.

— Если на запах это блюдо такое аппетитное, какое же оно будет на вкус?! — сделав такую реплику, я приготовилась к трапезе. Это ведь моя первая стряпня, которую я приготовила собственными руками. В эту минуту я очень гордилась собой. Я не просто взяла что-то холодное и сварила его в воде или разогрела в микроволновке. Нет, я из сырых продуктов сделала что-то съедобное.

— Фу! — воскликнула я, жуя блюдо собственного приготовления. — Не съедобное! Бе! Сырая рыба!

Проглотив первый кусочек этой гадости, мое лицо исказилось до неузнаваемости.

— Почему оно напоминает сырую рыбу? — удивилась я. — Я точно помню, что вытащила из холодильника какой-то овощ. Не могла это быть рыба! Не могла! Я в этом уверена. Я еще не совсем дура, чтобы вместо капусты пожарить рыбу. Да и рыба должна иметь кишки, хвост ... глаза. А я ничего такого не нашла, нарезая этот «объект» на кусочки. Значит, это не рыба!

Наколыв на вилку еще один кусочек этой гадости, я откусила немного, тщательно прожевывая.

— А может, это какая-то разновидность морских пучин, неизвестная доселе мне? — задумалась я, доедая второй кусочек. — Мало что плавает в морских водах! С нынешним климатом и всемирным, глобальным потеплением в наших морях и океанах точно происходят изменения. Там может плавать все, что угодно!

На кухню ворвались котята и сразу громко замыкали, пялясь своими глазенками на меня. Как тут не расстрогаться! Я немедленно угостила их кусочком из своей тарелки. Но котята, понюхав по очереди неизвестный им продукт, отвернулись от угощения.

— Слава Богу! — вздохнула я. — Это не рыба. Ведь если бы это была рыба, то вы сразу набросились бы на сей продукт.

«Ладно, по дороге что-нибудь перекушу. А ведь еще нужно с Мусей поговорить. Но сначала надо припрятать неизвестный мне овощ, чтобы потом, вечером показать его Аньке. Она-то точно узнает это ННО».

Сейчас будете меня выправлять. Не ННО, а НЛО. То есть неизвестный летающий объект. Но я имела в виду — неизвестный несъедобный овощ.

Когда я вошла в комнату Муси, та дрыхла без задних ног. Я громко хлопнула дверью, чтобы разбудить спящую красавицу. Это мне удалось. Правда, проснулась она злющая-презлющая и сразу набросилась на меня с упреками.

— Дошка, ты, что с ума сошла! — вопила она что было силы. — Зачем ты меня разбудила в такую рань?

— Откуда тебе знать, какое сейчас время? — спросила я ее.

— Если я просыпаюсь, а мне хочется до одури спать, значит еще несусветная рань.

— Хватит хныкать, Муся. У меня к тебе серьезный разговор.

58

— А не пошла бы ты со своим серьезным разговором, куда подальше от меня! — сделала она мне столь лестное предложение. — Что ты себе позволяешь? Думаешь, если ты в своем доме, то можешь издеваться над своей гостью? Я думала, ты моя подруга ...

— А я и есть твоя подруга.

— Подруги не отбирают у своих подруг отцов! — злобно заявила Муся.

— Что ты такое несешь? — удивилась я.

— Не надо притворяться, что ты не понимаешь, о чем идет речь! Ты отобрала у меня

папу! Из-за тебя он меня презирает. Он всегда жалел, что ты не его родная дочь.

— Что ты за глупости несешь? — возмутилась я.

— Он все время мне дает понять, что я хуже тебя. А если не дает понять, то я сама замечаю это и понимаю. Он стыдиться меня, дочери, которая даже не может выполнить его простую просьбу — принести улики к нему на работу вовремя. Ты бы видела, с каким упреком и разочарованием он на меня вчера вечером смотрел! А я так бы хотела, чтобы он мною гордился и хотя бы чуточку любил.

— Муся, какая ты глупая еще! Да он тебя любит и очень тобой дорожит. Ты его маленькая девочка, которую он вынянчил с рождения.

— Не надо меня утешать.

— Дурочка, ты, Муся, притом слепая дурочка! Когда ты вчера не явилась к нему на работу с уликами, он все органы на ноги поставил! Мы тут еле с ума не сошли обзванивая всех твоих знакомых. Потом мы звонили в больницы ... а потом... — У меня на глазах появились слезы, голос мой дрожал. — Мы объездили все морги в Москве ... мы осмотрели больше десяти девушек ...

— Мертвых? — побелев, спросила Муся.

— Твой папа расплакался прямо перед нами на глазах, когда мы вернулись домой. Он был таким несчастным, думая, что Ректорша расправилась с тобой. А он не мог ничего против этого сделать, ведь у него не было никаких улик против нее, кроме тех, что имела ты.

— Значит, он меня любит? — с красными глазами спросила она.

— Конечно, глупышка, — улыбнулась я ей.

— Я отвратительная подруга. Как я могла так о тебе думать? Я ведь не только считала, что ты украли моего отца. Я также завидовала тебе.

— Мне? В чем?

— Ты никогда не толстеешь, притом жрешь все, что в тебя влезет. А я все время на диетах! Одну морковку грызу! У меня уже зубы болят от этого. Вот вчера проверяла — я опять набрала четыре кило! Это ужас!

— Муся, это все глупости по сравнению с тем, что пережил твой папа, да и мы все, разыскивая тебя. Зачем было отключать мобильный?

— Нет, это не глупости. Еще я тебе жутко завидую в том, что ты работаешь моделью. Ты же знаешь, что я мечтала стать моделью. Но с моими-то данными лучше сразу утопиться!

— Ты что, Муся?! — удивилась я словам подруги. — Да ты же такая красавица! На тебя каждый прохожий заглядывается, начиная с подростков и заканчивая пенсионерами! Ты меняешь парней, как перчатки!

— Я хоть и красавица, но с лишними килограммами и маленьким ростом не берут в модели. А со своим хилым здоровьем мне не стать военным, как того хотел папа. И еще при всей своей красе мне не заполучить того единственного ... в которого я ... влюблена.

— Ты влюбилась? Когда? В кого?

— Еще в академии.

— И ты мне ничего об этом не сказала? Какая же ты после этого подруга!

— А не о чем было рассказывать. Он на меня не обращал внимания.

— Как можно было на тебя не обращать внимание? Да он, наверное, какой-то гей был! Не надо из-за него так переживать, Муся.

— Никакой он не гей, — возмутилась Муся моим предположением, злобно надув губки и бросая в меня свои хищные взгляды.

— Значит, дурак! Как можно было не взглянуть на лучшую девушку в мире?

— Нет, он не дурак, Доша. И он выбрал самую лучшую девушку, которую я когда-либо встречала.

— Ты знаешь эту девицу?

— Да, Доша.

— И кто она? Я ее знаю?

— Да, ты ее знаешь.

— Ну, кто она? Не томи меня! Говори уже, раз начала.

— Это ты, — тихо ответила Муся, глубоко вздохнув.

— Ты шутишь! — рассмеялась я.

— Если бы! Хотя я и жутко тебе завидую, что он любит тебя, но я также очень и рада за тебя. Ты этого заслуживаешь.

— Я ... я ... не знаю, что сказать.

— А не надо ничего говорить. Просто береги его. Он хороший парень.

— Муся, но у меня нет парня! — воскликнула я, потрясенная услышанным. — Ты что-то плутаешь!

— Хотя вы пока и друзья, но он-то хочет большего, чем дружба.

— Муся, ты влюблена в Карлито?! — спросила я, ужаснувшись от этого.

— Нет. Я говорю о другом твоём друге. О нашем совместном знакомом. Он тоже учился в академии.

— К-к-к ..., - попыталась я вымолвить имя.

— Нет, это был не Коля. Коля же умер. Да и как я могу желать тебе счастья с парнем с того света? Ты что, Доша? Я говорю о Жене.

— Ты влюблена в Женю Карасева? Вот это да! Я ведь тоже была в него влюблена в академии. Представляешь, мы любили одного парня!

— Только сейчас он полюбил почему-то тебя, а не меня.

— Нет, он меня не любит.

— Любит, Доша! Я же не слепая! — рассержено сказала Муся.

— Зато я его теперь не люблю. Я люблю другого парня.

— Неужели?

— Конечно, мне нравится то, что сам Женя Карасев обратил на меня свое внимание, но я не собираюсь с ним крутить шашни.

— Точно?

— Точно. Мусинька, ты непременно должна его покорить. Я уверена, что у тебя это получится. Если у меня вышло, то ты его охмуришь за день. Ты же такая красавица!

59

Уговорив Мусю пойти на свидание с Карлом, я вызвала такси. Конечно, не хорошо обманывать подругу, но и предать Карла, своего друга, я тоже не могла. Не красиво было бы сообщить ему, что Муся отказалась от свидания, ведь я его сама уговорила на это, соврав, что она с удовольствием пойдет с ним в ресторан или еще куда-нибудь. Еще я наврала Муси, что если Женя увидит ее в компании другого парня, то он начнет ее ревновать. И она согласилась на двойное свидание: она с Карлом, а я с Женей. Я ей пообещала, что буду пускать бесики глазами Карлу, всяко давая ему понять, что я не ровно дышу к нему, также этим я сообщу Жене, что я им не интересуюсь, и это заставит его обратить свое внимание на Мусю.

Такси остановилось около магазина «Super Star». Я отдала деньги таксисту и вышла из салона машины.

— А не рановато по магазинам бегать? — спросил саркастически таксист. — Они не скоро откроются! Долго тебе придется тут куковать, красавица!

— Я работать иду, а не на шмотки смотреть! — выпалила я рассержено, захлопнув дверцу.

— Ага, работать она идет! — ворчал про себя работник службы такси, закатив про себя глаза. — Ты перепутала, дорогуша, ночь с утром. Твои уже давно сейчас где-то дрыхнут после отработанной ими смены!

Пока ко мне дошло, что меня обозвали ночной бабочкой, такси уехало за доли секунды, при этом выражение лица таксиста было столь лесного мнения обо мне, что такой дурой я еще никогда в жизни себя не ощущала!

«Ничего не скажешь! Удачное начало дня!»

Я направилась в сторону своего рабочего места, которое оказалось еще закрытым, хотя уже была половина одиннадцатого. Странно, что никого нету. А может Смольный опять устроил какую-то пирушку, а меня, как всегда, никто не предупредил? Хотя это маловероятно. Ведь только вчера мы отдыхали в «Бермудах». Я точно помню, как Карл говорил, что каждую последнюю пятницу месяца Смольный устраивает праздник для работников магазина. Сегодня не может быть опять пятница. И два дня подряд один и тот же день не может быть!

Я почесала затылок и внимательно уставилась на свое отражение в витрине магазина.

— Пятница? — спросила я у своего отражения, широко открыв глаза. — Если вчера была пятница, то сегодня выходит суббота?

Я обернулась в сторону дороги, по которой изредка проезжала хоть какая-то машина. А вокруг меня я не увидела ни одного прохожего.

— Дура, я безмозглая! — стала я бранить саму себя. — Выбраться из дома в субботу в такую рань!

В этом районе находятся только элитные бутики. А так как элита на уикенд улетает куда-нибудь отдохнуть подальше из шумной столицы, то и магазины не работают в выходные.

Как назло я забыла свой мобильный дома, и мне не было из чего вызвать такси, чтобы добраться обратно домой. На мое несчастье в субботнее утро все таксисты страны спокойно отсыпались в своих кроватках и мне, поэтому не встретилось ни одно заржавелое «корыто» по дороге в метро. А находилось оно от магазина очень и очень далеко. Конечно, желающих меня подвести — не было отбоя. Всю трассу возле меня останавливались машины, чтобы сделать доброе дело и подвести бедную девушку, чье убранство так и кричало о ее ночной профессии.

И почему это моделям нужно одеваться, как уличные проститутки?! Злилась я. Конечно, это красиво и сексуально. Все мужские взгляды прикованы к тебе. И мне за последнее время это стало очень и очень нравиться. Быть красивой и желанной — очень приятно, я вам скажу. До этого на меня парни вообще не обращали внимания. Ни в школе, ни в академии. Меня это сильно огорчало, хотя я и делала вид, что мне на это наплевать. А на самом деле быть красавицей — очень, ну очень мне нравится!

Добралась я ворот своего дома только в час дня. Ругая свою мать всеми плохими словами, которые были мне известны, я вошла в дом. Это ведь была ее идея построить дом в элитном поселке, который находится почти на краю света от Москвы. Поскольку сюда

метро еще не провели, мне пришлось идти к поселку еще полчаса под палящими лучами жаркого солнца на своих полуметровых шпильках-дрильках. Желудок мой урчал от голода, сама я была похожа на пережаренное яблоко. Но хуже всего то, что по дороге в этот чертов элитный поселок мне не встретился, ни один магазинчик, где я бы смогла утолить свою жажду. А пить мне хотелось ужасно! Я пересчитала все пластиковые бутылки из-под минералки, встретившиеся мне по дороге. А их было много. Не умеем мы, люди, жить в чистоте и гармонии с природой! Надо везде нагадить, чтобы после нас уже никто здесь не жил.

60

В гостиную я увидела моих предков. Они сидели на диванчике в компании котят, которые лежали на их коленях и сладко мурлыкали.

— Доша, ты, куда ездила в такую рань? — спросила меня мама. — Да еще в субботу.

— Так по делам, — соврала я, усевшись между ними.

Я немедленно сняла со своих ног дурацкие босоножки и бросила их через диван.

— Пить! — потребовала я, как разбалованный ребенок. — Дайте мне пить! Воды! А то иначе умру от жажды!

Папа взял колокольчик и позвонил. Через минуту в комнату вошла какая-то девушка в платье горничной.

— Что-то желаете, Лев Борисович? — с заманчивой улыбкой спросила девушка.

— Воды! — простонала я вместо папы. — Много воды!

— И быстрее, милочка! — добавила властным тоном моя мамочка. — Моя дочурка изнывает от жажды!

Горничная ушла. Я взглянула на маму и поняла, что бедная девушка не продержится и дня в нашем доме. Мама жутко ревнива и не потерпит, чтобы какая-то пигалица лукаво улыбалась папе, притом демонстрируя все свои девичьи прелести. Таких девиц моя мамаша выгоняла в три счета. Правда, я никогда не понимала, почему она так жутко ревнует папу, ведь он ни за что не изменит ей, слишком уж он был в нее влюблен.

Через минуту моя вода была доставлена. Я набросилась на стакан и в доли секунды его опорожнила. Мои родители, включая горничную, уставились на меня, как на прокаженную.

— Принеси еще, — попросила я девушку. — Сделай милость.

— Конечно, Евдокия Львовна, — ответила горничная и ушла.

— Евдокия Львовна?! — ужаснулась я тому, как ко мне обратилась девушка. — Что за бред? Кто ее научил так ко мне обращаться?

— Я, милая, — ответила спокойно моя матушка. — В приличном доме обычно прислуга обращается к своим хозяевам и их детям по имени и отчеству. Ты — ведь Евдокия Львовна. Что тебе кажется странным в том, что эта девушка так к тебе обратилась?

— Мама, ты ведь знаешь, как я ненавижу мое полное имя, — взбесилась я. — Ты специально ее научила это делать, чтобы меня дразнить и выводить из себя?

— Да кажется — нет.

— Доша, что с тобой? — удивленно спросил папа. — Ты не заболела?

— Нет, папа, со мной все в порядке, — ответила я, тяжело вздыхая. — Зовите меня с этой минуты Евой, на крайняк — Дошей. Ясно? И еще я забыла мобильный дома. По дороге в метро я не встретила ни одного таксиста. Я прождала в метро еще час на нужный поезд. Добралась последней станции и оттуда пешком под палящим солнцем на огромных каблучицах больше полчаса шла я домой.

— Поэтому мы тебе подарили в день твоего двадцатилетия порше, — услышала я голос мамы, — но ты, Дошенька, отказалась на нем ездить, объясняя это тем, что ты не хочешь, чтобы другие твои одноклассники чувствовали себя ниже классом!

— Я полностью поддерживаю маму, — вмешался в разговор папа. — Теперь ты сама видишь, почему хорошо иметь свой личный транспорт.

Они были правы на все сто, поэтому я, молча, ушла в свою комнату, чтобы немного поспать, но не успела я насладиться покоем, лежа на постели, как в мою комнату вломилась Муся, вопя во все горло что-то понятное только ей одной.

— Пошли, — услышала я наконец-то, когда она прекратила свои вопли.

— Куда?

— Вниз.

— Зачем?

— Так я же тебе только что объяснила, — уставилась на меня Муся, хлопая непонимающе глазами.

— А я только что проснулась.

Одним словом, она меня все-таки выгнала из мягкой постельки и стащила меня вниз. Мои родители по-прежнему сидели на диване с котятами на коленях, только поменявшись местами. И еще рядом с ними сидел теперь Сергей Петрович. На его коленях лежал Черныш мурлыкая, как паровоз.

— Садись, Дошенька, около меня, — попросил полковник. — Ведь только благодаря тебе мы смогли засадить эту убийцу за решетку!

При этих словах я аж села на диван в оцепенении.

— Вы арестовали Ректоршу? — взволнованно задала я вопрос.

— Кого? — не понял полковник.

— Ну, жену ректора Потапенко!

— Да, Доша. Мы ее арестовали и ей тепель светит пожизненно за все ее убийства.

— Значит, отпечатки на открытке совпадают с отпечатками на ноже?

— Да.

61

— Значит, Колинку и Ларису Ивановну убила эта гадина? — поправив волосы, задала я очередной интересующий меня уже больше недели вопрос.

— Да, это ее лук дело.

Полковник попросил нас не перебивать его, иначе он что-то забудет.

Агнесса Потапенко родилась в семье простых рабочих. Ее отец, Иван Буйков, работал строителем. Он часто подрабатывал на разных шашках и ему, кроме денег давали еще спирт. Так он втянулся и со временем стал запойным алкоголиком. После работы он всегда приходил под градусом с бутылкой водки. Иван колошматил свою жену, если она к нему лезла с нотациями. А маленькой дочкой он и вовсе не интересовался.

Мать Агнессы тоже не баловала свою дочурку. Девочка ходила в старой, рваной одежде и почти всегда грязная и непричесанная. В детском саду дети ее прозвали Грязнулей. Конечно, денег у бедной женщины на дорогую и красивую одежду для дочери у той не было. Но та всегда могла лишний раз причесать и умыть девочку и залатать рваную одежду, чтобы бедная девочка не была изгоем в обществе.

Когда Агнессе было четыре года, Иван после очередной пьянки с друзьями стал бить жену. Галина, защищаясь, впихнула в мужа кухонный нож. Иван скончался в больнице, а

Галину посадили на десять лет. Девочку забрали социальные службы в детский дом.

Агнесса, к сожалению, уже вышла из того возраста, в котором чаще всего семейные пары удочеряли девочек. Родители хотели, чтобы малышки запомнили их, как своих настоящих родителей, поэтому засматривались только на девочек не старше двух лет. Но к большому счастью Агнессы на нее положила глаз Татьяна Игоревна Рыбакова, жена местного бизнесмена. Девочка была чрезвычайно красива с огромными голубыми глазами и длинными, черными, как смоль, волосами. В ее венах текла кровь цыган, которые ее и одарили такими волосами. А голубые глаза у нее были от европейских потомков.

Семья Рыбаковых были бездетными уже долгое время. Обоим супругам уже было перевалило за тридцать пять, и они хотели девочку старше трех лет, которая уже бы могла ходить сама на горшок, есть без сторонней помощи и говорить.

Вениамин Рыбаков быстро оформил документы об удочерении Агнессы, заплатив кому надо и сколько надо, и почти через месяц в их двухэтажном доме наконец появился ребенок.

Девочка походила на ангела с крылышками! Она была тихая, послушная, аккуратная, вежливая и нежная, все время ластилась к своим новым родителям, как маленький котенок. Рыбаковы были безумно счастливы. У их знакомых их собственные дети мало радовали родителей, вечно делая все не так, как их просили о том, или об этом.

Агнессе судьба сделала большущий подарок, избавив ту от ее же родных, испорченных родителей и вместо этого одарив ее новыми папой и мамой. Ведь с отцом-алкоголиком и неряшливой мамашей ее бы ожидало грустное будущее. А вот с Рыбаковыми ей светила светлая, богатая и счастливая жизнь.

В детский садик Рыбаковы не дали Агнессу, посчитали, что ей нужно было время, чтобы освоиться с ее новым домом и родителями. Татьяна наотрез отказалась взять в дом няньку, поэтому сама решила сидеть дома с девочкой, пока та не пойдет в школу. Для этого она даже уволилась с любимого места работы. Но она не жалела о сделанном ею. Татьяна была безумно счастлива в роли матери такой замечательной девочки. Все ее подруги завидовали ей.

— У тебя просто ангелочек, а не девочка! — любила все время повторять ее лучшая подруга Крися. — Нужно было и мне взять ребенка в детдоме! А то намучилась, рожая его, грудь теперь вся обвисла, по телу полно растяжек, живот, как кошмарный сон! При всем этом от него не дождешься ни капли уважения. Что уже говорить о благодарности с его стороны!

— Крися, ты преувеличиваешь, — пыталась Татьяна переубедить подругу. — Твой Андрюша такой зайнык! Может, чуть-чуть избалованный. У него это со временем пройдет. В пять лет все детки капризничают, требуют, таким образом, к себе больше внимания от родителей.

На пятилетия Агнессы Рыбаковы устроили большой праздник для девочки, пригласили всех своих друзей и знакомых с их же чадом. Имениннице подарили много подарков. Лучшая подруга Татьяны Крися подарила девочке щенка, перевязанного красной лентой в виде огромного банта. Агнессе собачка очень понравилась, и она вежливо поблагодарила тетю за подарок.

Когда щенка увидели и остальные дети, то все не могли нарадоваться собачке: гладили его все время, играли с ним в “догонялки” и называли его-то Лапочкой, то Бегемотиком.

— Почему Бегемотиком? — не удержалась я и спросила полковника, перебив его рассказ.

— Из-за его животика, — ответил мне спокойно Сергей Петрович. — Но на следующее утро после праздника щенок потелялся. Его искали везде и все-таки нашли, но мертвого у дома. Бедного малыша кто-то сбросил с второго этажа, отчего он и умел.

— Какой кошмар! — закричала моя мамаша, ужасная любительница собак. — Бедный малыш! Что он пережил, бедняжечка!

— Кошмар не в этом, Мила, — перебил ее полковник.

— А в чем может быть кошмар, если не в этом? — возмутилась она. — Бедного щеночка сбросили безжалостно со второго этажа!

— Кошмар в том, что щенка хладнокловно и безжалостно сбросила со второго этажа маленькая девочка, любимица всех, обожаемая дочулка лодителей ... словом ангелочек!

Мы все на минуту замолчали, пребывая в ужасе.

— Агнесса? — спросила Муся папу, первая придя в себя после шока.

— Да.

62

— Но почему?

— Как сама нам ласказала вдова Потапенко на доплосе — она плосто плеленовала щенка, — начал объяснять полковник.

— К кому? — попыталась я понять невозможное.

— Ко всем, — ответил он. — Во-первых, к детям, с котолыми она иглала. Они вместо того, чтобы с ней иглать — увлеклись щенком, бегая за ним повсюду. А во-вторых, Агнесса учуяла опасность в этом звелке.

— Как щенок может быть опасным? — снова перебила рассказ полковника моя мама.

— Из слов алестованной я понял, что она левновала щенка к матели. Татьяна на плазднике назвала щенка ангелочком. А так она всегда называла ее, Агнессу. В общем, чтобы в доме не было еще одного ангелочка, кломе нее, маленькая девочка избавилась от конкулента.

— Ужас! — воскликнул мой папа. — Неужели после этого Рыбаковы оставили у себя этого изверга?

— А они и не подозревали тогда, что это было дело лук их ангелочка!

— Да, она — сумасшедшая! — крикнула я. — Вы ее показывали психиатру?

— За доплосом следила психиатр Волобьева. Она сообщила нам, что Потапенко полностью здолова. Но мы будем в этом полностью увелены после полного психического осмотра, котолого потлебует, конечно, ее адвокат. Я увелен, что она полностью здлавомышляющая, и она неплеменно холошенько заплатит адвокату, чтобы тот подкупил в психбольнице кого надо, и они после осмотра сообщат, что Агнесса Вениаминовна Потапенко психически-невменяемая особа. И ее из-за этого не отплавят на зону, а поместят в психушку на вечное лечение. Это куда лучше, чем зона, вы со мною согласны?

— Да, — хором согласились все мы.

— Неужели Рыбаковы так и до сих пор не знают, что их цаца-доча такое сотворила со щенком? — поинтересовалась я.

— Они стали ее подозревать в этом только после ужасного несчастья, случившегося с ними.

Когда Агнессе исполнилось десять, Татьяна забеременела, и Вениамин стал пушинки сдувать с жены. Ей же было сорок два года, и это была ее только первая, такая долгожданная беременность. Врач-гинеколог положил Татьяну в больницу уже на четвертом месяце на

сохранение. Она должна была лежать в больнице до самых родов из-за огромной опасности выкидыша. Ей было запрещено любое волнение, а, особенно, резкие движения, которые могли плохо сказаться на беременности.

Прошло три месяца. Татьяна была уже на седьмом месяце. Все шло хорошо и ничто не предвещало беды. На новый год врач сжалился над пациенткой, которая уже три месяца не бывала дома, в кругу семьи, и отпустил ее на три дня домой отпраздновать этот праздник со своими близкими. Только она его так и не справила из-за преждевременных схваток. Ее сразу же отвезли в роддом. У нее начались роды на седьмом месяце беременности. Во многих случаях семимесячные малыши умирают. Так же случилось и с новорожденным сыном Рыбаковых. Он был слишком слаб, чтобы выжить. Татьяна находилась в реанимации. Она потеряла слишком много крови, хотя ей и делали кесарево сечение. Врач сообщил Вениамину, что есть огромная опасность, что его жена умрет. У Рыбакова было слабое сердце, ему было уже пятьдесят пять. Услышав такую новость, у него случился инфаркт. Славу Богу, это случилось в больнице, где ему вовремя оказали помощь, и он быстро оправился, узнав, что его жена уже в не зоны риска.

Татьяна очень страдала из-за потери сына. Ее не было, конечно, на похоронах младенца. Организацией похорон занимался муж Криси. Вениамин еле упросил врача отпустить его временно туда, чтобы простится с сыном. На похоронах также была Агнесса. Вениамин заметил, что его дочка даже слезы не пустила во время похорон, а наоборот ее глаза странно улыбались.

Сергей Петрович умолк.

— Преждевременные роды — это тоже дело рук Агнессы? — задала я вопрос.

— Да.

— Но зачем ей было избавляться от еще не родившегося брата? — поинтересовалась Муся.

— Я поняла, — сказала я, встав. — Именно для того, чтобы он и не родился. Она не хотела делить внимание своих родителей, их любовь и заботу, тем более с их настоящим ребенком. Агнесса знала, что она удочеренная ими, и помнила, как впервые вошла в их дом.

— С ее слов я понял — она боялась, что ее станут любить меньше или вовсе ласкуют и отплавят облатно в плюют.

— Это ужасно! — молвила моя мама.

— Пригрели в своем доме изверга! — добавил папа.

— Но как она добилась того, чтобы у Татьяны начались преждевременные роды? — пыталась я понять этот факт. — И откуда такая маленькая девочка могла знать, что приводит к этому?

— Когда я услышал, как она этого добилась, то я понял, что эта девочка еще тогда была хладнокловной, умной, хитлой и безжалостной убийцей.

Этот план Агнесса строила с того момента, когда Татьяну положили на сохранение в больницу. Она слышала, как Вениамин говорил неоднократно знакомым, что любое нервное потрясение может привести к выкидышу. Вот, ангелочек и решил устроить своей мамочке такое потрясение, да так, чтобы ее не заподозрили и не выкрыли.

63

Когда Татьяна приехала из больницы домой праздновать новый год, то первым делом она зашла к своей маленькой и любимой дочке, которую уже давно не видела. Агнесса уже знала, что мама в доме и стала готовиться к представлению, специально разыгранному для

нее.

— Это уже ласказала нам сама Татьяна Лыбакова. — Сергей Петрович встал с дивана и подошел к окну. — «Все выглядело так плавноподобно, — сквозь слезы, болмотала женщина, — что я и подумать не могла, что она это выдумала».

Рыбакова вошла в комнату и увидела, как Агнесса наносит какую-то мазь себе на тело и хорошенько ее втирает в кожу. Увидев, что она в комнате не одна, девочка быстро натянула на себя халат.

— Мамочка! — радостно зачирикала Агнесса, прижавшись к огромному материнскому животу. — Ты приехала уже навсегда? Братик уже родился? — прикидывалась она глупым и наивным ребенком.

— Нет, ангел мой, — ответила ей Татьяна, перебирая черные волосы девочки. — Ребеночек еще не родился. Видишь, какой у меня еще большой живот.

Татьяна внимательно посмотрела в глаза ребенка, пытаясь понять, что случилось с дочкой за время ее отсутствия.

— Что это за мазь? — спросила она девочку, сев на постели.

— А ... э ... ы ..., - пыталась Агнесса что-то сказать, запинаясь.

— Это мазь от ссадин, — сказала Татьяна, прочитав на упаковке. — Зачем она тебе? Кто тебе ее дал?

Девочка молчала, как будто набрала воды в рот.

Татьяна, не выдержав ее молчания, стянула с нее халат.

По всему ее телу были синяки. Особенно большие ссадины находились на руках и ногах, выше локтей и колен. Татьяна схватилась за сердце рукой от увиденного ужаса. С глаз хлынули слезы.

— Кто это сделал? — спросила она тихим голосом малышку.

— Я упала с лестницы, — быстро ответила Агнесса.

— Не ври мне. От этого не бывают такие ссадины. Кто это сделал, милая? Не бойся, я тебя защищу. Тебе больше никто не посмеет сделать больно.

— Я не могу. Он запретил мне. Я его боюсь. Он плохой ..., - стала плакать Агнесса. — Он ... мне ... делает ... больно, — заикаясь, сказала девочка, заплакав. — Он ... п-п-приходит ... к-к-каждый в-в-ечер ... когда я т-т-только с-с-спать л-л-ложусь ...

Плечики Агнессы стали трястись от частых рыданий. Татьяна обняла малышку за плечики легонько, чтобы не причинить ей боли, но девочка все равно вскрикнула, увернувшись от объятий матери. На спине у нее Татьяна увидела еще больше ссадин. Опустив глаза вниз, она от ужаса закрыла их, чтобы не видеть той кошмар. Вся ее попа была похожа на одно красное яблоко. Ноги были усеяны страшными ссадинами, начиная от икр.

— Кто это сделал с тобой, доченька? — рыдая, спросила Татьяна.

— П-п-п-пап-п-па, — еле вымолвила малышка.

Татьяна схватилась за живот, закричав от ужасной боли. Агнесса натянула на себя халат, который полностью скрыл все ее ссадины.

— Он все время повторял, что я должна выполнять твои обязанности, пока ты носишь ребенка.

От этих слов у Татьяны пошла кровь, залив то место кровати, на котором она сидела.

— Ну, а дальше вам уже известно, — окончил грустный рассказ полковник, сев обратно на диван.

Мы были шокированы этим рассказом.

— Как она имитировала все те ссадины? — спросила я. — Она, что сама себя отлупила?

— Да.

Мы снова все замолчали. У меня мурашки побежали по всему телу. К горлу подкатил комок, не дающий мне свободно вздохнуть.

— Такого не пожелаешь своему злейшему врагу! — очнулась первой моя мама. — Дошенька, милая, — обратилась она внезапно ко мне, — прости ты меня, дуру неблагодарную!

Мои зрачки расширились от удивления.

— Я больше не буду тебе мешать работать в милиции. Если ты этого хочешь, то, пожалуйста. Ты у меня самая лучшая дочь в мире!

— Спасибо тебе, мама, — поблагодарила я ее.

Мне было так неловко от ее похвалы, что я покраснелась, как свекла. Чтобы сменить неловкую для меня обстановку, я задала полковнику вопрос.

— Сергей Петрович, а что случилось дальше с Рыбаковыми?

— Лежа в лоддоме, Татьяна была лазбита молально смелтью своего сына. Однако, еще больше ее угнетала мысль о том, что в то влемя, как она отлеживалась на больничной койке, ее малышка Агнесса находилась одна в доме с ее насильником. Ее телзала мысль, что Вениамин продолжает издеваться над малышкой. Он же тогда не появлялся в ее палате больше четылех дней из-за инфалкта, но ей влачи об этом не сообщили, чтобы не тлавмиловать ее еще больше. Поэтому она лешает сбежать с лоддома, тайно плоникнуть в свой дом и заблать Агнессу оттуда. Она лешила сбежать от мужа-насильника.

— И что ей это удалось? — перебила папу Муся.

— Неужели Татьяна поверила этой Агнессе? — добавил мой папа. — Она что разлюбила Вениамина?

— Как она могла усомниться в нем? — поддержала его мама.

— Лебята, хватит меня пелебивать, — потребовал полковник. — Иначе я собьюсь с мысли и плопущу что-то важное.

Мои родители и Муся умолкли и внимательно приготовились слушать полковника. Сергей Петрович продолжил свой рассказ.

64

Попав домой, Татьяна столкнулась в холле с домработницей Зиной. Та ей поведала, что Вениамин в больнице из-за инфаркта. Татьяна, вместо того, чтобы бежать с дочкой свет за очи, едет назад в больницу к мужу. Вениамину уже было намного лучше и его должны были выписать через два дня. Татьяна сказала мужу, что знает о его мерзком поступке и что она уходит от него с дочкой. Вениамин не понимал, в чем его обвиняет жена, а когда услышал, о чем шла речь, то схватился за сердце. Как бывает в таких случаях, люди разговаривают на повышенных тонах, нервишки у всех на пределе после случившейся трагедии и никто себя не контролирует в такой ситуации.

Вениамин стал оправдываться и корить жену за то, что она ему не верит. Также он обвинил Агнессу во лжи. Татьяна не хотела ему верить.

— Зачем ей такое делать? — спрашивала она. — Она же еще совсем глупый ребенок.

Вениамин попытался жене объяснить, что она с самого приезда в их дом была какой-то уж слишком совершенной, а такого быть не может. Все дети непоседливые и все время с ними бывают постоянные проблемы. А этот ангелочек ни единого раза не дал им повода, чтобы на нее хоть чуть-чуть покричать. Она всегда все делала правильно и как взрослый

человек воспринимала все вещи и дела.

— А помнишь тот случай со щенком? — спросил Вениамин. — Я думаю, что это она столкнула его со второго этажа. Помнишь, она даже не плакала за ним и ни минуты не горевала за этим пушистым, маленьким щеночком. У меня даже глаза прослезились, когда я увидел его бездыханное и окровавленное тельце около стены дома.

— Она была еще маленькой, чтобы понимать такие вещи, — попыталась защитит Агнессу Татьяна.

Вениамин все время держался за сердце, но Татьяна этого не замечала, слишком уж она была возбуждена.

— Тебя не было на похоронах нашего мальчика, — продолжал он; у него глаза стали влажными от слез. — А я там был! И я видел, что Агнесса и слезинки не проронила за ... А наоборот ее глаза улыбались. Я это видел! Она придумала всю эту историю, чтобы у тебя случились преждевременные роды и чтобы наш мальчик не выжил.

После этих слов Вениамин вскрикнул, держась за сердце, и тут же умолк.

— Дальше Татьяна Иголевна помнила плохо, что плоисходило: похолоны мужа, слова утешения подлуг и знакомых, а в голове тволилась суматоха и плотиволечивые мысли все время не давали ей покоя.

Полковник попросил принести ему стакан воды. Я быстро согласилась услужить ему и направилась на кухню, только сейчас заметив, что я была в пижаме. Хотя бы кто-то мне намекнул, что я неприлично одета, особенно, Муся. Это же она меня вытащила из постели. Неужели она не заметила, во что я была одета? Хотя если учесть тот факт, что я сама не заметила этого, то Муси частично можно простить ее оплошность.

— Доша, обед только через час, — встретила меня вежливо Аня на кухне. — Нечего себе перебивать аппетит всякой дрянью.

— Аня, ты, как всегда, в настроении. Я только за водой для Сергея Петровича. У него сушняк.

С разрешения главного стража нашей кухни мне выдали стакан воды, и я пошла обратно в гостиную. Полковник выпил воды и продолжил рассказывать.

После похорон мужа Татьяна впала в депрессию на целый год. Она так и не знала, где зарыта правда. Агнесса как всегда была мила, словно ангелочек, и Татьяна никак не могла поверить в то, что эта девочка наврала ей про весь тот ужас, чтобы избавиться от еще не рожденного брата. С другой стороны, Татьяна также не верила в то, что Вениамин надругался над маленькой девочкой. Она его знала всю жизнь, они прожили вместе двадцать лет в счастливом браке. Он на нее ни разу не повысил голос, тем более не поднял руки. Если бы не ее лучшая подруга Кристина, то Татьяна бы продолжала волочить серую и нудную жизнь. Крися уговорила Таню заняться бизнесом ее покойного мужа, а то дела на фирме начали ухудшаться, и ей грозило разорение, если немедленно не принять меры. Вот, так и появилась в светских кругах известная и очень успешная бизнесвумен, госпожа Рыбакова. Татьяна с головой ушла в дела, поэтому бывала она дома редко и видела Агнессу только утром и вечером за столом. Словом, от их прежних нежных отношений остались только воспоминания.

Когда Агнессе исполнилось пятнадцать, она влюбилась в Андрюшу, сына Кристины. Девятнадцатилетний парень отвечал ей взаимностью и у них закрутился роман. В то время как для Агнессы это все было серьезно, то для парня просто очередная игра. Наигравшись с девчонкой, он ее бросил и сразу нашел ей замену. Но Агнесса этого, ни ему, ни его новой

пассии не попустила это просто так. Она напала на девушку и хорошенько ту избил, да так, что та попала в больницу. У пострадавшей были два перелома ребер, переломанный нос и все лицо в жутких царапинах. Девушка была из бедной семьи, и денег на пластическую операцию у них не было, поэтому ей грозила перспектива всю жизнь ходить с изуродованным лицом, если бы в это дело не вмешалась Татьяна. Она узнала от Криси, что девушку ее Андрея кто-то жестоко избил, и сразу догадалась, что это дело рук ее дочери-ангелочка. Татьяна насильно увезла Агнессу в элитный американский колледж, чтобы та не причинила чего-то еще Андрею. А сама дала деньги на пластическую операцию для пострадавшей девушки.

Татьяна ни разу не навестила Агнессу в колледже за все семь лет ее учебы. У нее не было желания видеть девушку, которая погубила жизнь ее мужа, ее сына и ее личную.

Рыбакова каждый месяц перечисляла на личный счет Агнессы в банке деньги, и та жила в Сан-Франциско счастливо, ни в чем себе не отказывая.

— Зачем Рыбакова давала Агнессе деньги, зная правду? — спросила Муся.

— Она не хотела, чтобы та возвратилась в Москву, — объяснил полковник. — Но Агнесса все-таки велнулась на лодину и она встлелась с мателью, с котолой не виделась столько лет. Татьяна купила для Агнессы четырёхкомнатную квалтилу в элитном лайоне, чтобы та не жила с ней в одном доме. Также она ей плододжала пелечислать деньги на ее счет в банке. У Агнессы сколо появился жених, и дело шло к блаку. Но почему-то ей в любви не везло, всегда появлялся кто-то тлетий, и она ставала лишней. Плям, какой-то Белмудский тлеугольник!

— Так она убила своего жениха и его любовницу? — догадалась я. — Это тем ножом она их прирезала? Это их кровь осталась на ноже?

— Да, ты угадала, Доша. Она застала жениха в постели с ее подлугой и со стлашной злостью наблосилась сначала на любимого и нанесла ему десять ножовых лан, а уже тогда убила подлугу-изменницу.

— Как орудие убийства попало к Владимиру Ильичу? — продолжала я ставить полковнику вопросы. — Не Ленину! Я говорю о Булдыгине, отце Коли, — добавила я наперед, в случае, если кто-то из присутствующих подумает не о том Владимире Ильиче.

65

— Владимир того вечела плигласил в бал знакомого, котолый лаботал в отделе экспелтиз. Тот как лаз должен был отвезти нож, найденный в квалтиле, где случилось двойное убийство в отдел на экспелтизу. Но тот был безответственным лаботиком и вместо того, чтобы слазу отвести улику, куда надо, он лешил пелед этим вышить стаканчик пива на халяву, за счет Булдыгина. За длужеской беседой «экспелт» ласказал собутыльнику об этом случае. Также он ляпнул, что они подозревают в убийстве женщину, невесту убитого. Именно, ее отпечатки и остались на ноже. У Владимира возник гениальный план. Он напоил знакомого так, что тот полностью отключился. Владимир стащил у мужика улику и отвез того домой. Тот так и до сих пол не помнит, как он потелял нож. Из-за отсутствия улик это двойное убийство так и не ласклыли.

— А Владимир Ильич провел свое собственное расследование и выяснил, кому именно принадлежат отпечатки пальцев на ноже. Так?

— Ты попала в самое яблочко!

— Дальше Булдыгин шантажирует Агнессу. Вот откуда у их семьи были деньги на курорты, море, шубки и все другое! Но откуда у Агнессы деньги, чтобы платить шантажисту?

— От Татьяны. Агнесса плиглозила ей, что ласпустит слухи о том, что ее покойный папенька насиловал ее в детстве.

— И Татьяна купилась на это?

— Да. Она не хотела, чтобы ее бедного Вениамина обсуждали все сплетницы Москвы. Татьяна была увелена, что Агнессе повелят из-за ее ангельского личика и голоса.

— Так эта уродина убила Колиньку или это не ее рук дело? — нетерпеливо спросила Муся.

Сергей Петрович глубоко вздохнул и ответил:

— Да.

Мы все помянули память молодого парня минутой молчания.

— Она также заплатила бомжу и тот плилезал Булдыгина на улице, — сообщил Сергей Петрович.

— А почему Агнесса перестала платить Владимиру Ильичу за его молчания?

— Агнесса узнала, что сын Булдыгина на самом деле сын ее мужа, Леонида Потапенка. Она очень лазозлилась, конечно. И еще Владимир потлебовал больше денег, чем всегда. Вот, Агнесса и лешила покончить с шантажистом навсегда. Только она не учла, что тот поведал свои тайны жене и сыну. И челез некое влемея Коля лешает лаздобыть деньги таким плостым способом. Он звонит Потапенко и назначает встлечу с ней на клыше своего дома. Агнесса отказывается ему платить и плямо так и заявляет, а Коля угложает ей, что плямо сейчас облатиться в милицию. Ну, и между ними завязывается ссола. Агнесса, лазозлившись не на шутку, мгновенно лешает столкнуть палня с клыши и таким облазом избавитья от назойливого шантажиста. Так она и сделала.

— Колинька, ну, зачем тебе было с ней связываться? — пробубнила я. — Сейчас ты был бы жив и радовался бы жизни.

— Лалисе Ивановне она дает яд под видом таблеток, пелеодевшись медсестлой, аж два лаза. Только в больнице ее лазоблачил влач Ледьков и начинает ей угложать, что сдаст ее милиции. Она соглашается на его условия, и он все обстлоивает, как бы пеледозировка. Но Агнесса толкает его под поезд в Пителе. У нас даже есть свидетель той жуткой сцены и он опознал Агнессу.

— А зачем она отравила мужа? — поинтересовался мой папа.

— Леонид Потапенко узнал о том, что его жена убила своего жениха, его любовницу и Владимира Булдыгина от Коли, котолый одновлеменно лешил шантажиловать не только Агнессу, но и ее мужа, то есть своего настоящего папеньку. Хотел видно, палень, сколотить себе состояние шантажом. Вот, поэтому Потапенко после похолон Лалисы Ивановны, котолую он всегда любил, сообщает жене, что идет в милицию, чтобы ее выдать. А она ему подсыпает яд и он умиляет от якобы инфалкта.

— А зачем Ректорша убила Елену Прекрасную, любовницу мужа, да еще таким варварским способом? — спросила я у полковника.

— Это какая-то кличка или ты имеешь в виду настоящую Елену Плекласную из Тлои?

— Речь идет о Кларе, работавшей преподавателем в академии. Ее изувеченное тело нашли в озере.

— А! — задумался Сергей Петрович. — Я плипоминаю этот случай. Однако, это делс закрыто из-за отсутствия улик. Ты считаешь, что и эту женщину убила тоже Потапенко?

— Да.

— Может и так это, Доша. Только Агнесса сама не плизналась в этом, а у нас нет ни

свидетелей, ни улик по этому поводу. Так что за это ее судить не будут.

Жуткая история! У меня мурашки по кожи бегали еще неделю при упоминании имени этой Агнессы. Скольким людям она исковеркала судьбы! А скольких убила! Слава Богу, что ее поймали и посадили в тюрьму! Если бы я не была подружкой Коли, то, наверное, я нашла бы даже для этой особы оправдание. Агнесса, как Титаник, застряла в Бермудском треугольнике, то есть в своих пороках, и так пошла ко дну.

— Надеюсь, ты меня видишь оттуда, — обратилась я к Коле, стоя возле его могилы. — Твою убийцу поймали и наказали.

Я нагнулась над насыпом и поставила сверху его любимые алые розы.

— Ты всегда будешь в моем сердце. Я тебя никогда не забуду.

Резкая боль пронзила мое сердце, и комок подкатился к горлу, а с глаз хлынули слезы. Хотя я себе говорила, что не буду больше плакать за ним, но это было выше моих сил — сдерживать свои эмоции.

Через месяц над могилами Коли и Ларисы Ивановны будут стоять надгробные памятники. Об этом позаботился мой папа.

66

Результаты психиатрического осмотра показали, что Агнесса Потапенко абсолютно здоровая женщина и полностью здравомыслящая. Она получила пожизненное заключение на зоне строгого режима. Уверена, что из-за ее красивого личика она будет пользоваться большим успехом в своих сокамерниц-подруг. Она получит от них по полной программе за все свои содеянные преступления. Эта гадина загубила жизнь моему лучшему другу Коли и его семье. Из-за нее погибла вся семья Булдыгиных, и их род на этом прервался, потому что Коля был последним из их династии. Также эта стерва погубила семью Рыбаковых, которые ее пригрели у себя в доме, окружили ее любовью и заботой, а она убила их сына, хотя и не собственными руками, но ложью и хитростью. Со смертью Вениамина род Рыбаковых тоже прервался.

Сергей Петрович вернулся к себе на квартиру. Но Муся с ним не поехала. Она осталась в доме моих родителей.

— Там еще ничего не отремонтировано, — жалелась она моей мамочке. — Над моей постелью еще до сих пор капает вода с потолка, когда идет дождь. Мне что с зонтиком спать ложиться, что ли?

— Муся, оставайся у нас, — предложила моя мать. — Мы тебе все будем только рады.

Моя подруга этого только ждала и за день перевезла к нам горы вещей. Мне почему-то показалось, что она переехала сюда насовсем. Я общем только этому и рада.

Кстати, я также не съехала от своих родителей, потому, что моя мамочка пообещала мне больше не искать женихов из сливок общества. Правда, я мало верю в то, что она отказалась от своей затеи меня женить и как можно быстрее, но выхода у меня нету. Моей зарплаты модели еще пока не хватает на то, чтобы я могла себе снять пристойное жилье и пристойно питаться.

Развалившись на кровати с вкусными пирожными, я смотрела детективный сериал, снятый за романом Дарьи Донцовой. Там главная героиня со странным именем Вилка и со странными волосами вечно гоняет по городу на велосипеде в поисках преступников. И меня больше всего поражает то, что она никогда не опаздывает и не попадает в пробки. В то время, когда потные и злобные дяди на своих машинах томятся в очередном заторе, Вилка себе спокойненько проезжает мимо их раскрасневшихся физиономий на своем бесценном

велосипеде, напевая при этом песню «Жара» группы Чичерина. Может и себе купить такую лошадку? Тогда мне точно больше не придется ждать на автобус полтора часа или идти пешком на шпильках-дрильках под солнцем. Представляю себе, как смешно я буду выглядеть со стороны верхом на велосипеде в коротеньком платьице и с огромными каблучищами. Ведь мне в другой одежде нельзя являться на работу. А к скольким авариям мое платье приведет! Страшно даже подумать! Нет, к такому низкому способу я не опущусь для того, чтобы привлечь к себе внимание мужчин. Мне хватает внимания и от Жени, и от Бориса. Кстати, он скоро должен прийти, а я еще не одета даже.

Я встала с кровати и открыла шкаф. Все-таки хорошо, что я не выбрасывала все те шикарные и страшно дорогие вещишки, подарки моих бабулечки и мамулечки, а бережно их складывала подальше в прабабушкиный сундук. Времена меняются, а с ними и увлечения. Эта одежда теперь у меня висит в главном шкафу, а в сундук я упрятала свои бывшие футболки и джинсы с кроссовками.

Не пойму почему, но сегодня я выбирала наряд так долго, что опоздала на свидание. У меня было такое чувство, что что-то хорошее должно было случиться на нем. Спустившись вниз в желтом, конечно, коротком платьице и того же цвета шпильках-дрильках, я увидела, как Муся мило чирикает с Женей. Только Карла еще не было. На Муси было точь в точь такое же платьице, как у меня.

— Доша, что это такое?! — взбесилась она, увидав мой наряд.

— Муся, я не нарочно. Честное слово. Я даже не знала, что у тебя есть такое платьице.

— Нет, ты специально! — продолжала возмущаться Муся.

— Если хочешь, я пойду, поменяю свое? Я же знаю, сколько много значит для тебя это свидание.

— Да, немедленно иди, переодевайся! — скомандовала подруга.

— А как на меня, то не надо, — вмешался Женя, улыбаясь. — Вы выглядите прикольно. Как две близняшки!

— Вот, видишь, Доша, что Женичка говорит! Ты мне испортила все свидание.

Я только повернулась, чтобы пойти наверх, как увидела в дверях Карла. Словом, мне так и не удалось сменить наряд.

— Приветик, Доша! — затараторил Карлито. — Дом прямо отпад! И наряд у тебя тоже, — похвалил он мою одежду.

— Спасибо, — ответила я и познакомила его с моими друзьями. — Это — Мария, а это — Женя.

— Маша, у тебя прикид просто отпад! — сделал Карл ей комплимент. — Но где-то я такой отпад уже видел. Но где? — задумался он.

Мы с Женей рассмеялись, а Муся заныла.

— А! — дошло наконец к Карлу. — Вы сговорились, чтобы прикольно было, да?

Я проводила гостей в сад, где находились уютные скамейки под пышными кронами деревьев. Здесь было очень прохладно и тихо, как в раю. Анна принесла нам закуски и прохладительные напитки. Мои родители нам не мешали, уединившись в своей комнате.

Эпилог

За мирной беседой пробежали два часа.

— Доша, можно тебя на минуточку? — обратился ко мне Женя.

Мы отошли в сторонку.

— Доша, этот твой друг Карлито ко мне цепляется, — начал Женя.

— Ты что, Женя!

— Нет, серьезно. Он мне с самого начала бесики пускает глазами и лукаво улыбается.

— Хватит, Женя, шутить!

— Я не шучу, Доша. Он под столом терся коленкой о мою ногу.

— Ну и шуточки у тебя, друг! — рассмеялась я и вернулась к столу, не дожидаясь на Женю.

Через несколько минут Карл попросил меня отойти с ним в сторонку. Я согласилась, конечно.

— Доша, этот красавец и сердцеед Женичка не гей! — заныл Карл, только мы уединились.

— Конечно, не гей, — ответила я.

— Так зачем ты мне с ним свидание устроила? Он на меня даже не смотрит.

— А я тебе устроила свидание не с ним, а со своей подругой.

— Ты что, Доша, издеваешься над бедным Карлитом? Решила надо мною посмеяться? Если я гей, то можно надо мною глумиться? Так, что ли?

— Ты что гей? — Мои глаза полезли на лоб.

— Конечно. А ты что не знала?

— Нет. Карл, но почему ты сразу не понял, что я тебе девушку предлагаю, а не мальчика? Я же назвала ее имя — Муся.

— Ты что не знаешь, Доша, что мы своих мальчиков всегда такими именами зовем? Муся, Пуся, Куся!

Ну и что вы мне посоветуете? Как я должна себя вести после такого?

Я, вернувшись к столу, как ничего не бывало, продолжила хихикать и гудеть обо всем, что только мне шло на ум.

— Ой, какие зайчики! — засюсюкал Карл к котяткам, которые появились на горизонте. — Какие лапочки! А скока их много!

— Милые создания, — добавил Женя.

— Это мои котята, — сообщила Муся, встав со скамьи и погладив одного. — Если хочешь, я тебе подарю кого-то, Женичка?

— Я бы с радостью взял малыша, но меня целый день нету дома. Он у меня будет скучать. Лучше пусть живет здесь.

— Муся, там какой-то парень спрашивает тебя, — сообщила Аня. — Говорит, что привез твою кошку.

Мы переглянулись с Мусей.

— Аня, а почему эта новенькая девица тебе не помогает по дому? — спросила я, когда Аня положила на столик прохладительные напитки. — Ты же не можешь всюду поспевать. У тебя так здоровья не хватит.

— Доша, ты, что не знаешь? Она уже больше недели, как уволена Милой.

— Нет, я не знала. Аня, будь добра, направь посетителя сюда.

Анна ушла, и через пять минут в саду появился парень. Издалека он мне показался до боли знакомым. Неужели это Борис? Нет, это не он. Откуда ему тут взяться? Он ведь не знает, где мой настоящий дом. А в квартире Катошкиных я давно не появлялась.

Я повернулась спиной к знакомому Муси. Что-то я устала за весь день от общения и посетителей, поэтому не очень-то желала видеть еще кого-то. Мои мысли были заняты другим. Мое сердце вдруг зануло, и я стала тосковать за Борисом, который бесследно исчез.

— Добрый вечер. Кто из вас Мария Катошкина? — услышала я мужской голос, который страшно походил на голос Бориса. Наверное, я сошла с ума от любви. И теперь мне объект моих грез станет не только слышится повсюду, но и мерещиться.

— Я, — ответила Муся. — А ты кто? Мы разве знакомы?

— Я парень твоей подруги Евы.

Услышав такое, я сразу повернулась лицом к говорившему человеку, и чуть не скатилась со стула, увидев перед собой, — кого вы бы думали? Да, конечно, Бориса.

— А у меня нету подруги с таким именем, — тем временем чирикала Муся, мило улыбаясь парню.

— Как нету! Вот, же она сидит рядом с тобой, — удивился Борис словам моей подруги, указав рукой на меня.

Все уставились в мою сторону.

— И вот твоя кошка. Твой папа, кстати, попросил меня отвести ее по этому адресу. — Борис отдал Тигрицу в руки Муси.

— А я думала она убежала.

— Нет, просто мы переехали так внезапно, — сказала я, — что забыли о кошке. А она все время приходила, бедненькая, домой, а там никого не было.

— И обо мне ты тоже забыла, — вдруг как-то резко сказал Борис. — Я тоже приходил, а там никого не было. Будто живем в современном мире! А мобильного номера ты мне так и не оставила. Ведь так было бы намного легче тебя найти.

— Точно. Я же не дала тебе адреса моих родителей, ну, и конечно, номерок не продиктовала я тебе свой. А я думала, ты меня забыл.

— Доша, кто этот парень? — вмешался Женя. — Почему он зовет тебя своей девушкой? И еще Евой?

— Боря, меня на самом деле зовут Евдокия, — не обращая внимания на вопросы Жени, я попыталась все объяснить Борису.

— Я понял, почему ты наврала об этом. Жуткое имя! Ева было намного лучше.

Мы рассмеялись вдвоем.

— Меня, кстати, тоже не зовут Борисом.

— А как? — удивилась я.

— Болеслав! — услышали мы голос моей мамочки. — Какими судьбами в нас?

— Людмила Тарасовна и вы здесь! — удивился Борис. — Что вы здесь делаете?

— Это мой дом. А это моя дочь, Доша. Жаль, что вы тогда не познакомились. Вы оба соизволили так и не прийти на слепое свидание, которое я тогда вам устроила. А сейчас Доша имеет парня. Женя очень нравится моей дочке. И я вижу, у них там, что-то накльовывается серьезное.

— Ты тот самый Болеслав Корилов? — уставилась я на него.

— А ты Доша Острофанова? — уставился на меня Борис. — Моя мама мне все уши прожужжала: «Замечательная девочка! Отличная партия! Послушная, скромная, застенчивая». Вот, я и не пришел. Зачем мне такая жена?! Мне нужна настоящая любовь до гроба, ка говорят, а не скромность и застенчивость!

— А я вообще тогда из дому сбежала, чтобы меня не женили на каком-то мешке с деньгами.

— В тот день, когда я встретил тебя с чемоданами и без денег в трамвае?

— Да.

— Еще никто не убежал от своей судьбы! — подытожил Карл. — Это называется — карма!

Вот, так я и оказалась между двумя огнями. С одной стороны сидел Женя, а с другой — Борис. Они обменивались злобными взглядами, будто метали молнии друг в друга. А напротив меня сидела Муся. Она выглядела так, что готова была вцепиться в мои волосы и вырвать их мне все до единого. Ну, и как объяснить Муси, что меня не интересует Женя? Или интересует? А как дать понять Жени, что мы с ним не пара? Или может, все-таки пара! А как Бориса, точнее Болеслава, заставить не ревновать к Карасеву? Жуткая ситуация, я вам скажу. Прямо, какой-то любовный треугольник!

Больше книг на сайте - Knigoed.net